

<https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1>

ISSN 2587-9286 (Print)

ISSN 2619-1636 (Online)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2021. Том 6, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-69646
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2021, VOL. 6, NO. 1

ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences»
(420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ПИ № ФС 77-69646
received from Roskomnadzor on May 2, 2017

Published twice annually

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

<https://historicaethnology.org>
E-mail: historical.ethnology@gmail.com

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2021

© «Историческая этнология», 2021

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственные редакторы по специальной теме номера: Галлямова Альфия Габдульнуровна, Ханипова Ильнара Ильдусовна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Давлетшина Лилия Шамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Давлетшина Лилия Шамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна (Университет штата Пенсильвания, Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация)

Данилко Елена Сергеевна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация)

Дробижева Леокадия Михайловна (Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация)

Екеев Николай Васильевич (Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна (Университет Объединенных Арабских Эмиратов, Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуа Атеуши (Университет Вандербильта, Нашвилл, Теннеси, США)

Хотопп-Рике Миесте (Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ИСАТАТ), Магдебург, Германия)

Низамова Лилия Равильевна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ногманов Айдар Ильсурович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович (Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Российская Федерация)

Титмайер Элизабет (Музей Европейских Культур, Берлин, Германия)

Шайдуллин Рафаэль Валеевич (Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ягафова Екатерина Андреевна (Самарский государственный педагогический университет, Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara Gabdrakhmanova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Editors for Special topic of the issue: Alfiya Gallyamova, Ilnara Khanipova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Tatar Editor: Lilia Davletshina (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Lilia Davletshina (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry (Pennsylvania State University, University Park, USA)

Liliya Gabdrarifkova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Marat Gibatdinov (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Andrey Golovnev (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation)

Elena Danilko (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Leokadiya Drobizheva (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Nikolay Ekeev (S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altai, Russian Federation)

Aygul Zabirova (United Arab Emirates University, Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue (Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States))

Mieste Hotopp-Riecke (Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT), Magdeburg, Germany)

Liliya Nizamova (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Aydar Nogmanov (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Radik Salikhov (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

El'dar Seydametov (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation)

Elisabeth Tietmeyer (Museum of European Cultures, Berlin, Germany)

Rafael Shaidullin (Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Ekaterina Yagafova (Samara State Pedagogical University, Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Специальная тема номера: Участие народов в Великой Отечественной войне (отв. ред. *А.Г. Галлямова, И.И. Ханипова*)

<i>Галлямова А.Г.</i> Введение	6
<i>Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. А.Ш. Кабирова (Асылгараева)</i> – исследователь вклада женщин Татарстана в достижение Победы в годы войны 1941–1945 гг.	9
<i>Репинецкий А.И.</i> Безымянка – ядро авиационного комплекса Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны	15
<i>Галлямова А.Г.</i> Взгляд на историю Великой Отечественной войны через призму микроистории	30
<i>Ханипова И.И.</i> Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории	43
<i>Щеглова Т.К.</i> Собирачество в системе питания сельского русского населения юга Западной Сибири: адаптационные повседневные практики как фактор победы в Великой Отечественной войне	65

Этнография тюркского мира

<i>Гаффорова Д.Х.</i> Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера	82
<i>Suslova S.V.</i> Folk costume traditions in the modern culture of the Volga-Ural Tatars	96

Микроистория и культура повседневности

<i>Загидуллин И.К.</i> Особенности проведения Первой всеобщей переписи 1897 г. в Мензелинском уезде Уфимской губернии	106
--	-----

История изучения народов. История науки в регионах

<i>Ивановская Н.И.</i> Этнографический отдел Русского музея в реалиях общественно-политической жизни 1920–1930-х гг.	120
<i>Баһаветдинова Х.З.</i> Галимә Хәкимова Рабига Афзаловна: тормыш юлы һәм эшчәнлеге	132
<i>Багаутдинов Ф.Н.</i> История юридических наук в Республике Татарстан в последнее столетие	141

ДОКУМЕНТЫ

<i>Закирова И.Г.</i> Истәлекләрдә – сугыш кайтавазы	151
<i>Дәүләтшина Л.Ш.</i> Тәфкил ага Бикчәнтәев истәлекләре	171

НОВЫЕ КНИГИ

<i>Габдрахманова Г.Ф.</i> Рецензия на монографию О.В. Васильевой «Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ» (Якутск, 2020)	177
--	-----

CONTENTS

PUBLICATIONS

Special topic of the issue: Participation of peoples in the Great Patriotic War (Managing editors *A.G. Gallyamova, I.I. Khanipova*)

<i>Gallyamova A.G.</i> Introduction	6
<i>Telishev V.F., Sakaev V.T.</i> A.Sh. Kabirova (Asylgaraeva) – researcher of Tatarstan women’s contribution to Victory during the war of 1941–1945	9
<i>Repinetskiy A.I.</i> Bezymyanka – the core of the aviation complex in the Middle Volga Region during the Great Patriotic War	15
<i>Gallyamova A.G.</i> A Look at the History of the Great Patriotic War through the Prism of Microhistory	30
<i>Khanipova I.I.</i> The Great Patriotic War in People’s memory: potential of personal origin sources and materials of oral history	43
<i>Shcheglova T.K.</i> Gathering in the nutrition system of rural Russian population of the South of Western Siberia: adaptation everyday practices as a factor of winning the Great Patriotic War	65

Ethnography of the Turkish world

<i>Gafforova D.Kh.</i> Clothing and Weapons of the Bukhara Oasis Population in the Second Half of the 19th Century in the Representations of Henry Moser	82
<i>Suslova S.V.</i> Folk costume traditions in the modern culture of the Volga-Ural Tatars	96

Microhistory and culture of everyday

<i>Zagidullin I.K.</i> Specifics of the First General Population Census of 1897 in Menzelinsk District of Ufa Province	106
---	-----

History of studying peoples. History of science in regions

<i>Ivanoskaya N.I.</i> The Ethnographic Department of the Russian Museum in the Realities of Social-Political life in the 1920s and 1930s	120
<i>Bagautdinova Kh.Z.</i> Scholar Rabiga Afzalovna Khakimova: Academic Work and Life Path	132
<i>Bagautdinov F.N.</i> The History of Jurisprudence in the Republic of Tatarstan in the Last Century	141

DOCUMENTS

<i>Zakirova I.G.</i> Memories are an Echo of War	151
<i>Davletshina L.Sh.</i> Memories of Tafil Bikchantaev	171

NEW BOOKS

<i>Gabdrakhmanova G.F.</i> Review of the monograph by O.V. Vasilyeva “Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis” (Yakutsk, 2020)	177
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

УЧАСТИЕ НАРОДОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*Посвящается 80-летию начала войны
и памяти А.Ш. Кабировой (1966–2020)*

ВВЕДЕНИЕ

А.Г. Галлямова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
alfiya1955@gmail.com*

Тематическая подборка «Участие народов в Великой Отечественной войне» приурочена к 80-летию начала войны и посвящается памяти преждевременно ушедшей Айслу Шарипзяновны Кабировой, главной темой исследований которой была Великая Отечественная война в судьбе Татарстана и татарского народа. В рубрику вошли статьи ее коллег и соратников, поднимающих сложные вопросы интерпретации военной истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, А.Ш. Кабирова, Татарская АССР

22 июня 2021 г. Российская Федерация отметит 80-летие одной из самых трагических дат в истории страны: началась самая кровопролитная война для ее народов. К этой дате отдел новейшей истории Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан еще в бытность заведующей Айсылу Шарипзяновны Кабировой запланировал провести научный форум. Без сомнения, главный доклад на нем сделала бы она, признанный исследователь Великой Отечественной войны. Но страшная болезнь, поразившая человечество в 2020 г., вырвала нашу дорогую коллегу из немногочисленных рядов ученых – исследователей советского периода в истории Татарстана.

В одном из номеров журнала «Историческая этнология» мы уже касались некоторых количественных и качественных характеристик научного вклада А.Ш. Кабировой (Историческая этнология. 2020. Том 5, № 3). Здесь еще раз хочется выразить признательность использованному в ее трудах подходу к историческому материалу. А.Ш. Кабирова ввела в научный оборот огромное количество новых, малоизвестных фактов, извлеченных из фондов архивохранилищ Казани и Москвы, материалов периодической печати. Их грамотное использование позволили исследователю избежать субъективного и одностороннего стиля в интерпретации комплексных проблем развития общества в экстремальных условиях. Именно такой путь, без политического ангажирования, с бережным отношением к источникам, с неутомимым их поиском является наиболее продуктивным для ученого и определяет его ценность для общества. Такой подход без выискивания выгодных ученому или какому-либо заказу коннотаций позволяет осветить прошлое максимально адекватно со всех сторон.

В представленную рубрику включены статьи ее коллег и соратников, поднимающих сложные вопросы интерпретации военной истории. Гендерные аспекты социальной истории Великой Отечественной войны и вклад А.Ш. Кабировой в исследование проблемы раскрывает статья В.Ф. Телишева и В.Т. Сакаева. А.И. Репинецкий сосредотачивает внимание на значении для Победы в Великой Отечественной войне одного из крупнейших лагерей системы ГУЛАГ – Безымянлаге. Метод устной истории использован в исследованиях авторов трех статей. А.Г. Галлямова на материалах села Новое Надырово Альметьевского района Татарской АССР показывает войну как самую тяжелую антигуманную форму проявления социальных отношений. Экстремальные условия военного времени коснулись всех слоев общества. Дети войны были лишены детства и, как и взрослые, вынуждены были прикладывать чрезмерные усилия для выживания в условиях колоссального физического и эмоционального напряжения советского общества. Это на материалах воспоминаний детей войны раскрывает И.Х. Ханипова. Малоизученным этнокультурным аспектам социальной истории Великой Отечественной войны посвящена публикация Т.К. Щегловой. Автор показывает значение этнических традиционных культур, трудовых и семейных традиций в сохранении стабильности и трудоспособности сельского русского населения юга Западной Сибири.

Редакторы рубрики надеются, что представленные статьи послужат продолжению дискуссии о непростых вопросах Великой Отечественной войны и методологических проблемах их изучения, инициированных А.Ш. Кабировой.

Сведения об авторе: Галлямова Альфия Габдульнуровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alfiya1955@gmail.com

Поступила 24.02.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

SPECIAL TOPIC OF THE ISSUE:
PARTICIPATION OF PEOPLES IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

*Dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the war
and the memory of A.Sh. Kabirova (1966–2020)*

INTRODUCTION

A.G. Gallyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
alfiya1955@gmail.com*

The thematic selection “Participation of peoples in the Great Patriotic War” is dated to the 80th anniversary of the beginning of the war and is dedicated to the memory of the prematurely deceased Aislu Sh. Kabirova. The main subject of Kabirova’s research was the Great Patriotic War in the fate of Tatarstan and the Tatar people. The rubric includes articles by her colleagues and associates raising complex issues of interpreting military history.

Keywords: the Great Patriotic War, A.Sh. Kabirova, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

About the author: Alfiya G. Gallyamova, Doctor Sc. (History), Leading Researcher, Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); alfiya1955@gmail.com

Received February 24, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

УДК 929

**А.Ш. КАБИРОВА (АСЫЛГАРАЕВА) – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ВКЛАДА ЖЕНЩИН ТАТАРСТАНА В ДОСТИЖЕНИЕ
ПОБЕДЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.**

В.Ф. Телишев

*Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация
vftelishev@kpfu.ru*

В.Т. Сакаев

*Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация
sakaev2003@mail.ru*

Статья посвящена характеристике процесса становления А.Ш. Кабировой (Асылгараевой) как исследователя на первом этапе ее научной биографии. Показан вклад ученого в исследование проблем социальной истории Великой Отечественной войны, в первую очередь ее гендерного аспекта. Описывается процесс подготовки и защиты А.Ш. Кабировой кандидатской диссертации на тему «Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Дается характеристика проделанной исследователем значительной работы и описываются ее особенности. Статья написана с опорой на личные воспоминания и материалы, сохранившиеся в личном архиве В.Ф. Телишева. Освещается проделанная исследователем А.Ш. Кабировой серьезная работа по сбору и изучению информации о месте и роли женщин Татарстана в основных областях экономической, общественной, культурной жизни республики и их участии на фронтах Великой Отечественной войны. Дается оценка значения данной диссертации и выпущенной затем на ее основе монографии «Женщины Татарстана на фронте и в тылу» в развитии исследований истории Татарской АССР военного периода.

Ключевые слова: А.Ш. Кабирова (Асылгараева), Великая Отечественная война, гендерные исследования, женщины, Республика Татарстан

Для цитирования: Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. А.Ш. Кабирова (Асылгараева) – исследователь вклада женщин Татарстана в достижение Победы в годы войны 1941–1945 гг. // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 9–14. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.9-14>

Выпускница исторического факультета Казанского государственного университета А.Ш. Асылгараева в 1988 г. поступила в аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ, где начала делать свои первые научные шаги под руководством доктора историче-

ских наук, профессора, заслуженного работника культуры РСФСР, заслуженного деятеля науки ТАССР, участника Великой Отечественной войны Гильманова Зямиля Ибрагимовича.

Профессор З.И. Гильманов первым из историков Татарстана комплексно рассмотрел общий вклад республики в Победу в годы Великой Отечественной войны, исследовал трудовые и ратные подвиги её жителей в тылу и на фронте. Его имя было широко известно в научном мире. Это во многом определило дальнейшую научную судьбу Айслу Шарипзяновны. Научный руководитель привлёк её внимание к малоисследованной проблеме – к изучению вклада женщин Татарской АССР в достижение Победы, по которой в региональной историографии имелись лишь эпизодические сюжеты. Сложность была в том, что гендерное исследование требовало дополнительных знаний и умений при освещении вклада женщин в военно-экономическое обеспечение Победы, так как в архивных документах и иных источниках открытого доступа анализируемая проблема как самостоятельная не рассматривалась. Вместе с тем большое влияние на исследователей конца 1980-х – начала 1990-х гг. оказывали процессы, происходившие в обществе в связи с пересмотром прежних идеологических постулатов и переосмыслением многих устоявшихся положений, касавшихся советской истории в целом и периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в особенности. Перед каждым исследователем в те годы стояла задача не раствориться среди множества мнений и теорий, не подстраиваться под чьи-то взгляды, а самостоятельно правдиво и достоверно освещать исторические события, при этом критично отражая положительные и отрицательные их стороны. В тех условиях для молодого исследователя значительную роль играло мудрое слово Учителя. Вот как о том времени вспоминала Айслу Шарипзяновна: «В процессе работы над диссертацией мы с Зямилем Ибрагимовичем много разговаривали, дискутировали, общались на различные темы, но более всего нас волновали научные проблемы истории Великой Отечественной войны» (Кабирова 2011: 3).

Благодаря умелому руководству со стороны научного руководителя Айслу Шарипзяновна изучила опыт предшественников при изучении гендерных процессов в истории страны советского периода, подробно проанализировала фонды двух Всесоюзных и двух республиканских архивов, фонды ведущих предприятий тяжелого машиностроения ТАССР, материалы фонда Председателя Президиума Верховного Совета ТАССР и многие другие. В целом, при написании диссертационной работы были использованы материалы 20 архивных фондов, которые позволили объективно осветить проблемы труда и быта женщин Татарской АССР в военные годы. Важным дополнением к архивным источникам была периодическая печать. Айслу Шарипзяновна изучила и привлекла материалы 39 центральных, республиканских, районных и многотиражных газет и журналов, причем часть из них была на татарском языке. Автором в работе широко использовались данные статистических и документальных сборни-

Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. А.Ш. Кабирова (Асылгараева) – исследователь вклада женщин Татарстана в достижение Победы в годы войны 1941–1945 гг.

ков, мемуары участников войны и труженников тыла. Таким образом, весь используемый в совокупности комплекс неопубликованных и опубликованных источников позволил впервые многопланово исследовать место и роль женщин Татарской АССР в основных областях экономической, общественной, культурной жизни республики и проследить их участие на фронтах Великой Отечественной войны.

К весне 1991 г. исследование было завершено. Вскоре состоялось предварительное обсуждение диссертации на кафедре истории СССР XX века. Рецензенты высказали свои пожелания по структуре работы и замечания по теме исследования, большинство из которых носило частный характер и не определяло содержание работы. Члены кафедры единогласно проголосовали за допуск к защите диссертации в специализированном совете Казанского государственного университета на тему «Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Необходимо отметить то, как Айслу Шарипзяновна реагировала на предложения рецензентов и выступавших членов кафедры. После завершения заседания кафедры она подошла к каждому, вносившему замечания и пожелания, и уточнила каждый из них. Наблюдая за ее научным ростом, можно отметить, что вне зависимости от её академического статуса, все последующие годы она всегда стремилась обсуждать с коллегами свои научные планы, при этом сплывая вокруг себя единомышленников.

9 сентября 1991 г. состоялась успешная защита диссертационного исследования А.Ш. Асылгараевой. На защите, наряду с высокой оценкой выполненной работы, были высказаны предложения по её дальнейшему совершенствованию при подготовке монографии.

Первый оппонент, доктор исторических наук, профессор А.М. Залаяев обратил внимание соискателя на то, что вывод о всеобуче, выполнившим в основном свои задачи, не совсем точен и нуждается в дальнейшем углубленном рассмотрении. Второй оппонент, кандидат исторических наук, доцент М.А. Пьянков призвал специально изучить участие женщин в строительстве оборонительного рубежа «Казанского обвода». Доктор исторических наук, профессор Л.В. Храмов в отзыве от ведущей организации – Самарского университета – отметил, что в диссертации недостаточно учтены национальные особенности региона, при этом он заметил, что пожелания носят рекомендательный характер. В ответном слове Айслу Шарипзяновна поблагодарила всех за положительную оценку её диссертации, заверив, что постарается учесть предложения и разумные замечания при последующей работе над монографией по исследуемой теме. Слово она своё сдержала.

В 1995 г. А.Ш. Кабирова опубликовала монографию «Женщины Татарстана на фронте и в тылу» (Кабирова 1995), которая с одобрением была принята научной общественностью. Монография значительно расширила общие представления о вкладе Татарстана в достижение Победы над немецко-фашистскими захватчиками через комплексное исследование мас-

сового участия женщин республики в экономической, общественной, культурной жизни и их ратного подвига на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Так завершился первый этап профессионального становления и научного поиска трудолюбивого и талантливого исследователя по истории Татарстана в годы Великой Отечественной войны и историографии советского периода истории Татарстана, в последующем автора более 100 научных публикаций, в том числе 7 монографий, доктора исторических наук, действительного члена Академии военно-исторических наук (АВИН) Айслу Шарипзяновны Кабирой. В дальнейшем Айслу Шарипзяновна значительно расширила круг своих научных интересов, детально осветив многие вопросы социально-экономической и общественно-политической жизни республики в годы войны. Мы неоднократно взаимодействовали вместе с ней в научной работе по военной проблематике, в ходе сбора архивных материалов, проведении научных конференций, подготовки научных публикаций, и в нашей памяти она осталась очень добрым, светлым и жизнерадостным человеком, прекрасным ученым и надежным товарищем!

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995.

Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. Казань: ФЭн, 2011.

Сведения об авторах: Телишев Валерий Федорович – кандидат исторических наук, доцент, академик Академии военно-исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, председатель Совета ветеранов Казанского университета (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); vftelishev@kpfu.ru

Сакаев Василь Тимерьянович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); sakaev2003@mail.ru

Поступила 5.02.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

Телишев В.Ф., Сакаев В.Т. А.Ш. Кабиров (Асылгараева) – исследователь вклада женщин Татарстана в достижение Победы в годы войны 1941–1945 гг.

**A.Sh. KABIROVA (ASYLGARAEVA) – RESEARCHER
OF TATARSTAN WOMEN’S CONTRIBUTION TO VICTORY
DURING THE WAR OF 1941–1945**

V.F. Telishev

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
vftelishev@kpfu.ru*

V.T. Sakaev

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
sakaev2003@mail.ru*

The article discusses the characterization of A.Sh. Kabirova (Asylgaraeva)’s formation as a researcher at the first stage of her academic biography. The paper shows the scholar’s contribution to the study of the problems of the the Great Patriotic War social history, primarily its gender aspect. The process of writing and defending A.Sh. Kabirova’s Ph.D. dissertation on the topic “Women of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945” is depicted. A description of the significant work accomplished by the researcher is given and its features are indicated. The article was written based on personal memoirs and materials preserved in V.F. Telishev’s personal archive. The paper presents serious work conducted by researcher A.Sh. Kabirova to collect and study information about the place and role of Tatarstan women in the main areas of economic, social, and cultural life of the republic and their involvement at the front of the Great Patriotic War. The significance of this dissertation and the monograph “Women of Tatarstan at the Front and in the Rear”, which was published later on its basis, in developing research of the history of the Tatar republic in the warf period is emphasized.

Keywords: A.Sh. Kabirova (Asylgaraeva), Great Patriotic War, gender studies, women, Republic of Tatarstan

For citation: Telishev V.F., Sakaev V.T. A.Sh. Kabirova (Asylgaraeva) – issledovatel' vklada zhenshchin Tatarstana v dostizhenie Pobedy v gody voyny 1941–1945 gg. [A.Sh. Kabirova (Asylgaraeva) – researcher of Tatarstan women’s contribution to Victory during the war of 1941–1945]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no 1, pp. 9–14. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.9-14>

REFERENCES

Kabirova A.Sh. *Voyna i obshchestvo: Tatarstan v 1941–1945 gg.* [War and Society: Tatarstan in 1941–1945]. Kazan: Fen Publ., 2011. (In Russian)

Kabirova A.Sh. *Zhenshchiny Tatarstana na fronte i v tylu* [Women of Tatarstan at the Front and Rear] Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and History Publ., 1995. (In Russian)

About authors: Valery F. Telishev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Academician (Member) of the Academy of Military Historical Sciences, Honored worker of the higher school of the Russian Federation, Chairman of the Council of Veterans of Kazan University (18 Kremlin St., Kazan 420008, Russian Federation); vftelishev@kpfu.ru

Vasil T. Sakaev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University (18 Kremlin St., Kazan 420008, Russian Federation); sakaev2003@mail.ru

Received February 5, 2021

*Accepted for publication March 22, 2021
Published April 21, 2021*

БЕЗЫМЯНКА – ЯДРО АВИАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.И. Репинецкий

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Российская Федерация
a.repinetsky@yandex.ru*

В годы Великой Отечественной войны Среднее Поволжье стало одним из центров эвакуации предприятий военно-промышленного комплекса из западных районов страны. Город Куйбышев (ныне Самара) принял 40 наиболее крупных предприятий. Их основу составили заводы Народного Комиссариата Авиационной промышленности. Это решение было связано с ведущимся строительством в городе трёх авиационных заводов. К началу войны оно не было завершено, а корпуса заводов находились в разной степени готовности. На решение об эвакуации в город авиационного производства также повлияло наличие металлообрабатывающей промышленности, энергетических мощностей и рабочей силы, сосредоточенной в одном из крупнейших лагерей системы ГУЛАГ – Безымянлаге. Оборудование эвакуированных предприятий прибывало на станцию Безымянка Куйбышевской железной дороги, в районе которой строились авиационные заводы. Разгрузка и размещение оборудования проходило с большими трудностями. Станки устанавливались в недостроенных помещениях, а то и просто на земле. Рядом с городом вырос крупный промышленный центр, на территории которого разместились предприятия авиационного комплекса. Здесь впервые в стране был создан замкнутый производственный цикл, выпускавший штурмовики ИЛ-2 и ИЛ-10. Штурмовик ИЛ-2 был признан лучшим самолётом Второй мировой войны. Налаживание производства столкнулось с большими трудностями: размещение на непригодных производственных площадках, крайне сжатые сроки выпуска продукции, необходимость её постоянной модернизации. Особенно остро стоял кадровый вопрос. Он решался за счёт мобилизации на производство женщин, молодёжи и подростков. Однако их низкая квалификация создавала производственные проблемы. Самопожертвование и трудовой героизм стали основой решения этих задач. Деятельность Безымянского авиационного комплекса обеспечила снабжение вооружённых сил страны боевыми самолётами. Наличие крупного авиационного комплекса предопределило и направление развития промышленного кластера Самарской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, военно-промышленный комплекс, Безымянка, авиационная промышленность

Для цитирования: Репинецкий А.И. Безымянка – ядро авиационного комплекса Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 15–29. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.15-29>

Военно-промышленный комплекс Советского Союза в годы Великой Отечественной войны состоял из пяти военно-промышленных технических комплексов: авиационная, судостроительная, бронетанковая промышленность, промышленность вооружений и промышленность боеприпасов. Все они были в той или иной мере представлены в промышленности Куйбышевской области. Но самым весомым был вклад промышленных предприятий области в развитие авиационного комплекса.

Великая Отечественная война поставила задачу перестройки экономики страны на военные рельсы. Через неделю после начала войны Совет Народного Хозяйства СССР принял мобилизационный план развития народного хозяйства на третий квартал 1941 г. План определил районы эвакуации промышленности: Поволжье, Урал, Западная Сибирь. Эти же районы были определены и местом концентрации военной промышленности. «Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г.», утверждённый 16 августа 1941 г. конкретизировал решения предыдущего плана. Он предусматривал перемещение военного производства с западных районов страны, оказавшихся под угрозой оккупации, в Поволжье, Урал, Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Одновременно план определял форсированные темпы развития военного производства, увеличение добычи угля, нефти, выплавки металла, ввод в действие новых мощностей на электростанциях (Решение 1968: 44–48).

Постановление Государственного Комитета Оборона СССР (ГКО) «О порядке развёртывания эвакуированных предприятий» от 17 августа 1941 г. требовало быстрее размещения производства на новом месте и возобновления в кратчайшие сроки выпуска военной продукции в прежних, а затем и более крупных объёмах (Комаров 1990: 69).

По решению ГКО в Поволжье было эвакуировано 226 промышленных предприятий (Великая Отечественная война 1985: 802), что составило 15% от их общей численности. Все предприятия входили в объекты оборонной промышленности или перешли на выпуск военной продукции с началом войны. Центром размещения эвакуированных предприятий в Поволжье стала Куйбышевская (ныне Самарская) область (до 1 января 1943 г. в неё входила территория Ульяновской области). В Куйбышевской области было размещено 125 эвакуированных промышленных предприятий, что составило 55,3% от их общей численности. 40 наиболее крупных промышленных предприятий были эвакуированы в г. Куйбышев.

Причинами, сделавшими Куйбышевскую область и город Куйбышев центром размещения эвакуированных предприятий, были следующие:

1) Наличие высокоразвитого энергетического комплекса. В 1937 г. Правительство страны приняло решение о возведении на Волге в створе Жигулёвских ворот рядом с городом Куйбышевым гидроэлектростанции. Для обеспечения этого грандиозного строительства за городом в 1939 г. началось строительство мощной ТЭЦ, получившей название Безымянской (БТЭЦ). На следующий год решение о строительстве ГЭС было отменено,

но строительство ТЭЦ продолжалось. В начале января 1941 г. строительные работы были резко ускорены и 18 октября 1941 г. первая турбина мощностью 25 тыс. кВт дала промышленный ток. В январе 1942 г. ток выработала вторая аналогичная турбина, а в декабре 1942 г. – третья. Таким образом, БТЭЦ могла обеспечить энергией деятельность крупных промышленных предприятий.

2) Наличие базы для размещения эвакуированных авиационных предприятий. 6 августа 1940 г. СНК СССР принял постановление о строительстве в Куйбышеве трёх авиационных заводов по выпуску двухмоторных и одномоторных бомбардировщиков и авиационных моторов: самолетостроительные заводы №№ 122 и 295 и моторостроительный завод № 337. Для строительства была выбрана Безымянская площадка. Сроки окончания строительства, монтажа и пуска заводов были намечены на конец 1941 г. – весну 1942 г. Вместе с заводами в указанные сроки планировалось ввести в эксплуатацию сеть железнодорожных и шоссейных дорог, водопровод, канализацию и теплотель (Захарченко 2004: 22–23).

3) Удобное транспортное расположение. Куйбышев являлся крупным транспортным узлом, находясь на перекрёстке железнодорожных путей, соединяющих Европейскую часть страны с Уралом, Сибирью, Дальним Востоком, Казахстаном и Средней Азией. Это позволяло доставлять грузы по железной дороге. Немаловажное значение играло и то, что город находился на реке Волге, являвшейся важнейшей транспортной артерией.

4) Наличие строительных мощностей. Крупнейшей строительной организацией поволжского региона было Управление Особого Строительства Наркомата внутренних дел СССР (Особстрой НКВД СССР), созданного приказом НКВД СССР от 28 августа 1940 г. (ГАРФ: Л. 174). Особстрой действовал самостоятельно и не подчинялся местным органам хозяйственного управления. На него и возлагалось строительство авиационных заводов. Для обеспечения строительства рабочей силой в структуре организации формируется комплекс лагерей с единым управлением – Безымянлаг. Название было дано по месту расположения самого крупного лагеря – Безымянского. Начальником Безымянлага и главой Особстроя был назначен заместитель начальника ГУЛАГа, старший майор госбезопасности А.П. Лепилов. Назначение одного из руководителей ГУЛАГа начальником лагеря подчёркивало значимость работ, выполняемых заключёнными. Масштабы строительства требовали постоянного пополнения рабочей силы. В связи с этим росла и численность заключённых Безымянлага. На 1 января 1941 г. она составила более 43 тыс. человек, а на 1 июня 1941 г. – более 93 тыс. человек (ЦГАСО: Л. 40–41). По численности заключённых лагерь стал одним из наиболее крупных, расположенных на европейской части страны. Безымянлаг раскинулся на огромной территории, занимаемой в настоящее время тремя районами г. Самары. В связи с этим было принято решение, что строительство авиационных заводов будет вестись непосредственно на территории лагеря.

В первые дни Великой Отечественной войны Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об эвакуации заводов г. Москвы, подчинённых Народному комиссариату авиационной промышленности (НКАП). Ведущие предприятий отрасли предполагалось разместить в Куйбышеве и Казани (Вопрос НКАП 1941: 209).

Местом размещения эвакуированных заводов стала станция Безымянка. Первое упоминание о ней относится к 1884 г., в то время она входила в Оренбургскую железную дорогу. Станция находилась в степи, никаких природных памятников, к которым можно было привязать её название не было, поэтому и появилось название Безымянка. В 1903 г. станция становится разъездом Самаро-Златоустовской железной дороги. Расположение станции было очень удобным. Через неё проходили пути, идущие на запад и восток страны. Это удачное расположение на железной дороге, недалеко от крупного города и определило выбор станции как место строительства авиационных заводов. Первыми осваивать территорию рядом со станцией стали узники Безымянлага.

С началом эвакуации на станцию Безымянка непрерывным потоком шли эшелоны с оборудованием эвакуированных заводов. Интенсивность движения была настолько велика, что семафоры не справлялись с нагрузкой. Впервые в мире в тыловом Куйбышеве была применена живая блокировка – вдоль путей вставали люди с фонарями и флажками. Ручными сигналами они показывали машинистам, занят или свободен соседний участок. Это был большой риск для железнодорожников, так как откосы вдоль железнодорожных путей были узкими, но военное время диктовало свои условия.

Строительство и пуск в производство авиационных заводов стало одной из важнейших задач, стоящих перед руководством области и города. Катастрофические потери, понесённые советской авиацией в первые дни войны, требовали немедленной эвакуации и сохранения оборудования авиационных заводов, расположенных большей частью в западной части страны. Уже в первый день войны немецкая авиация уничтожила 1200 самолётов, а за первую неделю войны – 3143 самолёта, в том числе 40% бомбардировщиков (День, когда началась война).

Первыми эвакуированными предприятиями стали киевские заводы НКАП №№ 454 и 455. В течение одной недели из Киева было вывезено все оборудование, задел, материал, инструмент, имущество завода и кадры. С 19 июля по 6 августа 1941 г. работники завода размещали оборудование в производственных и жилых помещениях артели «Ход». Инженер завода Ф. Ветлицкий вспоминал: «В те дни никто бы не различил, кто рабочий, инженер или служащий. Все стали грузчиками, такелажниками, столярами, плотниками, бетонщиками. Границы рабочий день не имел. Площадка завода была местом и работы, и питания, и кратковременного отдыха...» (Безымянка 1997: 278).

Размещение оборудования в помещениях артели встретило большие трудности. Одноэтажные производственные залы имели полусгнившие полы, которые не выдерживали тяжести станков. Несмотря на это уже

7 августа завод начал выпускать продукцию. До конца года коллектив завода не только перевыполнил план, но и освоил выпуск новых изделий. Среди них необходимое для Красной Армии реактивное оружие и узлы миномёта. При этом выработка на одного рабочего в среднем составила 135,1% от плановых показателей.

Осенью 1941 г. завод посетили иностранные корреспонденты. Их сопровождал известный советский писатель и публицист Илья Эренбург. Впечатление от увиденного он передал в очерке «1 ноября 1941 года». «Вчера я побывал на новоселье. В нескольких десятках километров от города в пустоши работает большой завод. ... Этот завод не построен здесь, он сюда приехал, это завод-беженец. Ещё недавно здесь была мастерская телег, старых русских телег, связанных со степью, грязью, с медлительной жизнью захолустья. В кузнице под открытым небом горели кузницы петровских времён. Построили крыши, залили землю асфальтом, и сложные машины верещат не замолкая. Завод приехал из Киева. Две недели спустя он был готов. Он выпускает теперь вдвое больше пулемётов, нежели в Киеве. ... Рабочие работают по двенадцать часов: две смены. Они приехали из Киева с семьями. Они живут в тесноте. Трудно с продовольствием, но поразительна сила духа. Люди говорят: «Ничего справляемся. Лишь бы выиграть войну» ... Я был на другом пустыре. Там ставят станки из Москвы. Через неделю ещё один бродячий завод начнёт работать» (Эренбург 2019: 98, 99).

Быстрое продвижение немецко-фашистских войск осложняло проведение эвакуации. Самолётные заводы, эвакуированные из Таллина, Риги, Смоленска и Днепропетровска привезли в общей сложности не более 500 единиц оборудования, а заводы из Каунаса и Минска не смогли вывести промышленное оборудование. Эти эвакуированные заводы были размещены на площадке строящегося завода № 122.

Завершение и новое строительство потребовали большое количество стройматериалов. Их острая нехватка испытывалась весь период строительства и монтажа оборудования. Помимо этого, встала проблема изготовления металлоконструкций, поставки которых прекратились. Их изготовление, а также другого нестандартного оборудования взяло на себя Управление Особстроя. Были задействованы все мощности механического завода Особстроя, наиболее сложные элементы были изготовлены на куйбышевских заводах.

О значении куйбышевского комплекса авиационных заводов свидетельствует и тот факт, что ещё в июле 1941 г. в Куйбышеве и Саратове были организованы филиалы Наркомата авиационной промышленности для руководства работой действующих и новых авиационных предприятий на территории Поволжья и Урала, подготовки площадок для размещения эвакуированных заводов. Куйбышевский филиал возглавил К.Д. Кофман. 28 октября 1941 г. по распоряжению наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина была сформирована оперативная группа, в которую вошли аппарат уполномоченного НКАП по куйбышевским заводам и сотрудники Саратовского филиала. До начала 1942 г. оперативная

группа распределяла оборудование между предприятиями отрасли (Захарченко 2004: 27).

Во второй половине августа 1941 г. на площадке завода № 337 были размещены оборудование, материальные ценности и рабочие эвакуированных заводов № 181 и № 103 Народного Комиссариата судостроительной промышленности. Позднее они вошли в состав завода № 24 по производству авиационных моторов. Опасность захвата Москвы определила и начало эвакуации столичных авиационных заводов. Заводы №№ 1, 145, 305, 487 были размещены в строящихся помещениях куйбышевских авиационных заводов. В конце 1941 г. в Куйбышев были эвакуированы оборонные предприятий из Тулы и Коврова. Они были объединены в единое предприятие – завод № 525 (будущий завод «Металлист»). Завод изготавливал пулемёт ШКАС (Шпитальского – Комарицкого авиационный скорострельный), турельные, синхронные, крыльевые установки для боевых самолётов.

Уже 25 июня 1941 г. последовал приказ директору воронежского завода № 18 М.Б. Шенкману и Главному конструктору С.В. Ильюшину ускорить работы по созданию серийных чертежей для выпуска самолёта ИЛ-2. С.В. Ильюшин в интервью газете «Волжская Коммуна» в конце ноября 1941 г. очень чётко определил преимущества самолёта ИЛ-2: «...Сочетая в себе элементы скорости маневренности и боевой нагрузки, противотанковый самолёт позволяет нашим лётчикам вести точный прицельный огонь с бреющего полёта» (Волжская коммуна 1941). Не случайно немецкие лётчики называли ИЛ-2 «чёрной смертью», «летающим танком» и даже «чумой».

Наиболее сложными были первые месяцы после эвакуации. Рабочий завода № 18 Г. Шевченко вспоминал о начале работы после эвакуации: «Завод и Безымянка напоминали в те дни огромную строительную площадку... Цех наш стоял ещё без крыши, но станки уже работали. Смена длилась 12 часов...Работали мы в одежде, прямо в цех падал снег, было холодно и ветрено. Морозы доходили до тридцати градусов» (Здесь тыл был фронтом 2000: 294).

10 декабря 1941 г. на четырнадцатый день после прибытия из Воронежа последнего эшелона, коллектив завода № 18 собрал первый самолет ИЛ-2. Вслед за ним 11 декабря выпустил на новом месте свой первый МиГ-3 завод № 1. К концу декабря было выпущено 27 таких машин и три штурмовика ИЛ-2. Но 18 декабря на заводы пришла грозная телеграмма от Сталина.

«Директору завода № 18 Шенкману

Директору завода № 1 Третьякову

Вы подвели нашу страну и нашу Красную Армию. Вы не изволите до сих пор выпускать ИЛ-2. Самолеты ИЛ-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух, как хлеб. Шенкман дает по одному ИЛ-2 в день, а Третьяков дает МиГ-3 по одной-две штуки. Это насмешка над страной, над Красной Армией. Нам нужны не МиГи, а ИЛ-2. Прошу вас не выводить правительство из терпения и требую, чтобы выпускали побольше Илов. Предупреждаю в последний раз. И.В. Сталин» (РГАСПИ: Л. 57).

Эта телеграмма была зачитана во всех цехах заводов. Копии ее, несмотря на секретность, были разосланы во все заводские службы, в общежития, в бараки, где жили рабочие. Люди понимали, что от них требуют предельных усилий. От коллектива 18-го завода в Москву ушла телеграмма о наращивании выпуска штурмовика ИЛ-2 до трех машин в декабре и до семи в январе. Завод № 1 полностью перестраивался на выпуск штурмовиков.

Героический труд рабочих, инженерно-технических работников привёл к тому, что к началу 1942 г. все авиационные заводы были введены в строй и начали выдавать продукцию. Был создан Безымянский промышленный узел авиационных заводов. В ходатайстве Куйбышевского обкома ВКП(б) в Политбюро ЦК ВКП(б) о награждении правительственными наградами строителей Управления особого строительства НКВД СССР от 1 января 1942 г. отмечалось, что районе Куйбышева создана мощная авиационная база. Её составили 9 авиационных заводов, аэродром, наиболее мощный из существующих, первая очередь Безымянской ТЭЦ, рабочий посёлок на 160 тыс. кв.м. жилой площади, всего 18 объектов (СОГАСПИ: Л. 3). Это было сделано всего за полгода в условиях военного времени, нехватки материалов, квалифицированной рабочей силы и это стало подвигом во имя Родины, во имя победы над врагом.

Модернизация производства и самолётов требовала постоянной работы научной мысли. В октябре 1941 г. из Москвы в Куйбышев на заводы НКАП был эвакуирован Всесоюзный институт авиационных материалов (ВИАМ), обладающий высоким научным потенциалом для разработки материалов, применяемых в производстве самолетов. Вместе с институтом в город прибыло 650 его научных сотрудников и дорогостоящее импортное оборудование. Для его перевозки потребовалось 111 вагонов. Помимо этого, в город были эвакуированы конструкторские бюро ведущих авиаконструкторов С.В. Ильюшина, А.А. Микулина, А.С. Яковлева. Конструкторы и их семьи проживали в одном доме в центре города, который тщательно охранялся.

В Куйбышеве под руководством А.А. Микулина были созданы двигатели для лёгкого штурмовика ИЛ-2 и тяжёлого ИЛ-10. Форсированные двигатели АМ-38Ф и АМ-42 зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Совет Народных Комиссаров СССР присудил Сталинскую премию первой степени Герою Социалистического Труда А.А. Микулину и М.Р. Флискому, заместителю главного конструктора завода № 24 за разработку новой конструкции авиационного мотора (Собрание постановлений 1942: 47).

Гордостью авиационных заводов является выпуск легендарного штурмовика ИЛ-2. Предшественником ИЛ-2 стал опытный самолёт ЦКБ-55. Его экипаж составляли летчик и стрелок-радист, который, сидя позади летчика, занимался радиосвязью и, располагая пулеметной установкой, оборонял самолет от нападения истребителей противника сзади. Однако военные посчитали, что две кабины утяжеляют самолёт и снижают его скорость. В серийное производство самолёт, получивший обозначение ИЛ-2, пошёл в од-

номестном варианте. Именно такой вариант и стали выпускать куйбышевские авиационные заводы.

Самолёт ИЛ-2 постоянно совершенствовался. Его модернизация проходила в крайне сжатые сроки. Вот выдержка из приказа Наркома авиационной промышленности СССР А. Шахурина от 17 ноября 1942 г. «Обязать главного конструктора тов. Ильюшина спроектировать на самолёт ИЛ-2 новое боепитание пушки Волкова и Ярцева под бронебойный снаряд калибром 14,5 мм. Чертежи должны быть готовы к 25.XI.1942 года» (Военно-промышленный комплекс 2005: 70–71). Задание, на выполнение которого в мирное время отводилось несколько месяцев, должно было быть выполнено за неделю. И это удалось сделать. Сам Главный конструктор говорил: «Никто из сотрудников бюро не считается со временем, лишь бы поскорее и лучше выполнить задания» (Здесь тыл был фронтом 2000: 276).

Однако с первых же дней войны ИЛ-2 в одноместном варианте без оборонительного заднего пулемета оказался беззащитен перед вражескими истребителями. Немцы заметили эту слабую сторону штурмовика. Штурмовые части в первые месяцы войны несли большие потери.

В январе 1943 г. ГКО принял решение о полном переходе на выпуск двухместных самолётов ИЛ-2. Выполнение этой задачи Наркомат авиационной промышленности возложил на авиационные заводы № 1 и № 18. Причём уже в первом квартале 1943 г. они должны были выпустить 120 модифицированных штурмовиков. Это диктовало изменение производственного цикла. Красная Армия испытывала колоссальную потребность в самолётах. С.В. Ильюшину понадобилось три дня, чтобы найти удачное решение, требовавшее незначительных изменений в технологическом процессе для восстановления второй кабины стрелка-радиста и пулемета для обстрела самолетов противника. Рабочие с энтузиазмом начали работать над опытными образцами и ещё до проведения лётных испытаний было принято решение о запуске в серийное производство модернизированного истребителя ИЛ-2. В таком виде он выпускался до конца войны. Это привело к резкому снижению потерь самолётов в воздушных боях с противником.

В 1944 г. авиационный завод № 18 выполнил ряд важных заданий ГКО. Был изготовлен опытный экземпляр нового самолёта ИЛ-1 – штурмовика более высокого класса, государственные испытания которого показали высокие качества этого самолёта. Была проведена модернизация самолёта ИЛ-2 за счёт введения крыла новой конструкции и со II квартала 1944 г. завод наладил массовое производство модернизированных самолётов. Во втором полугодии завод выполнил ещё одну ответственную задачу – внедрил в производство новую боевую машину ИЛ-10. Несмотря на недостаток рабочей силы и повышенное задание по сборке самолёта ИЛ-2, коллектив завода смог собрать до конца 1944 г. 73 новых машины (ЦГАСО: Л. 4–5).

«Всё для фронта, всё для Победы» был не только красивым лозунгом. Рабочие авиационных заводов Безымянки, как и весь советский народ, отдавали все силы для разгрома врага. О напряжённости этой работы свидетельствуют документы. Так, летом 1943 г. авиационный завод № 454 был

полностью переведён на круглосуточную работу. П.Д. Крайнов, работавший после окончания школы ФЗО в годы войны на заводе № 207, вспоминал: «Очень трудно было работать в зимнее время, всё замерзло, а я работал тогда клепальщиком, собирал корпуса для ИЛ-2. ...Нам так было трудно: голодали часто, зато работали по 18 часов почти, на заводе ночевали, кормили нас один раз в день гнилой капустой и рыбными котлетами, но мы никому не жаловались. Это всё было только для фронта, для Победы, зарплату больше половины отдавали для фронта...» (Здесь тыл был фронтом 2000: 276).

Ещё одной сложной проблемой стала доставка рабочих на предприятия. Эвакуированные в первые месяцы войны рабочие размещались в городе. В декабре 1941 г. уполномоченный НКАП Н.Д. Кофман сообщал в обком партии, что на авиационные заводы Безымянки необходимо ежедневно доставлять 60 тыс. рабочих (Справка... 1941). Город и Безымянку соединяло Чёрновское шоссе (ныне ул. Гагарина). Транспорта для перевозки работников заводов катастрофически не хватало.

В 1941 г. маршрут по Чёрновскому шоссе обслуживали 20 автобусов. Многие рабочие, чтобы не опоздать на работу, вынуждены были ночевать в цехах. Было принято решение ускорить строительство трамвайной линии. Строители Особстроя сдали её 7 ноября 1941 г. Это несколько упростило проблемы подъезда до заводов, но не решило ее совсем. Трамвайных вагонов не хватало, они ходили с большими интервалами. Газета «Волжская коммуна» писала о работе трамвая: «Рабочие, которым необходимо было попасть на предприятия, простаивали по полчаса, а иные, отчаявшись, шли пешком в морозы по несколько километров. А если долгожданный вагон и подходил, то в него заталкивались с такой невероятной жестокостью, что нередко были и жертвы» (Волжская коммуна 1941: 11 декабря).

По распоряжению правительства в июне 1942 г. в Куйбышев из Москвы, городов Ростовской, Горьковской, Рязанской, Ивановской, Саратовской и Кировской областей, Краснодарского края, Чувашской и Башкирской АССР было перевезено 60 трамвайных вагонов и 60 автобусов. Это помогло отчасти улучшить проблему с доставкой работников на предприятия.

Решить проблему можно было только разместив эвакуированных рабочих непосредственно рядом с местом работы – на Безымянке. Это потребовало начать строительство для них жилых домов. Уже в Постановлении ГКО СССР 8 октября 1941 г. «Об эвакуации заводов Наркомавиапрома Московской, Воронежской и Ростовской областей» указывалось на «немедленное развертывание барачного строительства двух городков на 7 тыс. человек каждый, ведя строительство барачных по упрощенным проектам и деревянных домов облегченной конструкции» (Материалы 1941) в Куйбышеве и других местах эвакуации.

Несмотря на принятые меры жилья не хватало. Создавшееся положение требовало принятия неординарных мер. Началось уплотнение заключённых Безымянлага, а в освободившиеся бараки заселяли эвакуированных рабочих. В жилой фонд авиационных заводов были переданы землянки и

полуземлянки, сохранившиеся со времени формирования Безымянлага. Соседство рабочих и заключённых приводило к конфликтам между ними.

Проблема перевозок была решена только благодаря пуску электрички Куйбышев – Безымянка. По решению начальника Куйбышевской железной дороги Б.П. Бешева была электрифицирована дорога до Безымянки. Первая электричка прошла 7 ноября 1944 г. Ежедневно перевозилось 25 тысяч рабочих. Но и электричку приходилось брать штурмом. Г.И. Засс, работавший на авиационном заводе № 1 и живший в городе, вспоминал; «Главное было поспеть к началу смены, за опоздание свыше 21 минуты можно было попасть под суд. На посадку приходили как можно раньше. В вагон набивалось столько народу, что двери закрыть было невозможно. Так и ехали с открытыми дверями. За счастье считалось втиснуться в тамбур, припозднившись к отправлению поезда оставались открытые межвагонные площадки и подножки, а некоторым приходилось добираться на крыше, держась за воздуховодную трубу» (Война и дети 2005: 94).

Не менее, а возможно и более сложной проблемой, стоящей перед руководителями предприятий и руководством области, было обеспечение авиационных предприятий рабочей силой и инженерно-техническими кадрами. Заключённые Безымянлага не годились для этого из-за низкой квалификации. Их использовали лишь на строительных работах. На 1 января 1942 г. предприятиям требовалось 70 тыс. рабочих (История Самарского Поволжья 2000: 130).

Одним из путей решения кадровой проблемы стал перевод учащихся системы трудового обучения на производство. Все ремесленные училища и школы ФЗО загружались заказами по изготовлению продукции для авиазаводов. Директоров заводов обязали обеспечивать учебные заведения необходимым оборудованием, инструментом, материалами, транспортом и общежитиями.

В течение всей войны для обеспечения ремесленных училищ учащимися проводилась мобилизация молодёжи. Летом 1942 г. Совет по Эвакуации при СНК СССР принял решение о направлении в училища Куйбышевской области молодёжи в количестве 13 500 человек. Летом 1942 г. на заводы и в училища прибыла молодёжь из Азербайджанской ССР, Татарской АССР, Кузнецка, Сердобска, Стерлитамака (СОГАСПИ: Л. 158). Учебные заведения укомплектовывались и прибывающими по эвакуации молодыми людьми, и сельской молодёжью, не достигшей призывного возраста.

Второй путь решения кадровой проблемы была мобилизация местного городского и сельского населения. Была усилена пропаганда вольного найма, особенно среди женщин. Эта политика имела высокий эффект. Только за второе полугодие 1941 г. промышленные предприятия Куйбышева получили 30286 новых работников. Профессиональные навыки этих рабочих не соответствовали уровню производства. Обучать их приходилось непосредственно на рабочем месте. Женщины составили основу новых работников. Если накануне войны они составляли 25,7% промышленного персонала, то в 1945 г. этот показатель вырос до 58,3% (Репинецкий 1996: 60).

Труд женщин и подростков был поистине героическим. Рабочая смена продолжалась 12–14 часов при скудном питании. Генерал авиации Герой Советского Союза В.И. Попков вспоминал: «Помню прибыл я на завод (куйбышевский авиационный завод № 1 – прим. авт.) получать новый самолёт. У проходной женщина. Просит: «Найдите в цеху сына, третий день нет дома». Захожу в цех, у станка пацанёнок на ящике, весь мокрый, рядом ведро с водой. Мастер пояснил: «Я его систематически поливаю, чтобы не заснул» (Война и дети 2005: 57). Руками этого мальчика и его сверстников закладывался экономический фундамент нашей Победы.

К началу 1942 г. трудовой потенциал населения Куйбышевской области был почти полностью исчерпан. Об этом свидетельствует тот факт, что реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» дала крайне незначительные результаты. Всё трудоспособное население города трудилось на производстве.

Главным путём решения проблемы недостатка рабочих рук становится работа по рациональному использованию рабочей силы, внедрение рационализаторских предложений, совершенствование организации труда. На всех предприятиях разворачивается социалистическое соревнование, работают стахановские школы, создаются фронтовые бригады. На заводе № 18 фронтовые бригады объединили 40,5% производственных рабочих. Фронтная бригада Гавриила Извекова авиационного завода № 18 выполняла сменные нормы на 200%. Широко известно было и имя слесаря-сборщика завода № 454 Архипа Трофимовича Шушкета, перевыполнявшего дневную норму более чем в 10 раз (Военно-промышленный комплекс 2005: 65).

Результатом работы стахановцев, фронтовых бригад, совершенствование технологических процессов со второй половины 1942 г. постоянно увеличивающиеся производственные задания предприятия авиационного комплекса выполняли и перевыполняли без роста численности работников.

За качественное и своевременное выполнение государственных заданий правительства по обеспечению Красной Армии боевыми самолётами и по итогам работы в годы Великой Отечественной войны Указами Президиума Верховного Совета СССР авиационные заводы № 1 и № 18 были награждены орденами Ленина и орденами Красного Знамени, заводы № 24 и № 207 – орденами Красного Знамени, высокие государственные награды получили многие рабочие, инженерно-технические работники и руководство авиационных заводов.

За годы Великой Отечественной войны в Куйбышеве в районе Безымянка был создан уникальный замкнутый авиапромышленный комплекс. В него вошли 9 заводов: самолётостроительные, моторостроительные, по производству стрелкового и бомбардировочного вооружения, воздушных винтов, нормалей, бронекорпусов самолётов, лафетов и пневмо-инструмента.

Авиационные заводы Поволжья выпустили 66681 самолет, что составило 48% от всех самолётов, выпущенных в СССР за годы войны. Авиа-

ционные заводы Безымянки поставили фронту 25153 штурмовика ИЛ-2 и 1270 штурмовиков ИЛ-10. Станция Безымянка за годы войны превратилась в развитый промышленный район с населением 200 тыс. человек. В труднейших условиях войны руководство области изыскивало средства для жилищного и социального строительства. Было построено 129006 кв. м. жилья, открылись 4 школы на 2080 мест, 5 клубов на 3800 мест, 6 детсадов и яслей, 4 магазина, 10 столовых и 6 мастерских бытового обслуживания. К концу войны из маленькой степной станции Безымянка превратилась в крупнейший промышленный район города.

Куйбышевская область стала одним из лидеров по наращиванию объёмов военной продукции. Её объём в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился в 9 раз, а в следующем 1943 г. производство оборонной продукции выросло в 11 раз (Храмков, Храмкова 2003: 23).

Оценивая развитие промышленности в годы Великой Отечественной войны, Первый заместитель Председателя СНК СССР Н.А. Вознесенский отметил: «Коренным образом изменилась за годы войны структура промышленности районов Поволжья... возникли новые отрасли промышленности: производство авиамоторов, самолётов» (Вознесенский 1979: 513).

За годы Великой Отечественной войны Куйбышевская область благодаря огромному напряжению сил стала одним из ведущих советских регионов по выпуску оборонной промышленности, а её предприятия играли важную роль в военно-промышленном комплексе страны. Промышленное развитие в военные годы определили и дальнейший вектор развития области. Авиационные предприятия Куйбышевской области позже стали базой космического ракетостроения.

Подплывая к Самаре на пароходе, пассажиры видят величественный монумент «Крылья Победы» – рабочий, держащий крылья самолёта ИЛ-2. Он увековечил подвиг рабочих, мужчин и женщин, молодёжи и подростков, инженеров и конструкторов, директоров предприятий – всех, кто долгие годы войны жил одним стремлением «Всё для фронта. Всё для Победы».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Безымянка 1997 – Безымянка. Строки, опалённые войной. Книга воспоминаний ветеранов Кировского района г. Самары. Самара: ПАДИ, 1997. Т. 1.

Военно-промышленный комплекс 2005 – Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны: сборник документов 1941–1945 гг. / Научный редактор Л.В. Храмков. Самара: Самарский дом печати, 2005.

Война и дети 2005 – Война и дети. 1941–1945. Самара: Самарское отделение литературного фонда, 2005.

Волжская коммуна 1941 – Волжская коммуна. 1941. 11 декабря.

Вопрос НКАП – Вопрос НКАП. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. Июнь.

Репинецкий А.И. Безымянка – ядро авиационного комплекса
Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 1а, Д. 58.

День, когда началась война – День, когда началась война. Хроника 22 июня 1941 года и воспоминания очевидцев войны – в спецпроекте «Ъ». <https://www.kommersant.ru/projects/june22> (Дата обращения 24.01.2021).

Здесь тыл был фронтом 2000 – Здесь тыл был фронтом: сборник документов и материалов. Самара: Парус, 2000.

Материалы – Материалы Государственного Комитета Обороны СССР за октябрь 1941 года. <http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/GKO194110.html> (Дата обращения 24.01.2021).

Решение 1968 – Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 3.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.558. Оп. 11. Д. 151.

СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 656. Оп. 20. Д. 16.

Собрание постановлений 1942 – Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1942. № 3. Ст. 56.

Справка уполномоченного – Справка уполномоченного НКАП Кофмана областному и городскому комитетам ВКП(б) о перевозке рабочих заводов НКАП, живущих в г. Куйбышеве. Декабрь 1941 г. <https://www.facebook.com/photo/?fbid=3811714488872831&set=pcb.2299381966872312> (Дата обращения 24.01.2021).

ЦГАСО – Центральный Государственный Архив Самарской области. Ф. 2064 Оп. 2. Д. 198.

Эренбург 2019 – Эренбург И. 1 ноября 1941 года // Эренбург И. Война 1941–1945. М.: АСТ, 2019.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985.

Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны // Вознесенский Н.А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1979. С. 484–604.

Захарченко А.В. Формирование авиапромышленного комплекса в Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1940–1942 гг.). Самара: СФ МГПУ, 2004.

История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век (1918–1998). М.: Наука, 2020.

Комаров Н.Я. Государственный Комитет Обороны постановляет. М.: Воениздат, 1990.

Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья. 1941–1945 гг. Самара: СамГПУ, 1996.

Храмков Л.В, Храмкова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья. 1941–1945. Самара: НТИЦ, 2003.

Сведения об авторе: Репинецкий Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе Самарского государственного социально-педагогического университета (443099, ул. М. Горького, 65/67, Самара, Российская Федерация); a.repinetsky@yandex.ru

Поступила 29.01.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

BEZMYANKA – THE CORE OF THE AVIATION COMPLEX IN THE MIDDLE VOLGA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A.I. Repinetskiy

Samara State University of Social Sciences and Education

Samara, Russian Federation

a.repinetsky@yandex.ru

During the Great Patriotic War, the Middle Volga Region became one of the centers for military-industrial complex enterprises evacuation from the western regions of the country. The city of Kuibyshev (now Samara) accepted 40 largest enterprises. The factories of the People's Commissariat of the Aviation Industry functioned as their basis. This decision was associated with the ongoing construction of three aircraft factories in the city. By the beginning of the war, the construction had not been completed and the completion degree of the plants buildings varied. The decision to evacuate aviation production to the city was also influenced by the presence of the metalworking industry, energy capacities and labor concentrated in one of the largest camps of the GULAG system – Bezmyanlag. The equipment of the evacuated enterprises was arriving at the Bezmyanka station of the Kuibyshev railway where aviation factories were being constructed. Unloading and placing the equipment caused considerable difficulties. The machines were installed in unfinished facilities or even simply on the ground. A large industrial center developed near the city where the enterprises of the aviation complex were located. A closed production cycle was created for the first time in the country here; it produced the Ilyushin IL-2 and the Ilyushin IL-10 Shturmoviks. The Ilyushin IL-2 attack aircraft was recognized as the best one in World War II. The production establishment faced great difficulties: placement on unsuitable production manufacturing sites, extremely tight timeline for manufacturing production, and the need for its constant modernization. The personnel issue was especially urgent. It was decided to mobilize women, youth and adolescents to work for manufacturing enterprises. However, their low qualifications caused production problems. It was self-sacrifice and labor heroism that helped to tackle these tasks. The work of the Bezmyanka aviation complex supplied the country's armed forces with combat aircraft. The presence of a large aviation complex predetermined the development of the industrial cluster of the Samara Region.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, military-industrial complex, Bezmyanka, aviation industry

For citation: Repinetskiy A.I. Bezmyanka – yadro aviatsionnogo kompleksa Srednego Povolzh'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Bezmyanka – the core of the aviation complex in the Middle Volga Region during the Great Patriotic War]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 15–29. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.15-29>

REFERENCES

Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremyon do nashikh dnei. XX vek (1918–1998) [The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. The 20th century (1918–1998)]. Moscow: Nauka Publ., 2020. (In Russian)

Khramkov L.V., Khramkova N.P. *Samarskaya zemlya v gody voennogo likholet'ya. 1941–1945* [The Samara Land during the War Years. 1941–1945]. Samara: NTTs Publ., 2003. (In Russian)

Komarov N.Ya. *Gosudarstvennyy Komitet Oborony postanovlyayet* [The State Defense Committee Decides]. Moscow: Voenizdat Publ., 1990. (In Russian)

Repinetskiy A.I. *Demograficheskiy sostav rabotnikov promyshlennosti Povolzh'ya. 1941–1945* [The Demographic Composition of the Volga Industry Workers. 1941–1945]. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 1996. (In Russian)

Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945: Entsiklopediya [The Great Patriotic War of 1941–1945: Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1985. (In Russian)

Voznesenskiy N.A. *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [The Military Economy of the USSR during the Great Patriotic War]. Voznesenskiy N.A. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Politizdat Publ., 1979, pp. 484–604. (In Russian)

Zakharchenko A.V. *Formirovanie aviapromyshlennogo kompleksa v Povolzh'ye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1940–1942)* [The Aircraft Industry Complex Development in the Volga Region during the Great Patriotic War (1940–1942)]. Samara: SF MGPU Publ., 2004. (In Russian)

About the author: Aleksander I. Repinetskiy, Doctor Sc. (History), Professor, Vice-Rector for Research of Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 M. Gorky St., Samara 443099, Russian Federation); a.repinetsky@yandex.ru

Received January 29, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

УДК: 94(470).084.8

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИКРОИСТОРИИ

А.Г. Галлямова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
alfiya1955@gmail.com*

В год 80-летия начала Великой Отечественной войны актуализируется опыт современного прочтения этого одного из самых кровопролитных событий в истории страны. Сегодня, на взгляд автора, в использовании военной проблематики для воспитательных целей наблюдается крен в сторону пафосного патриотизма и романтизации подвига. Это, как всякое отклонение, может привести к опасным последствиям, в данном случае к милитаризации сознания. В статье на примере одного из самых крупных сел Альметьевского района Республики Татарстан – Новое Надырово, показан широкий спектр различных сторон истории войны, которые показывают не только величие победы и добывших ее героев. Здесь уделяется большое место освещению войны, как самой тяжелой антигуманной формы проявления социальных отношений, требующих от людей чрезмерных усилий для выживания, сохранения человеческого достоинства. В статье проведены воспоминания жителей села о первом дне войны, о фронтовых буднях, тяжелых лишениях, трагических подробностях боевых сражений, в которых участвовали новонадыровцы. В статье показана бытовая неустроенность, сильнейшие стрессы, психологические перегрузки, постоянная физическая усталость на грани человеческих возможностей. Рассказано и об удивительных встречах на войне, крепкой фронтовой дружбе. В статье освещаются и экстремальные условия, в которых выживали крестьяне в тылу, женский труд до изнеможения, сплоченность людей в жестоких реалиях военного лихолетья и в то же время неоднозначное проявление патриотизма. Показаны и непросто сложившиеся судьбы побывавших в немецком плену солдат.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, устная история, колхозное крестьянство, краеведение, военная повседневность

Для цитирования: Галлямова А.Г. Взгляд на историю Великой Отечественной войны через призму микроистории // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.30-42>

Краеведческий опыт изучения темы войны на примере татарского села Новое Надырово Альметьевского района Республики Татарстан отражен в популярном издании (Новое Надырово: Древняя столица края, 2010), опубликованном в 2010 г. по заказу ПАО «Татнефть». На основе

многочисленных воспоминаний была собрана большая база данных и по истории Великой Отечественной войны. Перед войной в этом старинном татарском селе количество хозяйств составляло от 400 до 500 и проживало более 2000 человек.

У многих новонадыровцев в памяти запечатлелся первый день войны. В воскресенье 22 июня 1941 г. в районном центре Альметьево проходил районный Сабантуй, на котором присутствовали и многие новонадыровцы. Они успели уже завоевать первое место в конном забеге, за что были награждены сельскохозяйственной техникой. Праздник набирал обороты... Но в один миг все оборвалось, в разгар веселья огласили правительственное сообщение о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Все тотчас же стали расходиться. Померк светлый солнечный день, черным стал в памяти народной.

На следующий день по срочным повесткам явились в военкомат мужчины призывного возраста – солдаты, сержанты и офицеры запаса. Уже в первый день войны повестки получили 150 надыровцев. Их направили на оборонные пункты для формирования воинских частей и отправки на фронт. Сельчане провожали на фронт очень тепло, с песнями, с гармошкой.

Всего за годы войны в армию было призвано 344 жителя села. Цифры эти не полные. Некоторые уроженцы села, к примеру, те, кто был раскулачен и выслан, ушли на фронт не из Нового Надырова. Согласно воспоминаниям легендарного председателя Хады Рахманова, он на фронте встречался с осужденным за антиколхозную агитацию и высланным из села в начале 1930-х гг. Нигматуллой Хуснуллиным. Известно также, что на фронте погибло три сына осужденного и высланного в начале 1930-х гг. Шамсуллы Насыбуллина: Нурулла, Рашид и Ханиф Шамсуллины.

Уходили на фронт и односельчане, уехавшие кто-то добровольно, а кто-то и по обязательной разнарядке воплощать в жизнь планы индустриализации. Незадолго до войны в село пришла разнарядка на отправку в ФЗО семи человек. Директор школы обрадовался этой вести: в школе было семь отстающих семиклассниц, которые «портили показатели» школы. «Вот их и отправим», – с легкостью решил директор. Он не мог предположить, какая страшная трагедия ждала школьниц, направленных в Ленинградскую область в декабре 1940 г. Обучившись строительному делу и отработав согласно договора полгода на местной стройке, девушки собрались домой и закупили подарков.

Но началась война, их тут же мобилизовали, вручив в руки лопаты, носилки. День и ночь они рыли окопы, а скоро оказались в самом пекле – на линии фронта в кольце Ленинградской блокады. Не зная отдыха, они выносили из боя раненых. Из окопа не уходили даже во время отдыха: общежитие было далеко, сил добраться у голодных девушек не было. Домой в Новое Надырово девушки не вернулись. О страшной кончине Камилы Сайфетдиновой, Бану Асылгараевой, Салимы Шакировой, Жаннат

Миннигалиевой, Рабиги Хафизовой, Сажиды и Масуфы Гилязовой, позже вернувшись домой, рассказала Махмуля из другого села Альметьевского района Кульшарипово, вместе с ними приехавшая учиться в ФЗО (Новое Надырово 2010: 83). Согласно ее рассказу, новонадыровские подруги умерли прямо на своих рабочих местах, кто-то прямо с лопатой в руках. Перед ней предстало ужасное зрелище: груди у некоторых ее подруг были откушены и погрызены. Она предположила, что оставшиеся в живых пытались таким образом спастись от голода.

В страшной войне у каждого фронтовика-новонадыровца была своя судьба. Кто-то сложил голову в неравном бою с врагом на безымянной высоте и лежит теперь в братской могиле, а кто-то в последнем шаге своем упал в болото или лесную лощинку и пропал без вести, как председатель колхоза Шафик Гараев. Среди погибших на войне были пострадавшие в годы репрессий учителя Шайхрази Ишкуватов, Музагит Рафиков, а также его сын Фалик, председатель сельсовета Гильфан Мингазов, командир танковой бригады Карам Ахметов. За три дня до войны погиб уроженец Нового Надырова военный комиссар, ставший профессиональным военным еще до войны Исхак Надыров (Назиров). Если бы не война, могла бы состояться его дипломатическая карьера: накануне его кандидатура рассматривалась для отправки послом в Турцию. За месяц до Победы погиб полковой комиссар Зямик Сахапов, отец знаменитого директора завода «Нижекамснефтехим» Гаяза Сахапова. Всего за годы войны на полях сражений сложили головы 264 новонадыровца. В некоторых семьях потеряли сразу по несколько человек, например, в семье Зариповых погибло три брата, осталась одна дочь.

Пристальное внимание к рассказам десятков новонадыровцев позволило прийти к выводу о том, что война была сильнейшим испытанием, прежде всего, своими суровыми буднями: недоеданием, недосыпанием, тяжелым физическим трудом. Р.Г. Ханнанов вспоминал, как десятки километров по бездорожью не сядоки на мотоциклах, а мотоциклы на них двигались по дорогам войны. Джаухар Гараева, рассказывая о войне, в первую очередь вспоминала многокилометровые пешие переходы, сопровождавшиеся чувством голода. У детей погибшего на войне Фалика Рафикова сохранились фронтовые письма отца. В одном из них он писал: «Наедайтесь картошки досыта за себя и за меня тоже. ... Меня уже шатает от ветра. Прикупить на базаре ничего невозможно, хлеб, если и есть, то страшно дорогой. Это и понятно: прифронтовая полоса». В другом письме он пишет о 35-километровом пешем переходе из Владимира в Суздаль, который пришлось преодолеть с пайкой сухарей (Новое Надырово 2010: 84).

Сагадат Гилязов вспоминает, что прежде чем попасть на фронт, он попал в Суслонгер на лесозаготовки. С утра до вечера новобранцам, голодным и холодным приходилось валить 18–20-метровые сосны. За весь день на 12 человек давали одну большую миску жидкого супа с изредка попадавшимися кусочками капусты. Спать приходилось в холодном по-

мещении, замерзали так, что к утру не чувствовали собственного тела. С голодом пришлось столкнуться ему и на фронте, а попал он в самое пекло войны – в Сталинград в ноябре 1942 г., когда город уже лежал в руинах. Там Сагадату пришлось пройти через испытания на грани возможностей человеческой психики. Готовилась наступательная операция советских войск: подразделение С. Гилязова было задействовано в рытье окопов для закрепления позиций советских войск. Щитом для прикрытия работающих служили тела погибших товарищей, их складывали друг на друга и продолжали копать. Не хватало питания. Бывали случаи, что питание приходилось добывать, рискуя жизнью. Немцы с самолетов сбрасывали для своих солдат продовольствие, советские голодные солдаты, в числе которых были и С. Гилязов, бросались за посылками, а в это время другие части советских войск, думая, что это враги, стреляли и убивали своих же.

Многие солдаты вспоминают, что одно из самых серьезных испытаний – это рукопашный бой, когда видишь глаза своего противника, чувствуешь его дыхание. Сагадату Гилязову приходилось не раз участвовать в рукопашной, выбивая врага из выработанных шахт, землянок, канализационных люков. За одну из землянок пришлось биться трое суток, она переходила из рук в руки. После окончательного захвата землянки, в последнем ее отсеке среди трупов Сагадат Гилязов нашел полуживую санитарку, отнес ее в медсанчасть. Участвуя в битве под Сталинградом, он и сам был дважды ранен. Однажды его спас совсем юный боец. Он дотащил Сагадату до медсанчасти, где тот пролежал двое суток без сознания. Едва залечив раны, он снова отправился в бой. Второе ранение разрывной пулей в плечо С. Гилязов получил в жесточком бою, после которого в их подразделении из 27 человек в живых осталось только семеро, все они получили ранения разной степени тяжести. Уже будучи раненым, С. Гилязов метнул гранату и уничтожил двух немцев. Ему довелось послужить и во взводе разведчиков. В разведке у него было несколько имен: Гилзов Солдат, Гулеев. Из-за этой путаницы в фамилиях Сагадат Гилязов долгое время оставался без наград. В 1944 г. после годового лечения в тбилисском госпитале Сагадат вернулся в родное село. Постоянным напоминанием о войне осталась ноющая боль в плече, из которого только в 1998 г. удалили осколок (Новое Надырово 2010: 85).

С содроганием в сердце через много лет после войны вспоминал Сталинград Рашид Ханнанов: «Фашисты свирепствовали под Сталинградом. На сотни верст вокруг были выжжены все деревни, не уцелело ни дома, ни хатки. Наши солдаты всю зиму жили на снегу. Сейчас трудно, невозможно представить, как это есть на снегу, спать на снегу, месяцами обходиться без крыши над головой. «Но самое страшное на войне, – продолжал Рашид Абдрахманович, – бомбежка. Вот помню, в Яссах (Молдавия – прим. авт.) фашисты бомбили нас с восхода до восхода. Со стороны солнца заходит партия, отбомбится, а на подходе уже следующая. И так целый день – сплошной гул и грохот. Казалось, что никакие землянки и наматы не выдержат. Наступает ночь, и снова непрерывный вой, взрывы. Бывает, и

ночью вдруг проснешься от этого гула. В памяти он остался навечно» (Новое Надырово 2010: 85).

Тяжкие лишения выпали на долю дошедшего до Берлина Амирзяна Миннегалиева. Он служил в пехоте, которая, как известно, первой шла в атаку, первой форсировала реки, подолгу жила в холодных сырых окопах. С содроганием вспоминал Амирзян о муках голода: довелось есть и убитых лошадей, и даже дохлых высохших полевых мышей.

Но у Амирзяна были и приятные события, связанные с войной. Это коронка на зубе. В 1945 г. в Германии у него совсем некстати разболелся зуб, пришлось срочно принимать меры. Немецкие медики вылечили ему зуб и поставили коронку из белого золота, которая продержалась у солдата 58 лет. А еще была приятная встреча с земляком Сонагатом в Берлине. Война так изменила солдат, что не сразу вместе выросшие новонадыровцы узнали друг друга, только после того, как заиграл Амирзян на гармонии и запел знакомую татарскую песню (Новое Надырово 2010: 85).

Бытовая неустроенность, сильнейшие стрессы, психологические перегрузки, связанные часто со смертельной угрозой, дополнялись постоянной физической усталостью. Солдаты были предельно заняты, даже когда не участвовали в бою. Из письма уже упоминавшегося Ф. Рафикова узнаем, что пишет он украдкой во время отбоя, так как «днем времени не было, а после отбоя писать не положено». Несмотря на все тяжести фронтовой жизни, забота о близких не покидает солдата. «Если надо, могу прислать вам денег», – пишет он. И, конечно, самое главное испытание – это разлука с близкими, тоска по родине. В строчках писем ощущается, что в моменты отдыха солдат мыслями переносится в родное Новое Надырово. В письмах он подробнейшим образом расспрашивает о каждом из родственников, соседей, интересуется сельскохозяйственными работами, видами на урожай (Новое Надырово 2010: 86).

Но война есть война, главным на ней все-таки оставались бои, связанные со смертельным риском. В наиболее тяжелый ее период – первый год, участвовал знаменитый новонадыровец Газиз Абдуллин. За его плечами была финская война, на которой он поморозил ноги. Осенью 1941 г. бойца отправили в Бугульму, где формировалась специальная дивизия, направлявшаяся под Москву. Там он занимался обеспечением дивизии лошадьми. Начав войну простым солдатом, Газиз стал командиром батареи 914-го Артиллерийского полка 352-й стрелковой дивизии Западного фронта. Полк был в числе тех, кто остановил наступление немецких танков под Москвой. Он участвовал в освобождении городов Волоколамск, Солнечногорск. А дальше были бои на Смоленщине, Белоруссии. Газиз Абдуллин дошел почти до Берлина, его боевые заслуги отмечены множеством наград. Одну из них – орден Красной Звезды, он получил за восстановление связи. В одном из боев 1942 г. перед артиллеристами была поставлена задача любой ценой удержать немцев. Вдруг оборвалась связь. Газиз приказал молодому бойцу восстановить ее. Видя, что боец страшит-

ся ступить на минное поле, Газиз пошел вместе с ним. Когда связь была восстановлена, и они повернули назад к своему блиндажу, в него попал снаряд. «Видишь, – сказал Абдуллин бойцу, – никогда не знаешь, где тебя подстерегает опасность, поэтому никогда не бойся и делай то, что положено делать». В семейных преданиях имелся еще один подробный рассказ о воинской доблести деда. Газиз Абдуллин получил орден Отечественной войны I степени за подрыв железнодорожного моста, через который немцы обеспечивали продовольствием свои войска. На выполнение задания было дано три дня. Мост тщательно охранялся, возможности подобраться к нему незаметно были крайне малы. Только с третьей попытки Газизу Абдуллину удалось выполнить задание, проявив бесстрашие и смекалку. В конце войны Газиз Абдуллин стал капитаном (Новое Надырово 2010: 87). О нем в числе других солдат 352-й дивизии говорится в книге Глеба Дюрягина «Сквозь пламя войны» [Дюрягин 1984: 54].

На фронте Г. Абдуллин подружился с боевым товарищем Федором Афанасьевичем Собцовым. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь. Они вместе служили, вместе продвигались по службе. Однажды в 1970-е гг. в одной из центральных газет появилась заметка, в которой бывший командир полка просил откликнуться некоего капитана Абдуллина. В 1975 г. состоялась незабываемая встреча двух боевых друзей, достойная лечь в основу сюжета фильма о войне. Майский день, преддверие праздника Великой Победы... В Новонадыровской школе идет торжественная линейка, посвященная тридцатилетию Великой Победы. Перед учащимися выступает герой войны, заслуженный агроном Газиз Абдуллин. Вдруг на середину площади выходит Федор Афанасьевич Собцов и направляется к выступающему. Боевые друзья обнимаются на глазах у собравшихся.

Все это происходило не по заранее составленному сценарию, традиционному для празднований юбилея Победы. Когда Федор Собцов подъехал на такси к дому Абдуллиных, дома никого не оказалось. Кто-то из соседей-бабушек сказал, что Абдуллин ушел в школу на празднование Дня Победы. Расспросив, где находится школа, киевский гость направился туда. Пришел и увидел своего друга в центре события, не дождавшись конца выступления, он направился к нему, ведь 30 лет не виделись! А дальше было описанное выше объятие, а потом долгие беседы за праздничным столом, прогулки по новонадыровским окрестностям. Гостю из Киева очень понравилось татарское село, татарское гостеприимство, о чем он написал в своем письме, хранящемся в школьном музее (Новое Надырово 2010: 87).

С учебы в московской авиационной школе начался и боевой путь легендарного в Альметьевском районе Шамиля Надырова, который закончился в победном 1945 г. в Австрии. За 4 года войны «от звонка до звонка» ему по меньшей мере трижды пришлось столкнуться с глазу на глаз со смертельной опасностью. Первый раз – в болоте, после бомбежки эшелона, направлявшегося на фронт. Во второй раз – на фашистском аэродроме, где раненый легчик в упор навел на него свой кольт. Шамиля спасла слу-

чайность – осечка. Третий раз – на пожаре. Огонь преградил выход из помещения, когда он выносил оттуда боеприпасы, на мгновение Шамиль потерял сознание, но все-таки задыхаясь от дыма, обгоревшим выбрался наружу (Новое Надырово 2010: 87).

Назло всем смертям вернулся с фронта артиллерист Назип Мухаметзакиевич Закиев, его семья дважды получала похоронку. Назип Закиев служил в Московской области, участвовал в освобождении Ленинграда, Волхова. В 1941 г. командир его части отправил семье похоронку, так как после взрыва бомбы среди живых бойцов его не оказалось. Его почти бездыханное тело нашли бойцы другой части. После выздоровления Закиев снова стал в строй. В 1943 г. семья получила еще одну похоронку, на этот раз из госпиталя. Хирург, проводивший операцию после проникающего ранения в живот, не поверил в то, что Закиев выживет, и даже не стал зашивать живот. Когда Закиев пришел в сознание, он обнаружил себя в морге. Зажимая рану рукой, он выполз из сарая (Новое Надырово 2010: 87).

Ложная похоронка пришла и в многодетную семью Шариповых. К счастью, в 1946 г. Ибрагим Шарипов вернулся домой: в 1942 г. он попал в плен и его ошибочно посчитали погибшим (Новое Надырово 2010: 87).

Тяжелейшие испытания пришлось выдержать и Заки Мухаметзакиевичу Хасаншину. Он служил в армии на Дальнем Востоке. Весть о войне застала его на боевом посту во время дежурства. Обычно на посту часовые сменялись через каждые 4 часа, ночью 22 июня Заки никто не сменил. Только поздним утром в 10 часов пришла смена, тогда он и узнал, что началась война. Заки Хасаншин служил в разведке. Однажды с тремя боевыми товарищами он отправился в тыл врага с боевым заданием «взять языка». По дороге в деревню, где находились немцы, один из разведчиков был сражен вражеской пулей, второй ранен. Заки скрылся с ним в подполье одного из домов, куда вскоре вошла целая группа немецких солдат. Пришлось просидеть там без пищи и воды, в полной темноте в течение семи суток. Раненый товарищ скончался, тогда Заки решил рискнуть. Глубокой ночью, когда немецкие солдаты утихомирились, З. Хасаншин вылез из своего невольного заточения, схватил со стола папку, выбежав на улицу, метнул в дом имевшуюся у него гранату, и кинулся бежать из деревни. Поблизости, к счастью, оказалась другая группа разведчиков. Вместе они добрались до своей части. Оказалось, что в папке, которую добыл Заки Хасаншин, находились ценнейшие документы со стратегически важными сведениями. За этот героический поступок он был награжден орденом Красной Звезды. Заки Хасаншин участвовал во всех операциях по освобождению Малой земли. Он служил в части, где политруком был Л.И. Брежнев. Дочери З. Хасаншина вспоминают один курьезный случай. В 1960-е гг. Заки, не знавший в лицо Генерального секретаря КПСС, но прекрасно помнивший своего политрука, увидев на обложке журнала «Огонек» Леонида Ильича, с удивлением воскликнул: «О, наш политрук, на обложке!». Услышав, что это первое лицо в государстве, он не сразу

поверил. За участие в боях за Малую землю З. Хасаншин получил ордена Отечественной войны I и II степени (Новое Надырово 2010: 88).

Справедливости ради необходимо отметить, что были в Новом Надырове, как, впрочем, и везде, те, кто симулировал какое-нибудь заболевание или сознательно наносил себе увечье, позволявшее остаться в тылу. До сих пор люди помнят об одном надыровце, который специально зажал себе руку между вагонами, чтобы остаться в тылу, другой – до 1953 г. притворялся глухим (Новое Надырово 2010: 90).

Подводя итог изложенному, подчеркнем, что подробные конкретные рассказы участников позволяют зримо представить, что война – это не романтическое путешествие за подвигом.

Тыл, конечно, не шел ни в какое сравнение с фронтом в смысле риска для жизни. Но и здесь война потребовала от людей огромного напряжения. С первых дней в полном составе на фронт ушло руководство колхоза: председатель и все семь бригадиров. Для нужд фронта деревня отдала единственную имевшуюся в колхозе автомашину, половину лошадей.

Многие женщины освоили профессию тракториста. Вспоминая военную пору, одна из них Зайтуна Гусманова не могла сдерживать слез. «То, что мы видели, у хорошего хозяина и собака не видела», – рассказывала она. Молодые трактористки, работая в МТС, вынуждены были жить неподалеку в продуваемом всеми ветрами дощатом бараке. Иногда из продуктов была только мерзлая капуста. В МТС царила железная дисциплина, как на фронте. С раннего утра и до глубокой темени девушки работали в поле. Во время сельскохозяйственной страды они не имели права отлучиться домой, даже если он был в двух шагах. Совершенно обессиленные, чтобы забыться коротким сном, они валились на пол в вагончике на полевом стане (Новое Надырово 2010: 90).

В самом колхозе женщины, занятые в колхозе с раннего утра и до поздней ночи, почти не видели своих детей. Бывали случаи гибели маленьких детей, не получивших вовремя медицинскую помощь. Вспоминая то жестокое время, жители рассказывали, как один из руководителей Нового Надырова, не позволивший отлучиться с работы кормящим матерям, приговаривая при этом: «Закиснет молоко, катык будет» (Новое Надырово 2010: 91).

Понятно, что это было не от хорошей жизни. План в годы войны неизмеримо вырос, а людские и материально-технические ресурсы резко снизились. На первую военную жатву с косами в руках вышли на хлебное поле подростки, старики. Работа начиналась до рассвета и не прекращалась даже ночью. Несмотря на то, что и стар, и млад были в поле, уборочную закончили только в октябре. После уборки начиналась тяжелейшая работа по транспортировке урожая в Бугульму. Довезти хлеб до пункта назначения было большой проблемой. Нередко на подводы нападали на лесных дорогах. Чтобы избежать этого, их отправляли целыми колоннами, в начале и в конце которой шли подводы с теми, кто покрепче, чтобы в

случае нападения могли дать достойный отпор. В основном – это были вернувшиеся с фронта по ранению фронтовики Фарис Хафизов, Миргазаян Галиуллин, Сальман Гусманов.

В колхозе рабочих рук катастрофически не хватало, но приходилось еще и направлять людей по обязательной разнарядке для устройства дорог, на лесозаготовки. В самом же колхозе не оставалось ни сил, ни времени, чтобы содержать в порядке общественные постройки, приусадебное хозяйство. Однажды зимой под тяжестью снега, который некому было счищать, обвалилась кровля фермы, пришлось освободить склад со снопами конопли и перевести туда скотину. В селе не осталось изгородей, все было использовано на топливо. Для экономии дров некоторые семьи объединялись для проживания в одном доме.

Обращение к истории одного конкретного села позволило получить не столь однозначную, закрепившуюся в литературе картину патриотического движения всенародной помощи фронта. Конечно, были и такие примеры: добровольно делались взносы, имена вносителей гремели по всему району. Так, в Альметьевском районе было известно имя новонадыровца Гимая Магсумова, внесшего в 1942 г. взнос в 1000 руб. (Новое Надырово 2010: 92). Но таких находилось немного, поэтому усталые, полуголодные агитаторы (в основном это были молодые учительницы и комсомолки) вынуждены были ходить по селу и собирать теплые вещи, молоко, яйца, сушеную картошку. Районные власти требовали неукоснительного выполнения заданий. Работа эта была не для слабонервных. Чего только не выслушивали «собиратели» от крестьян, которых иногда часами приходилось уговаривать выполнить задание. Иногда для этого агитаторам приходилось самим доить корову и забирать молоко, не оставляя ни капли деткишкам, последнюю горсть зерна, последнюю картошку. У Сажиды Курамшиной – учительницы с 50-летним педагогическим стажем, самым тяжелым воспоминанием о работе в военное лихолетье являются не суровые условия (хотя приходилось обучать изможденных голодных учеников в холодных зданиях при отсутствии учебников, тетрадей и карандашей). Труднее и горестнее всего ей становится при воспоминании о нелегкой миссии агитатора: до сих пор перед глазами вдова фронтовика, мать четверых детей Нурлыхадар, умоляющая оставить в доме хоть немного картошки. Не отобрать – было рискованно: могли сурово наказать за укрывательство. Случаи доведения такой информации до нужных инстанций не были редкостью (Новое Надырово 2010: 92).

В книгах о войне часто отмечается высокий патриотический дух советского народа, помогший им выстоять. Безусловно, это отрицать нельзя, но сводить моральное состояние людей только к стойкости, несгибаемости, уверенности в победе – значит упрощать ситуацию. Новонадыровцы вспоминают, когда немцы близко подошли к Москве, у многих был страх, что в их село придут немцы. Жители пугались при звуках летящего самолета. Утром, выгоняя скотину, тихо переговаривались между собой, де-

лась опасениями, несмотря на то, что по радио раздавались бодрые призывы «За Родину», «За Сталина». Эти опасения обрастали слухами, что немцы уже разбомбили четыре завода в Казани, в том числе называли обувную фабрику «Спартак». Будра Идрисова (Мингазова) вспоминает, что бывший «вилочник» Рафигулла Ихсанов говорил ее маме: «Вот придут немцы. Я вас в первую очередь выдам, как коммунистов». После этого она сожгла фотографию ушедшего на фронт отца, на которой он был запечатлен вместе со знакомым милиционером (Новое Надырово 2010: 93).

Война – это и душевная подавленность, постоянный страх за жизнь воевавших родных и близких, превращавшийся нередко в глубокую депрессию у тех, кто получал похоронки. А их в Новом Надырове получила каждая вторая семья. Никакие лишения не шли в сравнение с глубоким горем потерявших надежду когда-нибудь увидеть своего мужа, сына, отца. Понимая какое горе причиняют людям печальные известия с фронта, работавшая в годы войны почтальоном, Минниса Абдуллина 1930 года рождения, сама оставшаяся без матери в два года, тяжело переживая каждую утрату, решила весьма своеобразно бороться с «похоронками»: не доставлять их до адресата. Она складывала их у себя дома. Это обнаружилось, когда у нее скопилось целая пачка скорбных извещений. Когда дело открылось, Миннису не ругали, понимая, что детский поступок был продиктован состраданием (Новое Надырово 2010: 94).

В рассказах информантов затрагивалась и тема отношений с военнопленными немцами. Жили они на улице Тукаевской, строили мост близ Нижней Мактамы. Общаюсь с ними, многие новонадыровцы учились немецкому языку. Рассказывали, что немцы делились с ними своими пайками, а еще сообщали, что некоторые молодые женщины имели с ними амурные связи, своих-то мужчин не хватало. Микроисторический подход позволяет увидеть мелкие подробности из реальной жизни, что порой дает более ясное, чем умозрительные рассуждения, понимание того, что люди между собой даже в такой сложной ситуации способны найти общий язык, что миролюбивая жизнь намного сильнее смертоносной войны, что она – это порождение конфликтов политических систем, а не непосредственных человеческих контактов.

Необходимо отметить, что своих солдат, побывавших у немцев в плену, зачастую окружала атмосфера подозрительности, недоверия. Так, побывавший в плену Вали Ханнанов, бывший директор школы чувствовал определенное отчуждение со стороны властей. Нередко, освободившись от немецкой неволи, военнопленные попадали в советские тюрьмы как предатели родины. Страшным эхом отозвался плен Хуббатулле Хабибуллину в 1947 г., когда он опоздал на работу и его арестовали. Х. Хабибуллин попал в плен в самом начале войны, когда советские войска беспорядочно отступали. В немецком плену он работал на шахте, находившейся на оккупированной Украине, пытался бежать, но неудачно, его настигли немецкие овчарки, всего покусали, откусили лодыжки на обеих ногах. Од-

нако об этих ужасах он, вернувшись, не рассказывал, сколько его не спрашивали. И лишь после того, как его забрали в районное отделение милиции после опоздания за «саботаж», продержали там неделю голодным и, жестоко избивая, допрашивали: «Ты на кого работаешь, чье задание выполняешь?» фронтовик, чья фотография до войны не сходила с колхозной доски Почета, он не смог больше носить глубоко запрятанный в душе тяжелый камень, оставшийся с плена. С рыданиями он впервые показал свои израненные ноги и рассказал подробно о своих злоключениях, твердо заявив: «Запомните, я никого никогда не предавал!» (Новое Надырово 2010: 95).

В первые годы войны ко всем фронтовикам, дошедшим до Берлина, власти относились настороженно. Они видели в них потенциальную силу для расшатывания идеологических штампов об СССР как самом передовом государстве. И, действительно, у многих фронтовиков под воздействием увиденного на западе менялся социально-психологический настрой. В Новом Надырове с восхищением рассказывал о том, как живут немцы, первый колхозный шофер Юсуп Шафикович Гараев. Германия понравилась и Салиху Зарипову, попавшему к немцам в плен. Он рассказывал свои односельчанам, что даже в плену у немцев условия жизни были лучше, чем в колхозе. В результате за «антисоветскую агитацию» фронтовик был осужден на 25 лет лишения свободы (Новое Надырово 2010: 96).

Сегодня, на наш взгляд, в использовании военной проблематики для воспитательных целей наблюдается крен в сторону пафосного патриотизма и романтизации подвига. Это, как всякое отклонение, может привести к опасным последствиям, в данном случае к милитаризации сознания, смазывающей понимание сути войны как самого омерзительного проявления человеческих взаимоотношений. Поэтому прославляя величие победы и добывших ее героев, нельзя забывать о показе антигуманной сущности войны, ее экстремальных условий, требующих от людей чрезмерных усилий для выживания, сохранения человеческого достоинства. Такой подход к войне способствует генерированию энергии сочувствия к человеку, формированию гражданской ответственности и конструктивного пацифизма.

Таким образом, победа в Великой Отечественной войне, как всякое великое наследие, нуждается в том, чтобы его не только оберегали, но и умело развивали во благо обществу. Прославляя величие победы и добывших ее героев, нельзя забывать о показе антигуманной сущности войны, ее экстремальных условий, требующих от людей чрезмерных усилий для выживания, сохранения человеческого достоинства.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Новое Надырово 2010 – Новое Надырово: Древняя столица края / отв. ред. А.Г. Галлямова. Казань: Рухият, 2010.

*Галлямова А.Г. Взгляд на историю Великой Отечественной войны
через призму микроистории*

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Галлямова А.Г. Историк Айсылу Кабирова: лучший представитель своей эпохи // Историческая этнология. 2020. Том 5, № 3. С. 511–518.

Дюрягин Г.М. Сквозь пламя войны. Казань: Татар. кн. изд-во, 1982.

Сведения об авторе: Галлямова Альфия Габдульнуровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alfiya1955@gmail.com

Поступила 24.02.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

**A LOOK AT THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
THROUGH THE PRISM OF MICROHISTORY**

A.G. Gallyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
alfiya1955@gmail.com*

In the year of the 80th anniversary of the Great Patriotic War beginning, the experience of modern reading of one of the bloodiest events in the history of the country is of current interest. From the author's point of view, at present there is a tendency towards pathos patriotism and romanticization of the feat in the use of military issues for educational purposes. This, like any deviation, can lead to dangerous consequences, in this particular case, to militarization of consciousness. The article uses the example of one of the largest villages in the Almetyevsk district of the Republic of Tatarstan to demonstrate a wide range of different aspects of the history of the war, which show not only the greatness of the victory and the heroes who won it. Considerable attention is given to the coverage of war as the most severe inhumane form of manifesting social relations that require people to make excessive efforts to survive and preserve human dignity. The article includes recollections of the villagers about the first day of the war, about the front-line everyday life, severe hardships, and tragic details of the military battles in which the Novonadyrovtsy participated. The article depicts domestic disorder, extreme stress, psychological overload, constant physical fatigue on the verge of human capabilities. It also tells about remarkable encounters in the war and close front-line friendship. The paper also highlights the extreme conditions in which peasants survived in the rear, women's labor to the point of exhaustion, the unity of people in the harsh realities of the war years, and at the same time ambiguous manifestation of patriotism. The uneasy fates of the soldiers who were in German captivity are also depicted.

Keywords: The Great Patriotic War, A. Sh. Kabirova, Tatar ASSR, “oral history”, collective farm peasantry, local history, military everyday life.

For citation: Gallyamova A.G. Vzgl'yad na istoriyu Velikoy Otechestvennoy voyny cherez prizmu mikroistorii [A Look at the History of the Great Patriotic War through the Prism of Microhistory]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 30–42. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.30-42>

REFERENCES

Gallyamova A.G. Istorik Aysylu Kabirova: luchshiy predstavitel' svoey epokhi [Historian Aisylu Kabirova: The Best Representative of Own Time]. *Istoricheskaya etnologiya*. 2020, vol. 5, no 3, pp. 511–518. (In Russian)

Dyuryagin G.M. *Skvoz' plamya voyny* [Through the Flames of War]. Kazan: Tatar Book Publ., 1982. (In Russian)

About the author: Alfiya G. Gallyamova, Doctor Sc. (History), Leading Researcher, Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); alfiya1955@gmail.com

Received February 24, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

УДК 94(470.41)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПАМЯТИ НАРОДА: ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И МАТЕРИАЛОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ

И.И. Ханипова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru*

Разрабатывая проблему формирования и репрезентации прошлого, механизмов трансформации памяти о прошедших событиях как в индивидуальном, так и в массовом сознании, современные исследователи обращают все большее внимание на материалы устной истории.

В статье проанализировано значение материалов oral history и документов личного происхождения в изучении истории Великой Отечественной войны. Автор считает, что инициативное документирование является незаменимым источником для написания истории в «человеческом измерении», прекрасной возможностью коммеморации памятных событий времен войны. Отражая индивидуальность рассказчиков, их культурные ценности и миропонимание/мировоззрение, а также конкретно-исторические условия, сформировавшие индивидуальные взгляды на мир, материалы устной истории демонстрируют образы и явления прошлого, ставшие социально значимыми для тех или иных поколений, несут фактологическую и оценочную информацию. Через глубинные интервью с участниками событий исследователь актуализирует и лично значимые, и социально важные воспоминания, преобразуя их в культурно-исторические ценности. Рассматривая потенциал данных источников, автор выявляет основные сюжеты и темы, перекликающиеся с военной проблематикой; обращает внимание на то, что они детально иллюстрируют частный мир человека. Особое значение, в связи с естественным уходом вслед за эпохой очевидцев и современников Великой Отечественной войны, автор уделяет аккумуляции и публикации воспоминаний, позволяющих сохранить глубину горизонтов исторической памяти. Несмотря на общее и различное в структуре и содержании конструируемых представлений о войне, он делает вывод, что все материалы устной истории являются важным вкладом в сохранение коллективной памяти народа.

Ключевые слова: Татарстан, Великая Отечественная война, устные исторические источники, эго-документы, историческая память, город, село, культура, дети, повседневная жизнь детей

Для цитирования: Ханипова И.И. Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 43–64. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.43-64>

Феномен изучения исторической памяти уже давно вышел из региональных рамок, поскольку воспринимается как общенациональный феномен исторической памяти российского народа. Сегодня, когда размышления над проблемой соотношения истории и памяти как никогда актуализированы (см. из последних работ: Сафронова 2019; Дементьев 2019), когда исследователи заявляют о междисциплинарном синтезе, «который позволил бы, наконец, сформировать целостный взгляд на взаимовлияние различных типов знания, формирующих представление о прошлом (Савельева 2003: 420), необходимо уделить особое внимание материалам *oral history* и источникам личного происхождения – важным составляющим в сохранении памяти народа.

Придерживаясь, как и многие отечественные исследователи феномена исторической памяти, концепции М. Хальбвакса, представляющей ее в виде социальной или групповой (коллективной) памяти (Хальбвакс 2005), при изучении воспоминаний татарстанцев о событиях Великой Отечественной войны, а также свидетельств устной истории, собранных у жителей республики или побывавших в Татарской АССР во время эвакуации, мы обратили внимание, что многие эпизоды личного характера часто имеют общественную значимость. Опыт анализа дневников, воспоминаний участников и детей войны, наработанный в региональной историографии Великой Отечественной войны (Кабилова 2014; Кабилова 2018; Ханипова 2015а; Ханипова 2015б), подтверждает эту точку зрения.

Интересны практики описания себя, своей истории не только в дневниковых записях, но и в предпринимаемых очевидцами событий мемуарах позднесоветского периода. Безусловно, конструируя прошлое, авторы эго-документов могут оглядываться на требования политической конъюнктуры либо идеологии, сознательно или в силу давности умалчивать о каких-то событиях, подвергать воспоминания внутренней цензуре. Вместе с тем, именно субъективность документов личного характера, позволяющая понять переживаемые автором рефлексии прошлого, демонстрирующая его особый (свой, частный) жизненный путь, предоставляют исследователю возможность использовать их для иллюстрации событий, эпохи. Так, немало описаний сражений, картин военной повседневности в опубликованных воспоминаниях рядовых солдат и офицеров (Живая память 2015; Когда мы были 2013; Этот день мы приближали 2010). Внимание читателя привлекают поступки человека на войне, поведенческие мотивы, собственные переживания о происходящем, особенно когда солдаты понимали, что распоряжения и приказы, выдаваемые на первых этапах войны, не со-

ответствовали оценке реальной действительности и зачастую приводили к окружению противником и гибели солдат (Живая память 2015: 18–20).

Прекрасной возможностью коммеморации памятных событий времен войны, является, на наш взгляд, инициативное документирование. Отражающие индивидуальность рассказчиков, их культурные ценности и миропонимание/мировоззрение, а также конкретно-исторические условия, сформировавшие индивидуальные взгляды на мир, материалы oral history достойны ретрансляции в социальную память о войне, поскольку являются незаменимым источником для написания истории в «человеческом измерении». Через глубинные интервью с участниками событий исследователь актуализирует и лично значимые, и социально важные воспоминания, преобразуя их в культурно-исторические ценности. К примеру, работая с информантами на протяжении многих лет, изучая рефлексию людей на столь памятное для многих послевоенных поколений событие – День Победы, невольно проводишь параллели с эмоциональным реагированием, связанным с этой датой в воспоминаниях детей войны, тружеников тыла и участников войны.

Соглашусь со справедливым замечанием Джеффри Олика о том, что «не бывает индивидуальной памяти без социального опыта, также как не бывает коллективной памяти без индивидуального участия в общественной жизни» (Олик 2018). Какой же опыт о войне транслируют источники личного происхождения и материалы устной истории?

Для многих одним из ярких воспоминаний детства являлось начало войны. «Я услышал слово «война» в день своего шестилетия – 23 июня 1941 года» (Недетское детство 2018: 31). В рассказах А.А. Орловой (Степановой) пережитые в детстве эмоции смешались с рефлексией более позднего времени, реальность – с уже позднее приобретенными знаниями: «Я помню люди шли и плакали. Провожали своих мужей молодые женщины, матери – своих сыновей 1920–1919 г.р., 1921–1924 г.р. Они все шли как в мясорубку. Люди шли, все плакали. Все говорили, что война началась, а мы дети маленькие. А люди идут и плачут: «Война, война!»» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)). Для многих детей военной поры, встретивших начало войны в раннем возрасте, восприятие этого события шло через призму рассказов старших: «С первых своих шагов я часто слышал из уст родителей, родственников, соседей для меня не очень понятное слово «война». Я воспринимал сначала это слово как плохое, а потом, когда чуть-чуть подрос, начал понимать, что война – это очень страшно. А что это великая и жесточайшая трагедия нашего государства – осознал лишь только через несколько лет, в школе. Боль и страдания людей до сих пор не покидают мое сердце и душу» (Недетское детство 2018: 73).

Ценность воспоминаний и материалов устной истории в том, что они детально иллюстрируют частный мир человека. Леонид Абрамович Барон, уроженец Винницы, дополняя свое повествование о дороге в эвакуацию воспоминаниями сестры Риты, говорил об условиях жизни в эвакуации в

Казани. В его памяти сохранились описания городского пространства, характеристика квартир, в которых жили эвакуированные. Мама Леонида работала в КАИ бухгалтером (современное первое здание). Садик был рядом с работой, она отвозила туда сына на санках без спинки. Когда мальчик падал с них, закутанный во все что можно, он не мог встать. «На руки надевали носки, т.к. варежек не было. Около детского сада был небольшой садик, ходили туда на прогулки». Особым эпизодом его воспоминаний стал вкус соли, которую во время праздника в садике выставили на стол, и дети кушали соль, макая в нее хлеб (ПМА 2013: Барон).

Вспоминая о войне и послевоенных годах А.Х. Хасанов – руководитель Пресс-центра Аппарата Президента Республики Татарстан в 1991–1999 гг., писал: «Эти четыре года и еще несколько лет мне запомнились как страшно голодные, холодные, полные бед и слез, бесконечных страданий. Хотелось есть всегда – утром, днем, вечером, ночью, на уроках, во время игр, посильной работы дома. Боже мой! Я видел опухших мужчин, женщин, детей, тех, кто еще надеялся на поправку, и тех, кто, потеряв надежду, смотрел вокруг себя опустевшим взглядом. Мы, дети, нередко из уст взрослых слышали, мол, вот те-то все ещё кушают, оказывается два раза в день, а мы вот столько времени только один раз. Ели-то две-три картошки, запивая чашкой молока. У многих запас картофеля заканчивался уже в марте месяце, и такие вынуждены были побираться. С наступлением весны, лета в пищу шли лебеда, коновник (конский щавель. – прим. авт.), липовый лист, крапива, борщевик, сныть, дикий лук. Не могу не сказать и о том, что мы – дети войны, с наступлением тепла и до первого снега ходили босиком, подошвы ног поэтому покрывались сплошными ранками, а ступни – кровоточащими цыпками. Чтобы они и дальше не травмировались, взрослые мазали наши ступни керосином. Даже сейчас от этих воспоминаний у меня сердце начинает бешено колотиться» (Недетское детство 2018: 31).

Отдельным сюжетом практически во всех рассказах и городских, и деревенских жителей всплывает тема эвакуированных, их быта, взаимоотношений местных с приезжими (ПМА 2013: Веревкина; ПМА 2012: Седлецкая; Живая память 2015: 72, 79; Живая память 2013: 44–47, 106 и др.). «Когда началась война, мне не было и двух лет, а брату Бинару (1937) – и четырех лет. Под одной крышей с нашей семьей, с нами вместе жили еще несколько семей. Видимо, они были откуда-то эвакуированы. Несмотря на тесноту, отсутствие элементарных бытовых условий, семьи жили дружно. Раздор не было» (Недетское детство 2018: 72). «У нас на квартире жили эвакуированные. Дом большой у нас был. Папа в лесничестве работал. Мы сами на кухне только жили. А жил у нас заведующий пекарней, хлеб где пекли. Он нам не платил денег, а приносил хлебушек, Он нам хлебушек приносил. За этот хлеб и жил. А мы на печке, да на полатях, да на полу. Мама неродная, сестра. ... Выручил нас дом свой и выручил огород. Земля кормит человека, земля нас спасла. Картошку насадим, хоть и маленькие

были, все делали. И картошку окучивать ходили, и копать ходили. Спасла нас картошка. И корова была, молочко свое. В городах люди с голоду пухли» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)).

Близость железной дороги и возможность выбираться в город у жителей станции, где проживал автор предыдущего рассказа для того же обмена товаров или на заработки, облегчали в какой-то мере задачи жизнеобеспечения. Иное дело – жизнь в далеких глухих деревнях. «В деревнях был страшный голод. Я никогда не забуду женщину, которая обессиленная упала около наших ворот. Не знаю, как она дошла – вся распухшая, со стиснутыми зубами (оказывается, от голода люди пухнут). Соседи с большим трудом открыли ей рот и влили ковшик молока (обрат). К слову, даже тем, кто содержал живность, с молоком было трудно, потому что платили большие налоги, и всё увозили. Через некоторое время женщина открыла глаза, и мама положила ей в большую тарелку катык (моя мама держала корову) и ещё дала три запечённые картошки. Потом отвела её домой к детям, которые тоже голодали. Возможно, она и ушла от своего дома, чтобы дети не видели её состояние. Так что с трехлетнего возраста я видела, как люди пухнут от голода» (Недетское детство 2018: 68).

Судя по многочисленным интервью, опубликованным и неопубликованным воспоминаниям, дети оказывали значительную помощь «самообеспечению» семей. Уроженец с. Антоновка Куйбышевского (позднее Спасского) района В.П. Ганчурин писал: «Подспорьем в питании летом была рыбалка, которой занимались ребяташки (взрослым нельзя было этим заниматься, надо было работать в колхозе). Ловили рыбу в Бездне. Летом собирали грибы, в основном это были опята, за околицей деревни их было много. Ребяташки собирали в лесу малину, ежевику. Весной объедались черемухой – ели прямо на деревьях (недалеко от деревни, в Елохе). Собирали дикий лук – ели прямо в лесу, да и домой приносили» (Недетское детство 2018: 51). Уроженец с. Кугарчино Рыбно-Слободского района Г.М. Набиуллин 1938 г.р. также вспоминал о детском вкладе в экономику семьи. «С большим нетерпением мы ждали появления первой зелени, первых почек, листочков на деревьях. С весны до осени мы собирали съедобные травы: сныть, крапиву, лебеду, дикий лук. Кстати, дикий лук собирали мои сестры мешками в 10–15 км от дома, мы хранили его в погребе. Это было для нас хорошим подспорьем. Ждали также появления на полях и в лесу диких ягод» (Недетское детство 2018: 61). Свидетельства, приведенные Д.Т. Хайруллиной из д. Татарские Карамалы Сармановского района и повторяющиеся многие рассказы информантов и воспоминания детей войны, позволяют сказать, что в военные годы собирательство было повсеместным явлением. «Наша жизнь, наше детство не были беззаботной порой. В те времена мы, деревенские дети, были не совсем сытые и не совсем голодные. Мы целыми днями пропадали в лесу в поисках чего-то съестного, собирали разные травы, орехи, грибы, ходили за пять километров собирать дикий лук, ягоды всякие. Мы были самостоятельны. Нас

никто не ругал, так как никто не боялся, что мы потеряемся или с нами что-то случится. До сих пор не забыла, как с наступлением весны мы ждали появления первой зелени – тогда даже чуть-чуть проклюнувшаяся крапива, щавель, борщевик, любые листочки на кустах, деревьях казались необыкновенной вкуснятиной. В конце лета лакомились кислыми яблоками. Осенью ходили в лес заготавливать рябину и калину. Но самой большой вкуснятиной были конечно же мамины (искусно приготовленные, но только по исключительным событиям) картофельные лепешки. Несмотря на постоянное ощущение голода, мы росли и были бойкими, дерзкими, заступались друг за друга» (Недетское детство 2018: 61).

«Крапиву, лебеду мы ели, – рассказывала А.А. Орлова. – Из жмыха лепешки пекли. Все грузовые поезда останавливались тогда в Шемордане. Мы детишки таскали его, воровали тогда. Пойдешь, жмых принесешь – он тогда такими плитками был. Если подсолнечный – мама испечет лепешки. Ой, какие вкусные! А если горчичные, ой, какие горькие были, не хочется есть. Но ели. Вот что ели дети. Траву нарубят, муки бросят пару горсток. Сейчас свиньи есть не будут, что мы дети ели» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)). Такой же эпизод о жмыхе имеется в воспоминаниях известного казанского историка А.Л. Литвина: «Еще помню, как мы ребячьей ватагой бегали на вокзал, он был неподалеку от нашего дома. Там на дальних путях стояли платформы с кормовым жмыхом, подсолнечным или чечевичным. Мы набивали им карманы, клали за рубашку, после чечевичного жмыха, который надо было долго сосать, прежде чем начать жевать, зубы становились черными...» (Литвин 2013: 29–30).

Ценность вещей в условиях военного времени носила иное измерение, далекое от сложившихся смыслов и способов их использования в повседневном взаимодействии (Ечевская 2005: 59). Интересны эпизоды воспоминаний, рассказывавшие о практиках выживания как эвакуированных, так и местных жителей – горожан, основанных на продаже или обмене более-менее дорогих вещей на продукты питания. «Мое детство, как и многих тысяч моих сверстников пало на военные годы с их голодом, холодом, очередями за всем и вся. Первое, что продала мама – мою скрипку... По классу скрипки я проучился один год... Больше никогда я на скрипке не играл» (Литвин 2013: 27). З.Н. Чиликова вспоминала: «Во время войны мы в Казани голодали ужасно. Мама что могла, обменивала на еду. Домашняя мебель шла на отопление» (Музей детства 2011: 134). «...Страшнее всего был голод, – вспоминала В.Х. Ибнеева. Мама из сил выбивалась, чтобы нам добыть пропитание. Днем работала, а вечером выезжала в деревню, чтобы обменять что-нибудь на еду, возвращалась под утро и не отдохнув, опять шла на работу... Но несмотря на все усилия, есть было нечего» (Недетское детство 2018: 37–38). «Шла война – сундук пустел. Вещи носили в деревню и меняли у колхозников на картошку и молочные продукты», «Ездили с мамой по деревням, меняли одежду на еду» (Живая память 2013: 49, 73).

У эвакуированных обмен вещей на одежду начался еще во время дороги в эвакуацию. А.С. Шкуро 1938 г.р. вспоминал: «Иногда поезд стоял несколько дней, часто просто посреди степи. Люди расходились по окрестностям в надежде выменять что-нибудь из еды у местных жителей на свои какие-то вещи... Где-то мама раздобыла несколько пряников, и потом я рассказывал, что в пути было хорошо, нас кормили даже пряниками» (Живая память 2015: 94). Рассказывая о казанском периоде жизни, о своей бабушке-рукодельнице, умело вышивавшей и вязавшей кружево, Н.А. Буко с трепетом говорила об игрушках. «У меня в эвакуации был любимый пупс Петя, черненький, большой, ростом 30–40 см. ...Петя вернулся со мной обратно в Ленинград. Еще были куклы с закрывающимися глазами, особенно любимая Лида, но мы все поменяли на еду. Все что бабушка взяла с собой в эвакуацию, осталось в Казани, обменное на какую-то еду. На золото, например, можно было поменять муку» (Дети в условиях эвакуации 2013: 362).

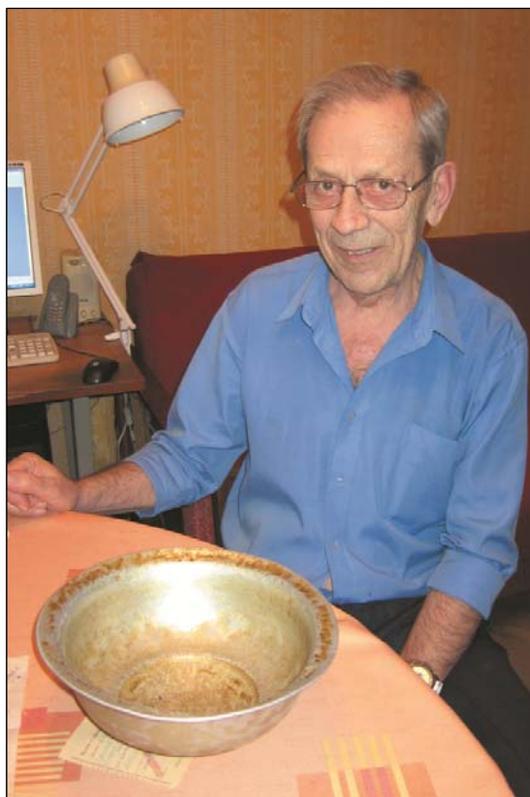

Н.А. Буко демонстрирует кружево, выполненное ее бабушкой.
Санкт-Петербург, 6 декабря 2012 г. Архив И.И. Ханиповой

А.В. Фокин, уроженец г. Елабуга, сын кадрового военного к началу войны оказался в небольшом городке, расположенном в 13 километрах от румынской границы. На начало войны Аркадию было всего 2,5 года. Отец его, выходец из Челнинского кантона, успел отправить семью – жену и двух сыновей в тыл, в родные места – в Набережные Челны. «Сколько себя помню в детстве, вся жизнь походила на борьбу за выживание. К осени 1941 года дошёл (сначала поездом до Казани, а затем пароходом до Набережных Челнов) багаж с нашей домашней утварью. Не представляю, как бы мы выжили без него. Мы прибыли летом в том, что было на нас, а при-

ближалась зима. И всё, без чего можно было обойтись, в том числе отцовская одежда, шло на рынок, что в годы войны зачастую спасало от безденежья» (Недетское детство 2018: 55). «Все ценные вещи, которые отец смог привезти из Москвы во время переезда в Казань с заводом, – писал Г.К. Будников, – были обменены на продукты, в основном на муку и картофель» (Живая память 2015: 81).

В воспоминаниях современников военных лет не встречаются эпизоды о трудностях расставания с вещами. Наоборот, рассказчики всегда были благодарны, что проданная/обменная вещь спасала семью, позволяя ей продержаться еще какое-то время. Вместе с тем, оставшиеся со времен войны и бережно хранимые вещи, которые показывали нам информанты во время проведения интервью, несут для них непреходящую ценность, будь то старая алюминиевая миска, фамильные ложки или выдавший виды пластмассовый пупс.

Л.А. Барон с семейной реликвией – миской времен войны.
Казань, 26 февраля 2013 г. Архив И.И. Ханиповой

В воспоминаниях нашла отражение и военная повседневность университетского студенчества – условия учебы и быта, взаимоотношения, работа на лесоповалах, рытье траншей (Живая память 2015: 57–61, 63).

Учитывая, что в военные годы вся промышленность была ориентирована на военные нужды, а производство гражданской одежды полностью прекратилось, в контексте практик выживания можно рассматривать эпизоды, раскрывающие попытки женщин приспособить все возможное в качестве одежды. О своих подростковых переживаниях по поводу пальто из шерстяного одеяла писала жительница Казани Н.Э. Дубровина: «В классе ученики были одеты во все старье. Мама сшила мне пальто из грубошерстного синего одеяла с яркими желтыми полосками по краю. Они остались внизу по подолу пальто. Когда я появилась в классе в обновке, меня заметили все, ведь желтые полоски светились издали. Кто-то крикнул: «А пальто-то из одеяла!» И все начали громко смеяться. Домой я вернулась вся в слезах и наотрез отказалась это пальто надевать. Тогда мама отрезала желтые полосы, и получилась курточка, которую я с радостью носила» (Музей детства 2011: 125). Родившаяся в морозный декабрь 1941 г. Ф.Л. Ратнер (Гуревич) помнила свое раннее детство лишь по рассказам родственников: «Я спала в бельевой корзине, которая стояла на табуретке около печки – самом теплом месте дома. По фотографиям вижу свою одежду: все шилось из пайков (продовольственных и промтоварных) моих родственников. Поэтому – платье из фланели, но обязательно с каким-нибудь воротничком, сшитые самодельные «меховушки», т.к. пол всегда холодный... Мама носила пальто, сшитое из папиной шинели, перелицевав его» (Живая память 2015: 87, 90). Другой ребенок войны, попавший в Казань в эвакуацию, вспоминал, как спал на самодельном сундуке, сделанном отцом из ящиков для приборов, полученных заводом (Живая память 2015: 79).

Юная Роза, дочка сельской учительницы в подробностях помнит, как мама сшила ей за ночь кофточку из занавески еще довоенных времен, отделывавшей чуланчик. «Мягкая от старости, темно-синего цвета с мелкими цветочками» (Живая память 2013: 129). «Не помню, как мы тогда одевались с сестрой, во что. Но помню, как у мамы прохудились подшитые валенки, она подвязывала их веревкой так бежала на работу через весь город (жили мы в Суконной, а школа ее была у железнодорожного вокзала)», – вспоминала дочь одной из казанских учительниц (Живая память 2013: 118).

Нехватка промтоваров и товаров первой необходимости в деревнях Татарской АССР на протяжении 1930-х гг. сформировала бережливое отношение у сельчан к предметам одежды. Удивительна наблюдательность маленького деревенского ребенка, спросившего у матери почему солдаты, уезжавшие на войну, одеты во все старое. «Вскоре они наденут солдатскую одежду и изношенную одежду выбросят, а более новые вещи оставили сыновьям и братьям» (Живая память 2013: 139). Неприкосновенный шелковый галстук, оставшийся от погибшего на фронте мужа, разрежала в день Победы на банты для косичек мама Т. Ильинской (Живая память

2013: 170). Перелицовка и перешивка одежды была распространенным явлением и после войны (ПМА: Хакова; Живая память 2013: 152).

В некоторых воспоминаниях детей войны сохранились описания школьной повседневности: «Школу вскоре сделали мужской, девочек перевели в неподалеку расположенные 39-ю и 11-ю школы. Классы стали большими. В 5-м классе нас было 46 мальчиков. Всех учеников остригали наголо, каждые две недели вели в баню и санпропускник, там наше нижнее белье пропускали через баки с большой температурой для уничтожения вшей и прочей заразы. Среди учителей запомнились немногие. Это Ольга Михайловна Николаева, учительница истории... Учитель химии Петр Васильевич Мартынов был большой оригинал. Он вернулся с войны контуженным. Предмет свой знал блестяще. В отношениях с учениками казался грубым. Называл нас «зверятами африканскими», которые позорят «матушку-школу». В ответ класс смеялся и воспринимал его «оскорбления» как нечто забавное. Добрейшая Анна Сергеевна Петрова – учительница русского языка и литературы поражала нас отсутствием раздражения, учительской мстительности к нерадивым ученикам. Мы звали ее между собой Аннушка. Это были прекрасные учителя, жившие в непростых условиях войны и понимающие, каково тогда приходилось их ученикам» (Литвин 2013: 28, 30). О раздельном обучении, о том, что ребята, не имевшие возможности учиться в годы войны, получали школьное образование уже в послевоенное время, говорил и Л.А. Барон (ПМА 2013: Барон).

В мемуарной литературе сохранились свидетельства о том, как дети-школьники ходили помогать в казанские госпитали – писали за тяжелораненых письма, носили для них книги, устраивали концерты (Музей детства 2011: 7, 126–127, 131). Об этом же писала и дочь Е.А. Горбачевой, секретаря парторга Казанского эвакогоспиталя № 3645. «Мы, дети работников госпиталя, старались помогать родит[елям]. Мы писали письма для раненых, читали им вслух книги, статьи из газет, помогали убираться в палатах, водили раненых на лечение по кабинетам и просто выслушивали их рассказы о боях. Была организ[ована] художественная самодеятельность. Мы пели, танцевали, ставили пьесы о войне» (Воспоминания: Горбачева).

Описывая тяготы войны, очевидцы событий рассказывали и о других нагрузках, ложившихся на плечи школьников. Мальчишки и девчонки помимо учебы работали на кетгутном заводе (Литвин 2013: 29), чистили от снега железнодорожные пути (ПМА 2021: Орлова (Степанова)), разгружали баржи с дровами (Живая память 2013: 165), заготавливали и пилили дрова для школ, следили за соблюдением светомаскировки, выезжали на поля колхозов и совхозов и т.д. Вспоминая о старшей сестре Дильбар В.Х. Ибнеева отмечала: «Сестре, конечно, было тяжелее, чем нам, младшеньким, ее ежегодно привлекали еще школьницей работать на полях за железнодорожной линией Казани. Она у нас была самая умная и грамотная, однако у нее было только среднее образование, так как дальше учиться не было возможности. К ней со всей округи приходили женщины, что-

бы она написала письмо на фронт или заявление в какой-либо орган для разрешения их насущного вопроса, и совпадало так, что после ее заявления вопросы разрешались чаще всего положительно. Поэтому поток посетителей к нам не прекращался. Мы, малыши, тоже читали соседям письма с фронта, утешали их как могли» (Недетское детство 2018: 38).

Редкими эпизодами, в основном в памяти горожан, являются сюжеты о тимуровцах. Г.М. Давыдов, вспоминая об учебе в одной из школ в центре города (№ 15 – современная 18), рассказал об организации Ритой Горской тимуровского отряда – сплоченной группы ребят, которая ходила по казанским дворам, помогала пилить и колоть дрова, таскать воду с колонок, ухаживать за одинокими стариками, навещать раненых, доставленных с фронта, делать уборку в квартирах и даже ходить за хлебом. «В течение двух лет я тоже был активным тимуровцем» (Давыдов 2013).

Во многих повествованиях информантов, воспоминаниях детей войны, в первую очередь сельских жителей, рассказывается о ранней трудовой деятельности, о вовлечении не только в хозяйственную деятельность семьи (Недетское детство... 2018: 47), но и в общественное производство (ПМА 2016: Муртазина (Хайруллина); Живая память 2015: 101, 107). Особо тяжелой была работа подростков на быках, полностью заменивших лошадей во многих деревнях. На них пахали, сеяли, использовали как транспортное средство (ПМА 2018: Кусакин; Живая память 2013: 175–176). «Конечно, не оставались мы в стороне и от помощи родителям по дому. По мере сил участвовали и в колхозных делах, например, в уборке урожая – собирали колоски. Тогда урожаи были не очень высокие, каждое зерно на вес золота. Надо сказать, что эта работа была для нас довольно неприятная. Ведь у многих из нас обуви летней не было (а если и была – берегли ее), бегали, как правило, летом босиком, поэтому на скошенном поле натирали ноги до крови. Некоторые из нас, наиболее крепкие ребята, работали даже помощниками комбайнеров и шоферов» (Недетское детство 2018: 51). Уже после войны, А.В. Фокин, потерявший отца на фронте, также начал рано помогать семье: «На пенсию за отца 392 рубля в месяц (булка хлеба стоила на рынке 10 рублей) прокормиться маме, мне с братом и няней – родственницей, эвакуировавшейся вместе с нами, было невозможно. Не случайно в 15 лет я начал подрабатывать на прессовании шерсти на базе заготовивсырья, потом все летние каникулы разгружал баржи» (Недетское детство 2018: 56).

Тяжелой была доля сельского учительства. Помимо преподавания в школе, учителя выходили на поля, работали вместе с колхозниками. «Они всеми своими силами старались облегчить трудную жизнь колхозников. Организовывали концерты. Ставили спектакли. Мы, их дети, на концертах пели песни, декларировали стихи» (Тагиров 2016: 11).

Досуговая практика горожан и сельчан в годы войны разительно отличалась. В городах, судя по воспоминаниям и рассказам информантов, было больше возможности попасть в кино. Н.А. Буко, приехавшая в Ка-

зань в эвакуацию из Ленинграда, вспоминала: «Бабушка, большая любительница театра и кино, находила возможность сводить нас, детей, в кино-театр на ул. Баумана. Мы смотрели «Багдадский вор», «Маугли», Бемби». Это были не только звуковые, но и цветные фильмы, которые нам очень нравились. А в театр мы ходили на «Финист – ясный сокол». Бабушка брала с собой и моих подружек, Валюшу то точно. Катю не помню, но Валюшу мы всегда брали с собой» (Дети в условиях эвакуации 2013: 361). Ее подруга, жительница г. Казани Е.П. Седлецкая, делясь о своем военном детстве и о своих впечатлениях от театра, рассказывала: «И я ходила. Это был Качаловский театр, бельэтаж. Я первый раз тогда вообще в театре была. Мы все были в восторге от этой постановки» (ПМА 2013: Седлецкая). Евгения Петровна, младшая сестра Е.П. Седлецкой, помнит, как поднималась на второй этаж, где жили Нина с бабушкой (девочки так и обрелись к ней – «бабушка»). Она угощала их сахаром с вареным молоком. Запомнились ей и щипчики для сахара.

Семейная реликвия Н.А. Буко времен войны.
Санкт-Петербург, 6 декабря 2012 г. Фото И.И. Ханиповой

Впечатленные постановками дети потом не раз ставили спектакли во дворе для взрослых и детворы со всех соседних домов – «Ревизора», басни Крылова и др. (Дети в условиях эвакуации 2013: 360–361).

Дом в Казани, где проживала в эвакуации Н.А. Буко, и во дворе которого Нина с сестрами Седлецкими ставили домашние спектакли.
Казань, 1 февраля 2013 г. Архив И.И. Ханиповой

В деревнях же и селах основным видом досуга были концерты художественной самодеятельности и вечера в клубах. В народной памяти сохранились песни военных лет, практически неизвестные современным поколениям. Анна Алексеевна, уроженка ст. Шемордан Сабинского района 1932 г.р. вспоминала: «У нас был кружок художественной самодеятельности. Павел Александрович был у нас художественный руководитель. Он на фронте был, с фронта пришел, раненый. Вот он стал у нас физкультуру в школе вести. Организовал кружок художественной самодеятельности. Хор у нас был, в клубе выступали в праздники. В Октябрьскую выступали, физкультуру делали. И хор у нас все пел песни военные. Павел Александрович нас научил песню «Артиллеристы» петь. У меня голос хороший был, я тогда запевала была. На концерт жители приходили. Много приходило, и молодые, и пожилые. Клуб был большой у нас в Шемордане. Много приходило людей, а мы – дети, выступали» (ПИМА 2021: Орлова (Степанова)).

Удивительно, но до сих пор в памяти пережившей войну женщины сохранилась песня, которую они исполняли в редкие часы досуга всей деревней:

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Мы в смертный бой идем за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.
Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!

Из многих тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь! Огонь! (ПМА 2021: Орлова (Степанова)).

Текст «Марша артиллеристов», написанного в 1943 г. и сразу же получивший всенародную известность, после войны неоднократно менялся по политическим соображениям, но А.А. Орлова (Степанова) спела нам его таким, каким пела и запомнила ребенком, в первоначальном варианте.

Интервью с А.А. Орловой (Степановой) 1932 г.р.
Юдино, 29 января 2021 г. Архив И.И. Ханиповой

«Около железной дороги клуб был у нас в Шемордане. Каждое воскресенье были танцы. Война. В те годы девушки 1923–1925 г.р. проводили своих ребят в армию. Они собирались на танцы возле клуба, и все пели эту песню. Мы маленькие были. Но я быстро выучила эту песню и потом тоже мы пели ее. Они-то на 8 лет старше нас. Это их любимая песня была.

Вечер опустился светло-синей дымкой
Солнышко за лесом скрылось давно.
Бережком холмистым ехали танкисты
На ночёвку в ближнее село.
Молодых танкистов девушка встречала:
«Не видали, хлопцы, моего дружка?
Паренёк плечистый, всех он голосистей,
Крепко бьёт в сражении врага!»
Хлопцы отвечали: «Все мы здесь плечисты,
Все мы голосисты, крепко бьём врага!

Парни боевые, хлопцы удалые
Выбирай из нас себе дружка!»
Девушка смутилась: что же ей ответить?
Посмотрела вдаль и видит: вдоль реки
Едет Ваня милый ей платочком рукою машет,
Орден красновзвездный на груди!
Ночку просидели на скамье садовой.
Парень говорил, заглядывал в глаза:
«Жди меня, родная, не забудь Ванюшу,
Стройная берёзонька моя!».
На рассвете хлопец с милой распрощался.
Уходили танки за речкой вдалеке.
Девушка стояла, взглядом провожала.
Вслед махала ласково платком» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)).

Эта песня военных лет когда-то исполнялась по всей стране. Сегодня она практически никому неизвестна. Иная, чем спела Анна Алексеевна, вариация текста опубликована в сборнике народных песен Великой Отечественной войны, собранных у старожилов Пермской области (Нас не люди разлучили 2005).

Коллектив интерната Ленинградского дома журналистов № 18, размещенного в с. Тихоново Бондюжского (совр. Менделеевского) района Татарстана, даже в условиях эвакуации умудрялся организовывать праздники, литературные карнавалы, ставил спектакли и пьесы – «Русские люди», «Без вины виноватые». Воспитанники играли настолько талантливо, что их приглашали выступать в район и другие интернаты (Хадиуллина 2009: 100–103, 112).

Особую значимость для исследователей, занимающихся историей советского детства, представляют игры и игрушки детей военного времени. «Когда маленькие были мы как играли – в третий лишни, в лапту играли, скакали, играли в классики, скакалки прыгали. Куклы самодельные были. Шили тогда. Кукол то не было. Бабушки шили тогда, сошьют нам из тряпочек куклу, вот и играем» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)). «Были в то время и свои мальчишеские игры: «махнушка», карты, шахматы, футбол, коньки и лыжи... В футбол играли старыми консервными банками, редко находился мяч. Тогда шли на луга, за вокзалом и играли двор на двор...» (Литвин 2013: 30). О «махнушке» рассказывал и Г.К. Будников: «В школе я впервые познакомился со свинцом. Тогда распространенной была игра в «махнушку» – подбивание тыльной стороной стопы распушенного клокa шкуры барана с прикрепленным снизу кусочком свинца. Соревновались – кто сколько ударит. Родители запрещали мне эту игру, в основном по причине ее никчемности» (Живая память 2015: 84). Как писал Василий Аксенов, это была «странная игра военных лет, странный спорт. Она пропала вместе с войной, и нигде и никогда после я не видел детей и подростков,

подбивающих сапогом кусок собачьей шерсти, утяжеленный свинцовой plombой» (Аксенов).

Вспоминая о школе, совместных играх местных и эвакуированных, Н.А. Буко рассказывала: «В школу пошла с удовольствием, интересно же там. Мы познакомились с Катей уже в школе. Парты были черные, высокие, откидывались такие верхушечки, крышечки, и тут такие диванчики со спиночкой. В классе было много народу... В классе были всякие дети, и ленинградские, и казанские, и мальчишки, и девчонки, все вместе. Вот я помню, что Рустемка сидел сзади... Мы все дружили, и в «Штандр» играли на поляне. Ну не поляне, там такая площадка была» (ПМА 2012: Буко).

Горькой потерей для девочки из с. Печищи Верхнеуслонского района стала самодельная кукла, украденная 14-летним подростком-попрошайкой. «В то время у детей не было игрушек. И мама попросила моих старших сестер сшить мне тряпичную куклу. Когда кукла была готова, она села за швейную машинку и сшил ей платье. Я была так рада! Ведь у моих подружек и такой игрушки не было. Однажды я была дома одна и играла с куклой. Пришел нищий. Я кинулась собирать милостыню. Нашла хлеб, картошку, два яйца... Он убежал, прихватив и мою игрушку. Ох и плакала я в тот день! Куклу мне больше не сшили» (Музей детства 2011: 127). Такой же потерей на всю жизнь стала пропажа кукол для сестренок Токаревых, отданных уходившим на фронт отцом в Долгополянский детский дом. Вспоминая отца, стоявшего на снегу почти босиком, без привычных сапог и протягивавшего дочерям фабричных кукол в матросской форме, в тельняшках и бескозырках, В.Е. Цыганова (Токарева) описывала какое неизгладимое впечатление на детей, вообще никогда не имевших игрушек, произвели эти куклы (Письмо 2008).

На основе анализа материалов устной истории – собранных в ходе многолетних интервью у жителей Республики Татарстан, очевидцев событий периода Великой Отечественной войны, автор пришел к выводу, что у деревенских детей практически не было фабричных игрушек, все они являлись самодельными. Тем уникальнее оказался эпизод воспоминаний Р.Н. Паленовой: «Шла война. Мне было 7 лет, жили мы в деревне. Нечего надеть, нечего есть – какие уж тут игрушки! А играть хотелось. Камушек найдешь красивый – уже игрушка. Самая интересная игрушка тех лет – кусочек стекла (для нашей деревни это была редкость). Осколок переливался на солнце всеми цветами радуги, им можно было пускать солнечного зайчика. Однажды мама принесла мне настоящую куклу: алебастровая голова, тряпичное туловище. Я была самой счастливой девочкой на свете! Туловище моей Ляльки хрустело от туго набитой соломы, а голова клонилась набок от тяжести алебаstra. Но все равно она казалась мне живой. Это была моя первая и, разумеется, самая красивая кукла на свете!» (Музей детства 2011: 100–101). Скорее всего, эта ситуация иллюстрирует приведенную выше практику обмена вещей горожан на продукты у деревенских жителей и таким образом объясняют появление куклы у деревенской девочки.

Деревенские жители часто рассказывали, что сами мастерили себе игрушки: «Об игрушках мы даже не мечтали. Всё, без чего не могли обойтись в детских забавах, мастерили сами» (Недетское детство 2018: 55). О том, как мальчишки мастерили с помощью старших ребят самокаты или просто катали по мостовым старые обручи от бочек, вспоминали и горожане (Музей детства 2011: 8). «Самой любимой игрушкой был деревянный солдат, которого мы сделали сами. Мы его выставляли каждый вечер во двор и называли нашим охранником и защитником» (Живая память 2015: 112). О совсем не девчачьих играх – раме от старого трактора, завладевшего сердцами деревенских мальчишек и девчонок воображаемого голубого «ЧТЗ» (так называли в народе трактора Челябинского тракторного завода – *И.Х.*), с настоящим, правда сломанным рулем поведала Г.З. Батршина 1936 г.р. (Музей детства 2011: 101–102).

В нарративах, описывавших военное время, встречаются эпизоды, раскрывающие психологические аспекты детства. В условиях войны многое, на сегодняшний день вызывающее оценочно-отрицательную реакцию, воспринималось как данность. К примеру, в рассказе Ф. Зариповой, чьи родители работали и вынуждены были оставлять с трехлетнего возраста ребенка дома одного, нет страха одиночества. «Квартира была крохотной, 5 метров – окно да кровать. Я часто смотрела в окно. По полу бегали мыши. Мама оставляла мне еду, а я делила ее с мышами. Они были такие маленькие, красивые и совершенно меня не боялись. Я тоже их не боялась, думала: «Вот какие интересные игрушки!». Каждый день разговаривала с мышками, и мне казалось, что мы хорошо понимаем друг друга» (Музей детства 2011: 101).

Самоотверженный труд матерей, старших братьев и сестер понимался и воспринимался детьми военной поры как разумеющаяся данность. «Мама была примером для нас и для всех соседей! Она учила нас терпению, а еще никогда не брать чужого, помогать тем, кто нуждается, не сквернословить, учиться, трудиться» (Недетское детство 2018: 38).

Самыми страшными, на наш взгляд, свидетельствами о годах военного лихолетья, стали эпизоды о смерти детей, родных или сверстников (Музей детства 2011: 129, 130; Живая память 2013: 110, 124). Ф.Т. Шакирова 1939 г.р., уроженка Балтасинского района, вспоминала: «В 1942 году у мамы родились двойняшки, сын и дочь, но они умерли. Мама со стариком Аухади абыем выкопала могилу, и сама похоронила своих детей. Это страшно себе представить!!!» (Недетское детство 2018: 68).

Материалы устной истории содержат факты о том, что многие, приехавшие в эвакуацию в ТАССР, после войны остались жить в Казани (ПМА 2013: Барон; Живая память 2013: 102–104; Живая память 2015: 54 и др.). Иные же уехали, ни разу не вернувшись в город и оставив о нем лишь воспоминания военного детства (ПМА 2012: Буко).

Учитывая уход вслед за эпохой очевидцев и современников Великой Отечественной войны, отметим важность аккумуляции воспоминаний о событиях тех времен, в т.ч. и путем инициативного документирования, позво-

ляющих сохранить глубину горизонтов исторической памяти и несущих не только фактологическую, но и оценочную информацию. Воспринимая память как некую особую форму проработки жизненных историй и в то же время как «действенный инструмент формирования коллективной идентичности, основанной на исторической ответственности и этике прав человека» (Эрлих 2016: 28), сделаем вывод о значимой роли материалов устной истории и этнодокументального массива в сохранении свидетельств о войне.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Аксенов – Аксенов В. На площади и за рекой. <https://www.litres.ru/vasiliy-aksenov/na-ploschadi-i-za-rekoj/chitat-onlayn/> (Дата обращения 24.01.2021).

Давыдов 2013 – Давыдов Г.М. Слезы радости Победы и потери близких сливались вместе... // Молодой строитель. 2013. №1. https://museum.kgasu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=398:2015-02-24-13-27-01&catid=2:2013-02-11-09-00-17&Itemid=3 (Дата обращения 14.01.2021).

Воспоминания – Воспоминания Л.Ф. Горбачевой о буднях эвакогоспиталя № 3645. Сер. 1990-х гг. // Личный архив Л.Ф. Горбачевой.

Живая память 2013 – Живая память. Воспоминания детей войны / сост. В.Ф. Телишев; ред. В.С. Маркелов, Ю.В. Жиглий, Д.Э. Рахимова. Казань: Изд-во Казан. федерал. ун-та, 2013.

Живая память 2015 – Живая память. Воспоминания участников, ветеранов и детей войны / сост. и гл. ред. В.Ф. Телишев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015.

Когда мы были 2013 – Когда мы были на войне... Воспоминания о Великой Отечественной войне. Казань: Изд-во Казанск. гос. арх.-строит. ун-та, 2013.

Музей детства 2011 – Музей детства в Казани: истории об играх и игрушках в Татарстане / авт. идеи и сост. В. Якупова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.

Нас не люди разлучили 2005 – Нас не люди разлучили, разлучила нас война. [Ноты]: народные песни Прикамья / сост. Ж.Г. Никулина. Пермь: Пушкина, 2005.

Недетское детство 2018 – Недетское детство (воспоминания сотрудников Аппарата Президента Республики Татарстан, детство которых овеяно войной). Под редакцией И.В. Терентьевой. Казань: Информационно-издательский центр, 2018.

Письмо 2008 – Письмо В.Е. Цыгановой (Токаревой), 1934 г.р., воспитанницы Долгополянского и Кураловского детских домов. 8 января 2008 г. // Архив М.Н. Ивановой.

ПМА 2021 – ПМА. Интервью с Анной Алексеевной Орловой (Степановой), 18 мая 1932 г.р., уроженки ст. Шемордан Сабинского района Татарской АССР. 2 февраля 2021 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2018 – ПМА. Интервью с Виктором Васильевичем Кусакиным, 10 октября 1930 г.р., уроженцем г. Елабуги ТАССР, 23 февраля 2018 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2013 – ПМА. Интервью с В.И. Веревкиной, уроженкой р.п. Бондюга (совр. Менделеевск). 18 февраля 2013 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА – ПМА. Интервью с Гульнаррой Сайфельхановной Хаковой, 29 сентября 1949 г.р., уроженкой с. Апазово Кзыл-Юльского (совр. Арского) района ТАССР // Личный архив И.И. Ханиповой.

Ханипова И.И. Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории

ПМА 2013 – ПМА. Интервью с Екатериной Степановной Седлецкой, уроженки г. Казани Татарской АССР. 1 февраля 2013 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2013 – ПМА. Интервью с Леонидом Абрамовичем Бароном, уроженцем г. Винницы, декабря 1939 г.р. 26 февраля 2013 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2016 – ПМА. Интервью с Мунавирой Сунгатовной Муртазиной (Хайруллиной), 1930 г.р., уроженкой д. Уразино Камско-Устьинского района ТАССР. 9 мая 2016 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2012 – ПМА. Интервью с Ниной Александровной Буко, уроженкой г. Ленинграда. 6 декабря 2012 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

Хадиуллина М.А. Невыдуманные истории детей блокады и тихоновцев: сборник воспоминаний. Менделеевск: [б/и], 2009.

Этот день мы приближали 2010 – Этот день мы приближали, как могли! Казань: Книга памяти, 2010.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дементьев И.О. Что такое историческая память? Рец.: Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. // Историческая экспертиза. 2019. №2 (19). С. 206–218.

Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов / сост. И.И. Ханипова, Е.Г. Кривоножкина. Казань: ГАУ при КМ РТ, 2013.

Ечевская О.Г. «Свобода в вещах» или «свобода от вещей»: значения вещей в практиках повседневной жизни // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. ст. / отв. ред. О.Г. Ечевская. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 49–66.

Кабилова А.Ш. Воспоминания ветеранов как источник по изучению организации труда и быта военного поколения 1941–1945 гг. (на примере Татарской АССР) // Народы Татарстана в годы Великой Отечественной войны: сборник статей / под ред. Р.В. Шайдуллина. Казань: ИТЭР АН РТ, 2018. С. 235–242.

Кабилова А.Ш. Балачакның кунел сандыгы (Кладезь воспоминаний) // Әрнүле балачак. Сугыш чоры балалары истәлекләре (Воспоминания детей войны). Казань: Школа, 2014. С. 7–11.

Литвин А.Л. Жизнь как выживание. Воспоминания и размышления о прошлом. М.: Собрание, 2013.

Олик Дж.К. «Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. №4 (17). С. 22–49.

Савельева И.М. Перекрестки памяти // Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Фонд «Университет»: Владимир Даль, 2003.

Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

Тагиров И.Р. По жизненному пути. М.: Собрание, 2016.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-istoricheskaya-pamyat.html> (Дата обращения 30.01.2021).

Ханипова И.И. «...Я обязан писать и рассказать все, что знаю, рассказать и писать просто, без прикрас, ничего не преувеличивая, ничего не скрывая...» («Записки партизана» М.Г. Салихова как исторический источник) // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / под общей ред. В.А. Лабужева. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2015. С. 374–376.

Ханипова И.И. «Я красный партизан, даю клятву перед Родиной и своими товарищами...» (Из воспоминаний М.Г. Салихова о партизанском движении на территории западной Украины) // Великая Победа: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Минск, 14–15 мая 2015 г. / ред. кол.: В.И. Адамушко и др. Минск: А.Н. Варакин, 2015. С. 265–276.

Эрлих С.Е. Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив // Историческая экспертиза. 2016. №3 (8). С. 11–32.

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующей отделом новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ihanipova@mail.ru

Поступила 24.02.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN PEOPLE'S MEMORY: POTENTIAL OF PERSONAL ORIGIN SOURCES AND MATERIALS OF ORAL HISTORY

I.I. Khanipova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru*

Developing the problem of the formation and representation of the past, the mechanisms of memory transformation of past events both in individual and collective consciousness, modern researchers are paying more and more attention to the materials of oral history. The article analyzes the importance of oral history materials and documents of personal origin in the study of the Great Patriotic War history.

The author believes that proactive documentation is an indispensable source for writing history in the “human dimension” and an excellent opportunity to commemorate memorable events of the war. Reflecting the individuality of storytellers, their cultural values and world outlook / worldview, as well as specific historical conditions that have formed individual views of the world, oral history materials demonstrate images and phenomena of the past that have become socially significant for certain generations, and carry factual and evaluative information. Through in-depth interviews with the participants of the events, the researcher actualizes personally significant and socially important memories, transforming them into cultural and historical values.

Considering the potential of these sources, the author identifies the main plotlines and themes that resonate with military issues; draws attention to the fact that they illustrate in detail the private world of a person. Due to natural departure of the Great Patriotic War eyewitnesses and contemporaries after the era, the author pays special attention to the accumulation and publication of memoirs that makes it possible to preserve the depth of historical memory horizons. Despite the common and different aspects in the structure and content of the constructed ideas about the war, she concludes that all materials of oral history are an important contribution to the preservation of the collective memory of the nation.

Keywords: Tatarstan, the Great Patriotic War, oral historical sources, ego-documents, historical memory, city, village, culture, children, the everyday lives of children

For citation: Khanipova I.I. Velikaya Otechestvennaya voyna v pamyati naroda: potentsial istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya i materialov ustnoy istorii [The Great Patriotic War in People's memory: potential of personal origin sources and materials of oral history]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 43–64. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.43-64>

REFERENCES

Dement'ev I.O. Chto takoe istoricheskaya pamyat'? Rets.: Safronova Yu.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie* [What is historical memory? Book review: Safronova Yu.A. Historical Memory: an Introduction]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2019, no. 2 (19), pp. 206–218. (In Russian)

Deti v usloviyakh evakuatsii. Tatarskaya ASSR. 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Children in the Conditions of Evacuation. Tatar ASSR. 1941–1945. Collection of documents and materials. Compiled by I.I. Khanipova, E.G. Krivonozhkina]. Kazan: Chief Archive Directorate at RT CM, 2013. 416 p. (In Russian)

Echevskaya O.G. “Svoboda v veshchakh” ili “svoboda ot veshchey”: znacheniya veshchey v praktikakh povsednevnoy zhizni [“Freedom in Things” or “Freedom from Things”: the Meanings of Things in Everyday Life Practices]. *Lyudi i veshchi v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture*. Novosibirsk: Novosib. State University Publ., 2005, pp. 49–66. (In Russian)

Erlikh S.Y. Global'naya pamyat' informatsionnogo obshchestva: etika, identichnost', narrativ [The Global Memory of the Information Society: Ethics, Identity, Narrative]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2016, no. 3 (8), pp. 11–32. (In Russian)

Kabirova A.Sh. Vospominaniya veteranov kak istochnik po izucheniyu organizatsii truda i byta voennogo pokoleniya 1941–1945 gg. (na primere Tatarskoj ASSR) [Memoirs of Veterans as a Source for Studying the Organization of Labor and Life of the War Generation 1941–1945 (on the example of the Tatar ASSR)]. *Narody Tatarstana v gody Velikoj Otechestvennoy voyny*. Ed. by R.V. Shaydullin. Kazan: ITER AN RT Publ., 2018, pp. 235–242. (In Russian)

Kabirova A.Sh. Balachaknyñ küñel sandygy (Kladez' vospominaniy) [A Storehouse of memories]. *Ärnüle balachak. Sugysh chory balalary istäleklärä (Vospominaniya detey voyny)*. Kazan': Shkola Publ., 2014, pp. 7–11. (In Tatar)

Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2005, no. 2–3 (40–41). (In Russian) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 30.01.2021).

Khanipova I.I. «...Ya obyazan pisat' i rasskazat' vse, chto znayu, rasskazat' i pisat' prosto, bez prikras, nichego ne preuvelichivaya, nichego ne skryvaya...» («Zapiski partizana» M.G. Salikhova kak istoricheskiy istochnik) [“... I must write and tell about everything I know, tell and write simply, in true colours, without exaggeration and reservation...” (M.G. Salikhov’s “Partisan Notes” as a Historical Source)]. *Podvigi sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Orenburg: OGAU Publishing Center, 2015, pp. 374–376. (In Russian)

Khanipova I.I. «Ya krasnyy partizan, dayu klyatvu pered Rodinoy i svoimi tovarishchami...» (Iz vospominaniy M.G. Salikhova o partizanskom dvizhenii na territorii zapadnoy Ukrainy). [“I’m a red partisan. I take an oath in front of the Motherland and my comrades...” (From M.G. Salikhov’s memories about the partisan movement on the Western Ukraine territory)] *Velikaya Pobeda: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Minsk: A.N. Varaksin Publ., 2015, pp. 265–276. (In Russian)

Litvin A.L. *Zhizn' kak vyzhivanie. Vospominaniya i razmyshleniya o proshlom* [Life is like Survival. Memories and Reflections about the past]. Moscow: Sobranie Publ., 2013. (In Russian)

Olik Dzh. K. “Pamyat' – eto ne veshch' i ne predmet. Pamyat' – eto nepreryvnyy protsess”. Interv'yu s Dzh. K. Olikom [“Memory is not a thing or an object. Memory is an ongoing process.” Interview with J.K. Olik]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, no.4 (17), pp. 22–49. (In Russian).

Save'eva I.M. Perekrestki pamyati [Memory Crossroads]. Khatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg, “Universitet” Fund: Vladimir Dal Publ., 2003.

Safronova Yu.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie* [Historical Memory: Introduction]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2019. (In Russian)

Tagirov I.R. *Po zhiznennomu puti* [Along the Path of Life]. Moscow: Sobranie Publ., 2016. (In Russian)

About the author: Ilnara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Fellow, Acting Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ihanipova@mail.ru

Received February 24, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

УДК 94(571.1) + 39(=161.1)

**СОБИРАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ СЕЛЬСКОГО
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
АДАПТАЦИОННЫЕ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ
КАК ФАКТОР ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Т.К. Щеглова

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Российская Федерация
tk_altai@mail.ru*

В статье определяется значение собирательства в обеспечении жизнедеятельности сельского русского населения на тыловых территориях Сибири в годы Великой Отечественной войны. Доказывается, что внутренними ресурсами семьи в неблагоприятные периоды являлись альтернативные семейному приусадебному хозяйству практики, которые по своему характеру являлись присваивающими, т. к. опирались на природные ресурсы окрестных мест. В повседневной системе питания это проявлялось в смене картины питания, сопровождавшееся его реструктуризацией, в основе которой лежало замещение базовых продуктов традиционной кухни второстепенными, в частности введение съедобных дикоросов и ягод взамен продукции земледелия. Анализируются причины, механизмы, описываются сезонные алгоритмы собирательства, виды дикоросов и ягод, их природно-географическая обусловленность, способы введения в систему питания и способы заготовок для хранения. Делается вывод об эффективности использования методов устной истории в исследовании малоизученных, связанных с антропологическим содержанием научных проблем Великой Отечественной войны с опорой на социальную память.

Ключевые слова: тыл, сельское русское население, собирательство, питание, устная история, социальная память

Для цитирования: Щеглова Т.К. Собирательство в системе питания сельского русского населения юга Западной Сибири: адаптационные повседневные практики как фактор победы в Великой Отечественной войне // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 65–81. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.65-81>

Изучение антропологических аспектов Великой Отечественной войны сопряжено с изучением повседневной жизни и повседневных практик тылового населения, которое вынуждено было адаптироваться к военным условиям. В силу массовости участников истории тыла, будничности событий и отсутствия громких подвигов истории основное внимание при изучении Сибири сосредоточили на эвакуации предприятий и учреждений, вкладе сибирской экономики в обеспечение фронта; рассмотрен мо-

билизационный потенциал Сибири, история формирования и участие на фронте дивизий сибиряков. Менее скромным является вклад этнологов в изучение факторов и причин победы в годы войны, что в целом связано с недостаточностью теоретико-методических разработок по изучению антропологического содержанию исторических событий XX столетия. Исследователи еще не сказали своего слова о значении этнических традиционных культур, трудовых и семейных традиций в сохранении стабильности и трудоспособности мирного тылового населения. Не определена их роль в формировании сбалансированной экономики, особенно в сельской местности при колоссальном физическом и эмоциональном напряжении сельского общества. Занимаясь этими проблемами уже не один десяток лет, автор пришел к необходимости сосредоточения на анализе систем жизнеобеспечения и жизнедеятельности сельского населения в годы войны на территории юга Западной Сибири, являвшейся на протяжении всего XX столетия одной из житниц России. Была разработана научная программа, сформулирована гипотеза и теоретико-концептуальные подходы, а также исследовательский инструментарий, подведены первые промежуточные итоги (Щеглова 2018).

Новационностью проекта «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири: традиции и новации» стала опора на социальную память сельских сообществ. Как известно социальная память о тех или иных событиях находится в фокусе семейных разговоров 4–5 поколений (Ассман 2014: 19–20), пока живы сами участники исторических событий, в нашем случае это категории «тружеников тыла» (1910–1920-е г.р.), «детей войны» (1920–1940-е г.р.) и их потомков – поколения внуков и правнуков (1950–1980-х г.р.), у которых она сформировалась в общении с носителями информации. Память о Великой Отечественной войне в семьях участников и очевидцев военного времени является живой пока актуализируется старшими поколениями и находится в орбите семейных разговоров и семейной памяти. На ее сохранение влияют и внешние факторы. На современном этапе для актуализации памяти о войне такими факторами стали вызовы современной политики, информационные войны, в том числе с попытками пересмотреть итоги и оценки Второй мировой и Великой Отечественной войны. Основными технологиями изучения социальной памяти о войне стали методы устной истории, которой автор занимается уже почти тридцать лет (Устная история 2007; Устная история 2017), ведущую роль среди которых играет интервьюирование участников и очевидцев исторических событий. Формами проведения исследования стали историко-этнографические экспедиции: больших групп участников в летнее время с использованием полевой учебной практики студентов исторических факультетов с охватом всех населенных пунктов сельских административных районов и небольших исследовательских коллективов с выездом на территории с особыми природно-географическими или социально-экономическими условиями. Работа ве-

лась по авторским вопросам с использованием звукозаписывающей аппаратуры (аудио и видео) и инструкциям работы с семейными фотоальбомами и семейными архивами документальных материалов по истории семьи в годы Великой Отечественной войны.

Для реализации выработанных подходов был сформирован научный коллектив начинающих исследователей из состава аспирантов и студентов магистратуры и бакалавриата (А.В. Рыков, Д.В. Алекса, А.С. Кузнецов, А.А. Мазырина). Участие молодежи являлось благоприятным фактором для развертывания массовых полевых исследований, эффективным способом формирования гражданской позиции и воспитания культуры памяти. Работа в 2015–2017 гг. была поддержана РГНФ/РФФИ. Предметом исследования являлась традиционная культура сельского русского населения как фактора победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, автором проводятся историко-этнографические экспедиции с 1990 г., сформированы фонды устных исторических источников – материалов интервью респондентов с охватом более 600 сел и 30 районов Алтайского края. Среди них как раз большое значение имели записи интервью 1990–2000 гг. с «труженицами тыла», т. к. в 2010 г. основными респондентами были «дети войны».

Гипотезой стало утверждение о ведущей роли традиционных культур и о решающем значении этнических хозяйственно-трудовых традиций в адаптации мирного населения к условиям военного времени при крайнем физическом и эмоциональном напряжении. В основе механизмов адаптации лежал исторический народный опыт преодоления трудностей и способов борьбы с голодом и холодом с опорой на «кормящий ландшафт окрестных мест» в поисках альтернативных продуктов в системе питания и других элементов культуры жизнеобеспечения. Среди них, например, у земледельческих народов замена хлеба продуктами огородничества – картофелем и тыквой; мяса и белка продуктами ловчих промыслов – «суслятной», «зайчатинной», перепелами или косачами, топлива – «коровьими глызами», шишками, хворостом и тому подобное. Для земледельческих народов ухудшение положения было связано как с ограничительной политикой предвоенной социалистической модернизации (коллективизация, раскулачивание, национализация и т.п.), прежде всего ликвидацией семейного земледелия, ограничением приусадебной земли, запретом пользоваться лесом и так далее, так и установлением в военное время обременительных сельскохозяйственных налогов, в том числе натуральных, наложенных на личное хозяйство колхозников и рабочих совхозов. Перспективным представляется проведение аналогичных исследований культуры жизнеобеспечения других хозяйственно-культурных сообществ для сравнения с земледельческими. В годы войны важным способом жизнеобеспечения сельской семьи, независимо от хозяйственно-культурной специализации, стали традиционные практики по преодолению трудностей. Исторический опыт хозяйствования в условиях перманентных миграций и со-

циально-экономических потрясений способствовал формированию таких свойств традиционной культуры как гибкость и мобильность.

Целью данной статьи является определение значения присваивающих практик в обеспечении жизнедеятельности русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны. Источниками исследования послужили полевые материалы 2000–2020-х годов. В основу экспедиционной работы была положена устная история как метод и источник этнографических исследований. На основе авторских вопросников (Щеглова 2015) были проведены сотни интервью участников и очевидцев тыловой жизни сибирской деревни, создан архив цветных фотокопий документов и источников, включая фотографии (свыше 70 тыс. снимков). В статье используются материалы интервью участников экспедиций на разных природно-географических территориях – степных, горных, таежных, лесостепных – Краснощековский, Курьинский, Крутихинский, Красногорский, Благовещенский, Ельцовский, Залесовский, Романовский, Волчихинский, Панкрушихинский, Усть-Пристанский, Топчихинский, Троицкий, Косихинский, Шипуновский, Родинский и других районы. Эти и другие материалы полевых исследований хранятся в архиве Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета, а также в личном фонде автора в Государственном архиве Алтайского края (ГААК. Ф. 1971). В соответствии с акцентуацией на изучении социальной памяти в работе привлекались документы личного происхождения муниципальных архивов. В частности, интересным был проект муниципального архива Романовского района с Общественным советом ветеранов района по записи воспоминаний «тружениц тыла» и «детей войны» в 2008–2009 гг. В фонде Р-67 (Оп. 1. Д. 47) отложились воспоминания как самих участников военной жизни, так и их потомков – детей и внуков. Как раз тех поколений, которые в совокупности демонстрируют формирование и трансляцию социальной памяти (Сборник воспоминаний).

В результате проведенного исследования автор пришел к ряду обобщений, которые базируются на утверждении, что внутренними ресурсами семьи в неблагоприятные периоды являлись альтернативные семейному приусадебному хозяйству практики, которые по своему характеру являлись присваивающими, т. к. опирались на природные ресурсы окрестных мест. В их основе лежали процессы замещения произведенной в крестьянском хозяйстве продукции земледелия и скотоводства альтернативными природными продуктами. В повседневной системе питания это проявлялось в смене картины питания, сопровождавшееся его реструктуризацией, в основе которой лежало замещение базовых продуктов традиционной кухни продуктами, имевшими в благоприятные периоды жизнедеятельности вспомогательный характер. Одним из путей замены базовых продуктов стало введение съедобных дикоросов и ягод взамен продукции земледелия – окультуренных злаков. Они использовались как самостоятельные

продукты, так и как ингредиенты для приготовления традиционных блюд русского населения – хлебулочных изделий и каш.

Основным способом заготовки дикоросов стало собирачество, как присваивающий вид деятельности. Продукты собирачества в благоприятные мирные годы играли вспомогательную роль. Адаптация населения к нехватке базовых элементов традиционной кухни, в частности продуктов земледелия, вело к частичной или полной замене, например, зерна пшеницы или ржи как основы для выпечки хлеба дикорастущими травами, служившими в истолченном виде добавкой к муке, к введению травяных суррогатов (лебеда) для приготовления базового продукта – хлеба. При стесненных условиях семейного производства, маломощности колхозов и совхозов сбор дикорастущих съедобных трав и ягод стал важным способом возмещения недостающего продукта: «Есть было особо нечего. Ели травку разную, да ягодку» (Алтайская деревня 2012: 7). Проявлением адаптации сельского населения к военному времени стало так же использование в приготовлении каши семян или зерен дикоросов – рыжика, сурепки, «кашки» и др. вместо традиционных земледельческих культур – гречихи, проса, ячменя. Формирование заместительных технологий как основы адаптационных процессов крестьянской семьи, началось еще ранее, в период перехода от единоличной семьи к колхозной, когда было ликвидировано семейное земледелие и регламентировано домашнее скотоводство. Война закрепила эти тенденции. Этнологам еще предстоит разобраться во влиянии социалистической модернизации на традиционные культуры.

Следует отметить, что собирачество всегда являлось частью крестьянской экономики. Во второй половине XIX в. Г.Н. Потанин в работе «Полгода на Алтае» указывал, что «здесьние жители в продолжение целого лета что-нибудь приносят с полей из съедобных диких растений» (Потанин 2012: 45–46). По мнению ведущего научного сотрудника ИАЭ РАН, д.и.н. В.А. Липинской травы служили дополнением к основному рациону алтайского крестьянства всегда, но особенно в неблагоприятные или неурожайные годы, когда русские старожилы Алтая «собирали росшую по предгорьям дикую гречиху – кандык, мололи и пекли хлеб и лепешки... Употребляли повсюду рыжик (дикий лен), сухую толченую лебеду» (Липинская 1996: 143). Ягоды и дикоросы всегда входили в продовольственный фонд крестьянской семьи, дополняя основной рацион. Поэтому собирачество занимало в разное время разное место в крестьянской семейной экономике. В благополучные годы оно играло вспомогательную роль. В неблагоприятные для крестьянской семьи годы (неурожаи, ухудшение условий жизни под влиянием внешних факторов) собирачество переходило в разряд основных способов жизнеобеспечения. Сложилась традиция их сбора и заготовок на зиму. Накопленные в предыдущие годы знания и опыт использования дикоросов и ягод в питании крестьян стали в военные годы основой для формирования системы жизнеобеспечения. В этом смысле исторический опыт традиционной культуры «постраховал» рус-

ских сибиряков в годы Великой Отечественной войны. Благодаря традиционным навыкам преодоления трудных для жизнедеятельности условий сельское русское население сумело мобилизоваться в годы войны и не только выжить, но и обеспечить фронт всем необходимым. Особенно в тяжелое положение попали дети и подростки, жизнь которых была подчинена стремлению заглушить голод и поиску продуктов питания. «Голод тогда, и мы ни об чем не думали, нам лишь бы наесться, да и спать» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Сагандык Н.Д., 1937 г.р.).

Важным фактором развития собирательства являлись знания о «кормящем ландшафте» и накопленные традиции взаимодействия с конкретными природными источниками. Знание потенциала окрестных мест подстраховало сибирское сельское общество. Респонденты в интервью напрямую увязывают традицию собирательства ягод для питания, а сосновых шишек – для топлива с возможностями «кормящего ландшафта». Так, смородину собирали в околках, по берегам рек или «по лягам»; землянику (клубнику) – в степи, на полях, в лугах; бруснику и клюкву – в лесу; ежевику, боярку, черемуху и калину – «по забокам» и т.д. То же относилось и к дикоросам: слизун и ремень – по горам, пучки (гигли) – по заливным лугам, сурепка и кашка – на придворовых территориях, рогоз и камыш на приозерных землях и т.д. Потенциал кормящего ландшафта обуславливал и собирательство топлива: в лесу или бору – шишек, сучков, валежника; в приречных поселениях по забокам – кустарника, хвороста; на приречных или приозерных территориях – камыша, «вымочки», в степях – катунов и сухостоя и т.д. Одной из причин распространения собирательских практик в военное время являлось то, что, в отличие от семейного скотоводства, второй после земледелия отрасли в обеспечении питанием семьи, собирательство не облагалось налогами и не требовало большого вложения физических сил: «Нужно было терпеть, когда все время хотелось есть. Ели ребятишки и траву, и корни растений. Особым лакомством были ягоды и суслики. А дома еды почти не было: хлеб выдавался только на работавшего. Домашнее хозяйство было невелико, да и от него почти все уходило на налоги государству» (Сборник воспоминаний: Смоликова З.И., 1933 г.р.). Наконец, к преимуществам собирательства относился присваивающий характер, благодаря чему, в отличие от производящего домашнего хозяйства требующего применения физического труда (вспашка, уборка, сенокос и т.д.), оно было доступно для нетрудоспособного населения – «старым и малым».

Собирательство, носившее присваивающий характер, в годы Великой Отечественной войны стало одним из основных проявлений стратегии выживания сельского русского населения юга Западной Сибири. О его превращении в повседневную практику говорят все респонденты: «Проходило наше детство в заботах, что поесть и как согреться» (Рзянина (Илющенко) В.И., 1938 г.р.). Война вернула в сельскую семью этнокультурные трудовые традиции, основанные на включенности в природную среду. Представляется интересным рассмотреть опыт традиций собирательства с

целью компенсации недостающих продуктов в повседневном питании сельской семьи или их заменой. Замена базовых продуктов периферийными шло двумя путями: во-первых, за счет использования «даров природы» – съедобных дикоросов взамен земледельческих продуктов и трофеев охоты и рыбалки взамен продуктов скотоводства; во-вторых, использование технического сырья, например, жмыха, который независимо от основы (подсолнечник, хлопок, конопля, соя) являлся сырьем для имитации хлеба. Примерами повседневных блюд с использованием жмыха являлась «макуха» – распаренный жмых, «кулага» – кисель на ржаной муке с добавлением ягод. Подобные адаптации стали частью кулинарии военного времени.

Алгоритм собирательства носил сезонный характер. Активный период включал время с апреля по октябрь-ноябрь, от момента освобождения земли от снега весной до установления постоянного снежного покрова осенью. Благодаря собирательству и огородничеству это был наиболее благоприятный период в питании сельской семьи. Самым неблагоприятным временем была зима, когда природа спала и все ждали первых проталин, на которых в Сибири появлялась первая зелень. Вот как сезонный алгоритм собирательства проявлялся в устных источниках: «Мама все говорила, что зима скоро пройдет, будем собирать травку да ягоду, варить супчики» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Красносельский С.В., 1935 г.р.). В исторической памяти с летом ассоциировалось сытое время, а зима – «это самое страшное, когда холодно и постоянно хочется есть. С приходом весны, с появлением первой зелени появляется надежда на лучшую жизнь. Ели все, что растет. Крапиву, черемшу, лопух, дикий лук, лебеду» (Сборник воспоминаний: Герман (Кнауб) Э.Я., 1933 г.р.). Респонденты отмечали, что к концу зимы заканчивались все запасы «особенно голодала семья к концу зимы, когда основная пища семьи – картошка, заканчивалась» (Сборник воспоминаний: Сапа (Ковтун) М.И., 1908 г.р.).

По этой причине собирательство приобретало большое значение весной и в начале лета, когда наблюдалась общая нехватка продуктов питания. В это время производился, преимущественно детьми, массовый сбор различной зелени. Главным критерием была съедобность дикороса. Как определил критерии отбора трав респондент, «люди рвали травы – и вшивик, и слизун, от каких, в общем, не сдыхали. Все рвали травы и ели» (Сборник воспоминаний: Коламыц П.В.). В соответствии с природным графиком всхода и вызревания трав повседневное собирательство состояло из сезонных практик: весеннее собирательство с некоторой специализацией ранней и поздней весной; летнее собирательство, осеннее собирательство. В соответствии с этими сезонными практиками выстраивался трудовой алгоритм. Наряду с этим, были и травы, съедобные в течение всего весенне-летне-осеннего периода. Внесезонный ассортимент собирательства включал травы-сорняки: «Летом жили на травке, ели одуванчики, спорыш, лебеду» (Сборник воспоминаний: Антоник (Рощик) Р.И., 1939 г.р.).

Весенние повседневные практики включали набор съедобных растений первоцветов и луковичных дикоросов: «Весной у нас не было проблем с едой. Мы всегда “паслись на меже”, собирая разную траву» (Сборник воспоминаний: Бескоровайная П.А., 1941 г.р.). Наибольшую роль в приоборванных, предгорных и горных, таежных, приречных территориях в весеннем питании играл кандык – луковичное растение. «Кандык была наша первая еда. Ваня, младший брат, бежит, бывало, впереди, найдет и кричит мне: «Иди скорей, нашел кандык» (Сборник воспоминаний: Красносельская (Курганская) В.Г., 1939 г.р.). Выкопав луковицу из земли, ее сразу ели сырой. Кандык заготавливали и на зиму. В таежных и предгорных территориях большую популярность имели корни саранок.

О традициях использования луковичных растений в питании русских старожилов в весенний период писал еще во второй половине XIX в. Г.Н. Потанин. Он обозначил группу популярных луковичных растений на юге Западной Сибири, которые входили в ассортимент весенних повседневных собирательских практик русского населения: «Например, весной прежде всего начинают есть сахарные луковицы кандыка, потом листья слизины, также лукового растения. Из кандыка можно делать кашу, из слизины делают щи. Кроме того, поспевают еще несколько луковичных: чеснок, колба, осиноый лук, лук-ботан, горный лук и сарана» (Потанин 2012: 40). Спустя почти сто лет этот опыт пригодился в годы Великой Отечественной войны. Как показывают полевые материалы, ассортимент трав, собираемых весной, почти не изменился. М.Е. Харлова (Краснощекровский район), рассказывая о весеннем сборе растений детьми и женщинами, перечисляла многие из описанных Г.Н. Потаниным дикоросов: «А весна уже начнется, это тогда уже горы все наши, мы пойдем, тогда и слизун рвем, и какой-то взун, и вшивик, и вот эти вот репочки, еще не было. Репки, знаешь, на камушках растут такие [заячья капуста]. Сейчас вот пойдешь, поглядишь – все растет на горе, а тогда ничего не было [все выедали]» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Харлова М.Е., 1936 г.р.). Преимущества луковичных растений состояли в длительном периоде их использования. И дикий лук, и дикий чеснок, как и заячью капусту, ели с мая вплоть до августа, используя их даже после цветения. Респонденты сравнивали себя с «дикими зверьми». Как говорил С.В. Красносельский, «весной ходили в бор, ели кандык, слизун, рогозу, почки сосновые. Щипигу [щавель] рвали. Ее свежую ели или парили. Как дикие звери, бегали в поисках пищи».

В весенний период наряду с луковичными в пищу шли первоцветы – съедобные дикоросы и огородные сорняки. Среди дикоросов чаще называют медуницу, или медуники, среди сорняков – одуванчики. Эти травы, кроме утоления голода, играли большую роль в восстановлении здоровья крестьянской семьи после зимнего истощения. Использовали их и в сыром виде, и «томили» в русской печи. Так, цветки одуванчика ели, срывая со стебля. Респонденты, которые употребляли «одуванчики по весне, – по их

словом, молочком их звали. Все подряд поедали: и цветочки, и стебелечки...» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Андрелева Г.М., 1940 г.р.).

В таежной зоне юга Западной Сибири, где была велика доля хвойных деревьев, главным образом пихты и лиственницы, и в лесостепных зонах, где преобладали реликтовые сосновые боры, главным объектом весеннего собираательства являлись почки, особенно сосновые, которыми покрывались все верхушки веточек с апреля. Светло-зеленые нежные почки были хорошо видны на фоне темно-зеленых хвойных веток. Ранней весной дети и взрослые ели их прямо «с куста». По словам Л.А. Соколовой, «почками сосны забивали животы, заглушая голод». И весенние цветы, и весенние хвойные почки выполняли функцию не только питания, но и оздоровления, ослабленного зимой и голодом организма.

Летом в повседневное собирательство включались другие сезонные продукты окрестных мест. Дикоросы здесь также составляли значительную долю, особенно в детском питании. «Летом с едой было немного легче. Собирали щавель, лук-слизун, дикий чеснок, лебеду. Ели даже молочай. Нас постоянно мучил голод. Жили на траве и на сусликах» (Сборник воспоминаний: Молчанова (Бородина) А.А. 1928 г.р.). В народном языке появились термины «жить на подножном корму» или «жить на травке». Наряду с луговыми и лесными дикоросами, в повседневные летние практики собирательства на территориях, богатых водными источниками, входили приозерные и приречные травы. Одними из повсеместно распространенных дикоросов, используемых в повседневном питании, были камыш и «рогожник», или «рогоза». Одна из респонденток рассказывала: «Брат водил нас на озеро. Он вытаскивал из озера камыш, у которого были рожки [разветвленный корень с острыми кончиками], и мы их кушали, а рогоза вообще считалась роскошью. Ее корень был очень вкусный. Еще ели кандык, щавель, слизун. Одним словом, все лето жили на подножном корму» (Сборник воспоминаний: Рязина (Илющенко) В.И., 1938 г.р.).

Анализ материалов интервью о летнем собирательстве трав-дикоросов показывает, что они делились на группы в зависимости не только от используемых в пищу частей растений или от времени созревания и сбора, но и от вкусовых качеств. Одну группу составляли травы, просто утолявшие голод, другую – травы, служившие лакомством. Особым лакомством у сельского населения юга Западной Сибири считалась солодка. Она произрастает на юге Западной Сибири повсеместно: и в солончаковых степях, и по солнцепекам на склонах гор, и в лесостепных районах. Детям она заменяла сахар. Респонденты вспоминали: «Надерешь в карманы корни солодки. Они длинные – торчат. День, вынимаешь по одному – и в рот, и сосешь» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Латынцева Л.М., 1942 г.р.). Весной эту «сладкую» роль играли медунки и одуванчики.

Частью сезонного летнего собирательства являлся сбор ягод. Именно благодаря ягодам лето являлось самым благоприятным периодом в системе питания русского сельского населения в период войны. Респонденты

высоко оценивали место ягод в семейном рационе: «Как ягоды пошли полевые – сытый, не голодный. Ягода крупная. Три раза поешь» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Андрелева Г.М., 1940 г.р.). С началом ягодного сезона в повседневной борьбе с голодом складывалась перманентная ситуация введения их в семейное питание. Ягодный сезон начинался на юге Западной Сибири с полевой клубники и лесной земляники в июне и завершался в октябре – ноябре сбором калины и облепихи. Клубнику брали на лугах и солныпеках гор, землянику – в борах. Сбору клубники и земляники на стыке июня и июля сопутствовало палящее солнце, жара и укусы насекомых (паутов и мух); сбор лесной черники и брусники на рубеже июля и августа сопровождался комарами и мошкой; дальше по времени шел сбор дикой смородины, малины, попозже, к середине августа, собирали ежевику и черемуху и с конца августа по сентябрь собирали болотную клюкву по топям. После установления морозов и снежного покрова заготавливали ягоды позднего созревания. Среди них на юге Западной Сибири большое значение имели облепиха и калина. Как правило, зимним сбором ягод занимались в приречных селах с забочками: «Калину зимой брали только. Мороз, мороженую. И ее ветки на веточку, на палочку какую-нибудь подвешат – и к дому. Да ее мешками даже вон собирали. Там кисти такие были! На лугах... вот прям по снегу и ходили. В мешках носили. И облепиху так же. Ну, облепиху надо только в мороз... Зимой набирали. Тряхнут, он [куст] обсыпется – палатку расстелят... Потом ее [ягоду] в мешки, приносили... И калину, и облепиху» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Подколзин Г.Б., 1935 г.р., Подколзина М.В., 1935 г.р.). Крайним сроком сбора замерзшей ягоды был конец октября – начало ноября, когда глубокий снег затруднял пешие походы за ягодой.

Таким образом, массовое собирательство дикоросов в окружающем природном пространстве приходилось на 6–7 месяцев в году и носило перманентный характер, в основе которого лежала сезонность: начинали с одуванчиков и «медунков» – первых весенних первоцветов; как только появлялся слизун, от первоцветов переходили к слизуну, затем к пучкам и гигли, рогозу и камышу и т. д. В ягодном собирательстве также сложился свой «график» с июня до октября.

Ассортимент собираемых дикоросов и ягод, а также алгоритм их сбора были детерминированы природно-географическими условиями. На юге Западной Сибири это природно-ландшафтные зоны степи, гор, тайги, лесостепи и др. Сравнение собирательства дикоросов русским населением Краснощековского района, расположенного в южной предгорной и горной части Алтая, и жителями Залесовского района, расположенного на северо-востоке, в восточной притаежной части предгорий Салаирского кряжа, показало, что возможности использования в пищу тех или иных трав-дикоросов определялись ландшафтно-климатическими особенностями этих районов. В Залесовской притаежной зоне в пищу употреблялись «пучки»: «Трава, листья широкие, большие, резные и дудка. Она [дудка]

сочная такая. В суп крошили» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Писмаркин И.К., 1929 г.р.). Наряду с пучками, использовали гусинки: «Она растет такая высокая, и она голая, у нее только на макушке цветы. Лист обрываешь, а сам стержень ешь» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Прокаева М.Г., 1931 г.р.). В группу трав, собираемых в притаежных селах, входили луковицы саранки: «Весной мы ходили в школу, только пригорки вытаивали, копали саранки, как луковицы. Они такие чешуйчатые, верхние чешуйки уберешь, а там сладкие чешуйки внутри, они сладкие» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Вторых З.К., 1928 г.р.). Среди цветущих растений чаще употребляли медунки: «Цветочки, в них мед. Просто ели, сахара не было тоже» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Красилова М.Г., 1921 г.р.). Сезонный алгоритм, основанный на созревании растений, обусловил их доминирование и очередность в питании – сначала медунки и саранки, затем гусинки и пучки.

В предгорных и горных селах Краснощековского района среди травдикоросов, которые собирали массово, лидировал слизун: «Это под вид лука. Некого было кушать. На горах растет. Он как головочка и перушки. Весной, с апреля месяца, как снег растает, он уже растет. Я замучалась этот слизун таскать мешками. Слизун готовили, варили, жарили, просто на сковороду накрошишь, и кушали» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Бердюгина В.П., 1929 г.р.). По большому объему зеленой массы лук-слизун соответствовал пучкам и гигли в черневой тайге. Он шел в пищу и заготавливался на зиму. Следом за слизуном шел горный лук – вшивик: «Вроде как лук, но горький все равно, на камнях растет, где каменное место и немного земельки, и он прицепится. Мешками таскали» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Кириченко Е.А., 1936 г.р.). Часто упоминалась сурепка: «Желтые цветы, сургибус его называют, а молодую рвали, ели. Сорвешь, нижнюю ее обрываешь и чистишь, как банан» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Харлова М.Е., 1936 г.р.). Наконец, в отличие от населения предгорной тайги Залесовского района, в селах Краснощековского района массово употребляли заячью капусту: «Репки на камушках растут такие, собирали и даже к зиме их приготавливали» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Харлова М.Е., 1936 г.р.). Сезонностью созревания этих растений в предгорьях Алтая обуславливалась очередность их использования в питании: сначала слизун и вшивик, затем сурепка и заячья капуста.

Анализ показал, что в каждой из двух описанных природно-ландшафтных зон (притаежной и предгорной) сформировался свой ассортимент съедобных растений-дикоросов. Они были представлены разными группами со съедобным корнем или стеблем и листьями: «Были клубневые растения, такие как кандык, и растения с толстыми съедобными корнями в приречных, приозерных и приболотистых территориях, и растения со съедобным стеблем или верхней части (вшивик, слизун)». Особенности природно-ландшафтных территорий проявлялись в доминировании в собирательских практиках на данных территориях тех или иных растений: например, в Краснощековском районе – слизун, а в Залесовском – пучки.

В заключение необходимо также отметить, что благодаря сезонному собирательству травы-дикоросы и ягоды занимали значительное место в питании сельских жителей юга Западной Сибири в военное время на протяжении длительного периода – с апреля по октябрь. Почти 7 месяцев травы сменяли друг друга, обеспечивая разнообразие в питании крестьян. На основе устных источников можно выстроить «ленту времени» со сменной трав, в том числе распространенных повсеместно и в притаежной, и предгорной, и лесостепной зонах юга Западной Сибири. Сначала на юге Западной Сибири повсюду собирали, например, медунки. Затем везде собирали придворовую траву – крапиву. Как говорил И.К. Писмаркин (с. Залесово), «пошла молодая крапива, супы варили». За ней повсеместно собирали молодую лебеду, которая набирала наибольшую свежую массу на рубеже весны и лета: «Мать ее сварит в воде, воду сольет, посолит покрепче. Хлебать-то кого? Зелень» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Писмаркин И.К., 1929 г.р.). С «появлением вшивика и репки на склонах сопок в Краснощековском районе отпадала необходимость в потреблении лебеды» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Кириченко Е.А., 1936 г.р.). В результате постоянной смены одной травы другой собирательством занимались весь период от появления растительности до ее отмирания.

Компенсацией свежих растительности и ягод в зимнее время стали традиции их заготовки. Преобладающим способом являлась заморозки и засолка. Заморозка в крестьянской практике в основном применялась в заготовке на зиму таежных и лесных ягод. Для русских сибиряков главной ягодой, заготавливаемой на зиму, была брусника. Клюкву часто собирали уже по холодам в замороженном виде. Для детей войны эти ягоды являлись важнейшим продуктом питания и в осеннее, и особенно в зимнее время. Они вспоминают, как собирали ее и как заготавливали. Традиционно собранную в августе и сентябре бруснику хранили в замоченном виде: обычно заливали водой в деревянных кадлушках или ведрах, а с наступлением морозов могли сливать воду и замораживать: «Ну а бруснику всегда... морозили. Сначала замочут, а потом, к осени, сливают этот рассол и замораживали все. ... Я не знаю, куда девали этот рассол. А ягоду просто моченую морозили» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Черных Н.Д., 1929 г.р.). Существовала и традиция сбора уже готовой мерзлой ягоды с кустов после установления снежного покрова и стабильной минусовой температуры. Так заготавливали на юге Западной Сибири калину и облепиху. Их начинали собирать большими объемами с конца октября, в ноябре, после наступления морозов. Зимние практики заготовки облепихи и калины зафиксированы в приобских селах юга Западной Сибири. Супруги Подколзины из села Масляха, расположенного на Оби, по кромке современного Обского моря, рассказывали, что в 1930–1950-е гг., до строительства Новосибирской ГЭС, калины и облепихи было много. Они заготавливали ее по снегу в приречных забоках и по косогорам вдоль Оби: «Калину зимой. И облепиху зимой. Росла в островах. Сейчас тоже есть, но редко. Их [ост-

рова] же все выпилили, когда ГЭС-то начался [строится] Потом забока была... облепиха там росла, дикая. Зимой набирали» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Подколзин Г.Б., 1935 г.р., Подколзина М.В., 1935 г.р.)

В заготовках мерзлой ягоды участвовали и взрослые, и подростки, и дети. Старожилы вспоминали, как они в сопровождении взрослых ходили по снегу и морозу с мешками на далекие расстояния за замерзшей ягодой. В Красногорском районе в годы войны занимались заготовкой калины. Старожилы рассказывали, что после наступления морозов, пока не установился глубокий снежный покров, они компаниями ходили за калиной. Она замерзала до такой степени, что ее сбивали стуком палок о стволы. Под кустом расстилали холстины или мешки и били палкой по ветвям, пока ягода не осыпалась. Затем ее собирали в мешки, увозили и ссыпали в кадушки (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Шемонаева З.С., 1925 г.р.). Мороженую ягоду могли хранить в «сенцах». В том же Красногорском районе в предгорьях Алтая заготовленную «мерзлую калину ссыпали в кадушки и закапывали их в снег, чтобы она не подтаивала и не обветривалась» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Евсеева З.В., 1928 г.р.).

Что касается собираемых дикоросов, то их для заготовки с целью длительного использования солили и хранили в погребах. Это прежде всего относится к слизуну, пучкам, гигли, даже заячьей капусте. Слизун был важнейшей составляющей не только питания, но и лечения детей в весенний период. Он спасал от зимнего ослабления организма и авитаминоза: «Слизун ели. Он растет в лесу. Его жарили, солили и так ели. Солили в банки. И окрошку делали с него. На зиму заготавливали в кадушках» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Чемшикова А.М., 1934 г.р.). Так же делали в с. Карпово Краснощековского района: «Слизун солили в банки (в кадушки, как капусту), брали из банок и варили щи». В Гуселетово Романовского района также солили слизун. Технология его засолки была похожа на соленье капусты: «Слизун солили, в бочку натолкут, порежут ножиком таким: проложил [слой], протолок, положил, и он упрессуется... [Летом] его ели, как вот теперь салаты» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Сычева Р.Д., 1927 г.р.), а зимой использовали для приготовления первых блюд.

Особенностью засолки слизины была безотходность. Зеленые сочные перья шинковали вместе с небольшой белой луковицей. Перед этим его промывали, отрезали у основания луковицы пучки тонких корешков, снимали при необходимости верхний слой луковичной шелухи. Устные источники показывают, что на отдельных территориях слизун использовался круглогодично, поэтому сформировались разные пути введения его в систему питания для поддержания жизнедеятельности семьи. Многообразие практик заготовки слизины способствовало и то, что его заготавливали большими объемами, чаще всего мешками. Процесс заготовки был трудоемким, так как за слизуном ходили на далекие расстояния. После доставки домой его надо было переработать. Часть слизины съедали свежим в течение нескольких дней, остальную массу солили на зиму. Об этом говорили

все информанты, в частности А. Р. Зиброва (1922 г. р.): «Пойдут, целую сумку нарежут... Солили и так ели. Кого было есть? Надолго же! И надолго солили. И так ели, так же как лук» (Архив ЦУИиЭ АлтГПУ: Зиброва А.Р., 1922 г.р.).

Таким образом, собирательство как присваивающий вид деятельности подстраховало сельское русское общество в военное время. Его результаты стали полноценной заменой ряда продуктов питания, что проявлялось как в ежедневных практиках употребления в пищу дикоросов и ягод в летнее время, так и в заготовках на зимний период. Массовость собирательства свидетельствовала о переходе его в разряд адаптационных практик по обеспечению семьи русских сибиряков пищей. Для детей «переход на подножный корм» в летнее время стал важнейшей жизненной стратегией, для взрослых собирательство стало альтернативой семейного земледелия, хотя, как показал анализ полевых материалов, ни дикоросы, ни ягоды, в отличие от продуктов огородничества не перешли в группу базовых продуктов. Если овощи заняли место такого базового продукта, как хлеб в военное время, то дикоросы и ягоды оставались в группе второстепенных продуктов, вернее являлись добавочными продуктами, хотя и многие из них употреблялись в цельном виде. Но большинство продуктов собирательства служили примесями в приготовлении многих блюд, в том числе с целью имитации традиционных хлебобулочных изделий и каш, а также добавлялись в жидкие блюда – похлебки и щи. Преимущества, которые имели продукты собирательства были прежде всего в перманентном сезонном характере произрастания и заготовки, что обеспечивало питанием на протяжении 6–7 месяцев в году. Важным являлся сбор дикоросов в наиболее затруднительный период – ранее весеннее время, когда полуголодное существование сельской семьи усугублялось авитаминозом. В основе алгоритма собирательства лежали исторический опыт и народные знания окрестных мест, природного календаря. Это проявлялось в смене собираемых культур и ягод. Как только заканчивался сезон одних начинался сезон других трав, ягод или плодов.

Исследование также показало, что для ликвидации «белых пятен» истории Великой Отечественной войны необходимы новые подходы, новые методики, новые источники. Одним из эффективных путей является использование устной истории по изучению социальной памяти. Именно она выводит на малоизученные, связанные с антропологическим содержанием страницы истории. Если «Человеку на войне» посвящено целое направление – «военная антропология» (Сенявская 2002) с ее вниманием к будням фронта и бытовой жизни фронтовиков, то «Человеку трудового фронта», его повседневным практикам борьбы с трудными и даже экстремальными условиями жизнедеятельности уделялось гораздо меньше места. Сочетание методов устной истории, социальной и культурной антропологии, этнологии позволяет ликвидировать пробелы в изучении Великой Отечественной войны, факторов и причин победы советского народа.

Щеглова Т.К. Собираемость в системе питания сельского русского населения юга Западной Сибири: адаптационные повседневные практики...

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Алтайская деревня 2012 – Алтайская деревня в рассказах её жителей / Науч. ред.: Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева; под ред. Л.А. Вигандт. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2012.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ – Архив Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета. Ф. 1. Оп. 1.

Потанин 2012 – Потанин Г. Полгода на Алтае // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 35–92.

Сборник воспоминаний – Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996.

Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей / отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2017.

Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всероссийского научного семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.) / сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: БГПУ, 2007.

Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: научные и методические материалы. Барнаул: АЗБУКА, 2015.

Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. Барнаул: АлтГПУ, 2018.

Сведения об авторе: Щеглова Татьяна Кирилловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (656031, ул. Молодежная, 55, Барнаул, Российская Федерация); tk_altai@mail.ru

Поступила 11.02.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

**GATHERING IN THE NUTRITION SYSTEM OF RURAL RUSSIAN
POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA:
ADAPTATION EVERYDAY PRACTICES AS A FACTOR
OF WINNING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

T.K. Shcheglova

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation
tk_altai@mail.ru*

The article assesses the significance of foraging in life sustaining of rural Russian population in the war rear areas during the years of the Great Patriotic War. It is proved that a family's domestic resources in the periods of adversity were presented by practices alternative to the homestead property, which were assuming by their nature for being based on natural resources of the vicinity. In everyday nutrition system it manifested itself in the changes of nutrition patterns accompanied by its restructuring consisting in replacement of the basic ingredients of traditional cuisine by the secondary ones, including introduction of eatable wild harvest and berries instead of national crops. The author analyzes the reasons and mechanisms, describes season procedures of gathering, the types of wild harvest and berries, their natural geographical conditioning, the ways of introducing them into the nutrition system, and methods of harvesting for preservation. The conclusion is made about the effectiveness of using oral history methods in studying under-investigated scientific issues of the Great Patriotic war related to the anthropological content on the basis of social memory.

Keywords: rear area, rural Russian population, foraging, nutrition, oral history, social memory

For citation: Shcheglova T.K. Sobiratel'stvo v sisteme pitaniya sel'skogo russkogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri: adaptatsionnye povsednevnye praktiki kak faktor pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [Gathering in the nutrition system of rural Russian population of the South of Western Siberia: adaptation everyday practices as a factor of winning the Great Patriotic War]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 65–81. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.65-81>

REFERENCES

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014. (In Russian)

Lipinskaya V.A. *Starozhily i pereselentsy: Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka* [Old-Timers and Settlers: Russians in Altai. 18th – early 20th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1996. (In Russian)

Senyavskaya E.S. Voенно-istoricheskaya antropologiya – novaya otrasl' istoricheskoy nauki [Military-Historical Anthropology – a New Branch of Historical Science]. *Otechestvennaya istoriya*, 2002, no 4, pp. 135–145. (In Russian)

Щеглова Т.К. Собираательство в системе питания сельского русского населения юга Западной Сибири: адаптационные повседневные практики...

Shcheglova T.K. *Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoy Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Nauchnye i metodicheskie materialy* [Ethnography of the Russian Peasantry in the South of Western Siberia in the 20th Century: the Culture of Life Support during the Great Patriotic War. Scientific and methodical materials]. Barnaul: AZBUKA Publ., 2015. (In Russian)

Shcheglova T.K. *Kul'tura i byt russkogo sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v 1930–1950-kh gg.: zhilishche, pishcha, odezhda, semeynye i trudovye traditsii: monografiya* [Culture and Life of the Russian Rural Population in the South of Western Siberia in the 1930–1950s: Housing, Food, Clothing, Family and Labor Traditions: Monograph]. Barnaul: AltGPU Publ., 2018. (In Russian)

Ustnaya istoriya (Oral history) v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovetskom prostranstve: sbornik nauchnykh statey [Oral History in Modern Research Practice in the Post-Soviet Space: Collection of Scientific Articles]. Ex. ed. T.K. Shcheglova. Barnaul, 2017. (In Russian)

Ustnaya istoriya (Oral History): teoriya i praktika. Materialy vserossiyskogo nauchnogo seminara (Barnaul, 25–26 sentyabrya 2006 g.) [Oral History: Theory and Practice. Materials of the All-Russian scientific seminar (Barnaul, September 25–26, 2006)]. Ed. by T.K. Shcheglova. Barnaul, 2007. (In Russian)

About the author: Tatiana K. Shcheglova, Doctor Sc. (History), Professor, Head of the Department of National History, Altai State Pedagogical University (55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russian Federation); tk_altai@mail.ru

Received February 11, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

ЭТНОГРАФИЯ ТЮРКСКОГО МИРА

УДК 391

ОДЕЖДА И ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БУХАРСКОГО ОАЗИСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНРИ МОЗЕРА

Д.Х. Гаффорова

Независимый исследователь

Ташкент, Республика Узбекистан

d.gafforova41@gmail.com

В статье анализируются представления швейцарского ориенталиста и коллекционера Анри Мозера об этнографии населения Бухарского оазиса. Основное внимание уделено его описаниям одежды высших слоев эмирата, предметов вооружения и дворцовому этикету при эмире Музаффаре. Источниками исследования стали фотографии, сочинения А. Мозера, каталоги экспонатов восточного собрания в Бернском историческом музее. Анализ сочинений А. Мозера позволяет выявить некоторые особенности трансформации взглядов бухарского эмира на ношение роскошной по тем временам одежды. Также выявляются черты узбеко-таджикского культурного симбиоза, нашедшего отражение в использовавшейся терминологии, обозначавшей предметы одежды и вооружения в Бухарском оазисе.

Ключевые слова: Бухара, одежда, материальная культура, вооружение, музейные коллекции, ориентализм

Для цитирования: Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 82–95. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.82-95>

Во второй половине XIX в. наблюдается повышение научного интереса в странах Западной Европы к местным обществам и культурам Средней Азии, что было связано с завоеванием региона Российской империей. В Туркестанское генерал-губернаторство устремился поток путешественников, этнографов, археологов, историков, включая англичан, немцев, французов, американцев, датчан, бельгийцев, итальянцев, швейцарцев и др. (Holzwarth 2015: 78). Интерес к богатой и малоизученной культуре среднеазиатских народов и исследование ресурсного потенциала региона привели к появлению огромной информативной базы. Отчёты по итогам

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

экспедиций, рапорты, очерки, коллекции, а также научные работы на сегодняшний день являются важными, но малоизученными источниками в отечественной историографии.

Традиции европейских коллекций после XVII в. были разделены по категориям: *artificialia* (художественные произведения), *naturalia* (природные образцы), *exotica* (редкости и диковинки из отдаленных стран) и *scientifica* (научные инструменты) (Ананьев 2018: 32–33). В Европе наблюдался значительный интерес к антиквариату, что стало причиной большого потока европейских путешественников, археологов, востоковедов в Среднюю Азию. Они скупали предметы на местных рынках (Gorshenina 2004: 18). Материальные предметы стали важнейшим источником многих дисциплин, в том числе истории и этнографии.

Список ученых, изучавших оазисы Центральной Азии, довольно велик. Можно выделить исследования Ю. Скайлера (1840–1890) (Schuyler 1876), англичанина Г. Ланселла (Lansdell 1885) и др. Подробный анализ путешествий европейских исследователей в Туркестан проведен С. Горшениной (Gorshenina 2003).

Одним из известных меценатов, востоковедов, коллекционеров был Анри Мозер (Henri Moser-Charlottenfels) (1844–1923). Он родился в 1844 г. в Санкт-Петербурге в семье предпринимателя из Швейцарии Хайнриха Мозера. В 1848 г. семья Мозера возвращается в Швейцарию, где А. Мозер получает начальное и высшее образование. С 1866 г. Анри Мозер стал самостоятельно управлять филиалом по продаже часов в Санкт-Петербурге. Однако после конфликта с отцом он решил не продолжать семейное дело и всецело посвятить себя исследованию восточных стран, в том числе Средней Азии. В 1868 г. А. Мозер посещает трехмесячные курсы по изучению обычаев и языка киргизов (казахов. – прим. авт.) в Оренбурге. Таким образом, в восприятии мусульманского Востока А. Мозер оказался под влиянием разных ориенталистских традиций: западноевропейской и российской.

Как отмечал Э. Саид, без исследования ориентализма в качестве курса невозможно понять дисциплину, при помощи которой европейская культура могла представлять Восток – политически, социологически и идеологически (Саид 2006: 10). Если для западноевропейских исследователей Средняя Азия являлась каким-то далеким экзотическим регионом, то для российских востоковедов, это был «собственный Восток» (Тольц 2015: 336). Как отмечает Н. Найт, каждое общество имеет свой образ «другого» и описывает группы, существующие вокруг нее, в терминах, сформулированных как противоположность представлениям этой культуры о себе самой (Найт 2005: 338). Образ одной и той же группы мог быть различным, существовали определенные стереотипы по отношению к оседлому мусульманскому и кочевому населению (Uyama 2012: 15–21).

Решающим моментом в принятии А. Мозером роли ориенталиста и писателя, была поддержка известного ориенталиста-тюрколога Арминия

Вамбери, который советовал коллеге «отложить на время природу солдата и идти в писатели, любой ценой» (Balsiger, Kläy 1992: 172).

Анри Мозера можно рассматривать в качестве первого коллекционера, который открыл широкой публике Европы искусство и культуру Центральной Азии. Если первые выставки, организованные им, были предназначены для местных жителей Шарлоттенфельс и его знакомых, то уже в 1888 г. Мозер презентует свою коллекцию в Штутгарте (Balsiger, Kläy 1992: 174–175). Следующая значимая выставка Мозера и знакомство европейцев с центрально-азиатской культурой состоялась в Париже в 1893 г. благодаря выставке «L'art Musulman à Paris». Участие на этой выставке принесло Мозеру золотую медаль (Balsiger, Kläy 1992: 178).

В 1887 г. на публикации Мозера обращает внимание В. Тимошук (переводчица, сотрудница редакции журнала «Русская старина» в 80–90-е годы XIX в.). Она лично знакомится с А. Мозером, получает у него дополнительный материал в виде гравюр и иллюстраций, которые публикует в нескольких номерах журнала «Русская старина» (В странах 1888: 602–626). В них дается обзор книги Мозера (Moser 1885).

В начале XX в. изучением коллекции Мозера занялся заведующий этнографического отдела Бернского исторического музея Рудольф Целлер. Итогами его исследований стали несколько сочинений (Zeller 1923; Zeller 1932). Биография и деятельность А. Мозера, описание его восточной коллекции, его путешествий и жизни в Средней Азии были подробно изучены историками Р.Н. Балзингер (Balsiger, Roger Nicholas) и Э. Клэем (Klaey E.J.). В дальнейшем те или иные аспекты деятельности А. Мозера были предметом исследования С. Горшениной, Б. Сиддикова (Sidikov 2003). В 2005 г. на коллекцию Мозера в Бернском историческом музее обращают внимание историки из Казахстана. Вследствие чего была организована археографическая экспедиция с целью изучения их как источника по истории казахов (Болдырев 2018).

Предметом нашего исследования стал вклад А. Мозера в изучение одежды и предметов вооружения высших слоев эмирата и населения Бухарского оазиса, для которого издревле была характерна полиэтничность, а в рассматриваемый период здесь жили таджики, узбеки, арабы, иранцы, евреи, туркмены, казахи, индусы, татары и др. Они находились в тесном взаимодействии и взаимовлиянии друг с другом, особенно был уникален узбеко-таджикский этнокультурный симбиоз. Из узбекских родов в регионе доминировали мангыты и кунграты (Маликов 2018: 216).

Основными источниками стали мемуары Мозера о путешествии в Среднюю Азию. Сначала они были опубликованы в качестве записок путешественника в женевской газете «Journal de Geneve», а затем последовали публикации в немецком журнале GLOBUS. Первая книга по итогам трёх экспедиций в Среднюю Азию А. Мозера была издана в Париже на французском языке (Moser 1885), а позже на немецком языке в Лейпциге (Moser 1888). Данный труд, хотя является важным историческим источни-

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

ком при изучении истории Средней Азии XIX в., не был переведен на русский или узбекские языки. Б. Сидиков характеризует вышеуказанный труд Мозера как «...один из самых ярких и занимательных описаний жизни людей в Центральной Азии...» (Sidikov 2003: 193).

Итогом экспедиций А. Мозера стали научные труды, очерки, большая коллекция предметов искусства, фотографий, охотничьих трофеев, документов и особенно оружия. Богатую и уникальную коллекцию Анри Мозера перед своей смертью передал Бернскому историческому музею.

В феврале 2020 г. автор статьи посетил Бернский исторический музей, этнографическая коллекция которого насчитывает около 60000 предметов со всего мира, датируемых примерно с 4000 г. до н. э. и до наших дней. Первоначальные коллекции поступили в Берн еще в XVII–XVIII вв. Многие из предметов принадлежали коллекционерам, которые жили за границей или много путешествовали. Среди них был А. Мозер, который собрал значительную коллекцию этнографических предметов и оружия. Он завещал их музею в 1914 г. Эта третья по величине этнографическая коллекция в Швейцарии (Ethnographical collection 2020). Предметы, собранные Мозером, хранятся в «Отделе восточного собрания Мозера» (Orientalische Sammlung Henri Moser). Для постоянной экспозиции выделен сравнительно большой зал, оформленный в восточном стиле. Стены, ниши и декор напоминают средневековые медресе Самарканда или Бухары. Искусствовед Катрин Кауфманн, изучая восточные мотивы выставочного зала «Отдел восточного собрания Мозера» в Берне, охарактеризовала стиль как нео-тимуридский. Зал был построен и декорирован французским архитектором, знатоком мусульманской архитектуры и автором труда «Manuel D'Art Musulman» Анри Саладином в 1917–1922 гг. Архитектор опирался на личные рекомендации Мозера, а также на предоставленные Мозером фотографии архитектурных сооружений Гур-и Эмир и Шах-и Зинда в Самарканде (Kaufmann 2019: 142–162).

Основными предметами постоянной экспозиции в Бернском музее являются различные виды восточного холодного оружия (сабли-шамширы, ножи-пичаки и др.) XVI–XIX вв. из Туркестана, Ирана, Афганистана, Кавказа, Османской Турции и Индии. Предметы домашней утвари и посуды представлены медными кувшинами, лампами, кумганами, чилимом. Некоторые предметы имеют подробное описание места приобретения, датировки и даже имена мастеров. Например, приобретённый в Самарканде кумган изготовлен в 1842 г. мастером Усто Салах ал-Дин Самарканди, а кумган из Бухары является работой Устод Тагая. Так же выставлены украшения и элементы декора одежды, особенной красотой отличается мужской пояс – камарбанд из Бухары XVIII–XIX вв. Все изделия ручной работы с богатой и красивой отделкой. В этом зале выставлена всего лишь малая часть из общей коллекции А. Мозера, остальная часть коллекции по словам сотрудников музея находится в хранилище музея, к которому нет публичного доступа.

Для анализа предметов материальной культуры, собранных А. Мозером по Бухарскому оазису, полезными являются концептуальные подходы по культурной истории. В частности, материальная культура может быть использована для сохранения социальной информации и образует символическую среду для социальной практики. Предметы материальной культуры можно рассматривать как своего рода текст, форму овеществленного и объективированного выражения дискурса (Tilley 1994: 70). Записи Мозера во многом дополняют картину и проливают свет на процесс трансформации традиционных представлений бухарцев об одежде.

Путешествия А. Мозера в Бухару

А. Мозер в 1868–1889 гг. четыре раза посетил страны Средней Азии, а Бухару два. Исходя из традиций европейского востоковедения описания восточных народов, исследователь красочно и увлекательно описывает свои путешествия, приёмы у ханов и эмиров, нравы и обычаи народов (Mosser 1888: 138). Анализ книг Мозера показывает, что по сравнению с Бухарой или русским Туркестаном он дает более подробные сведения о Хорезме. В Бухаре он впервые оказывается в 1870 г. вместе с российским посольством. Второй раз он совершает сюда путешествие в 1883 г.

В 1868 г. Бухарский эмират потерпел поражение от войск Российской империи и оказался под ее протекторатом. В мае 1870 г. Туркестанский генерал-губернатор фон-Кауфман отправил очередное посольство во главе с полковником Носовичем в Бухару. Вместе с посольством в Бухару для заготовления шелковичного семени отправился купец 1-й гильдии А. Мозер (Носович 1898а: 271–272). В июне 1870 г. миссия прибыла в Бухару. Носович в своем отчете приводит сведения о Мозере. Так, 10-го июня Мозер беседовал с близким к бухарскому эмиру татаринном Каратаевым (Носович 1898б: 640–641).

Первая поездка Мозера в Бухару в 1870 г. дает меньше информации, так как первые три недели ему пришлось провести в караван-сараях, окруженном высокими стенами и под охраной солдат эмира (Mosser 1888: 136). Несмотря на эти условия Мозер стремился посетить базары, делать самостоятельные покупки и общаться с местным населением.

Влияние российского ориентализма в творчестве А. Мозера проявилось, в частности, в применении терминов, которые местное население Бухары не использовало. Как подчеркивал С. Абашин, отдельные российские востоковеды и представители администрации пытались создать воображаемую народность под именем «сарты» (Абашин 2016: 207–234). Этот дискурс оказал влияние на Мозера, который использовал термин *сарт* как один из вариантов обозначений бухарцев, хотя бухарцы сами себя так не называли (Маликов 2018: 85).

Мозер два раза лично встречался с бухарским эмиром Музаффаром (1860–1885) и дает ценные сведения о нем. Интересны сведения об ини-

циативе эмира Музаффера снять его фотографию для того, чтобы отправить ее российскому императору. К посланникам обратился Каратаев «с просьбою от эмира, не найдется ли кто среди нас умеющий снимать фотографию, так как здесь имеется аппарат и все материалы» (Носович 1898б: 646–647). Уникальный снимок бухарского эмира Музаффера так же сохранился благодаря деятельности Мозера, по снимку 1870 г. швейцарский художник Жак Альфред ван Мейден нарисовал портрет эмира тушью (Balsiger, Kläy 1992: 24). Изображение эмира Музаффера, датируемое 1883 г., приводится в книге Мозера (Moser 1888: 149). Бухарские орден на халате эмира показывают, что второй снимок сделан после 1881 г., когда впервые был учрежден первый бухарский орден.

Во время визита в Бухару А. Мозеру удалось тайком побеседовать с личным врачом эмира Музаффера, который был поляком по происхождению. Во время беседы на французском языке врач рассказал ему о своей драматичной судьбе, об учебе в медицинском факультете в Варшаве, участии в революции, о ссылке в Сибирь, о побеге оттуда и попадании в плен. Хотя он оказался в Бухаре благодаря знаниям в медицине и стал врачом-хакимом при дворе, но оставался в положении пленника. Врач вручил ему рукопись об истории своей жизни, написанной на таджикском языке латинским шрифтом. С врачом Мозер больше не виделся, а рукопись позже отдал на перевод Арминию Вамбери. О дальнейшей судьбе этой рукописи Мозер умалчивает (Moser 1888: 162).

12 октября 1883 г. Мозер выехал в Бухару во второй раз снова в составе дипломатической делегации от российского императора. Мозер подробно описывает гостеприимство сына одного бека в пограничном городке Ширин-Катун. Он писал: «В самой большой комнате, куда нас ввели, был накрыт длинный стол; перед ним на почетном конце стояло кресло, обитое бархатом, на которое уселся князь...» (В странах 1888: 613–614). На столе стояло до 50 фаянсовых и металлических блюд с миндалем, виноградом, кишмишем, фисташками, абрикосами. Посланцам были даны подарки от эмира и его окружения (В странах 1888: 613–614).

При описании церемонии принятия дипломатического корпуса эмиром Музаффаром 18 октября 1883 г., Мозер подробно описывает этикет при дворе Бухарского эмира. Судя по фотографиям, прием происходил в бухарском дворце Шербудин (54 phot. de Boukhara 2018), который, к сожалению, был уничтожен в советский период. Полученные во время приёма щедрые подарки, богато запряжённая лошадь и 10 халатов (чапаны) также пополнили «Восточное собрание» Мозера. При прощальной аудиенции эмир согласился сфотографироваться и, более того, вручил А. Мозеру орден «Звезда Бухары» второй степени. Эта награда и многие другие великолепные изделия мастеров Зеравшанской долины XVIII–XIX вв. были пожертвованы Мозером историческому музею Берна.

Щедрые подарки Мозер получал не только от эмира, но и от высокопоставленных подданных Российской империи. Вспоминая о подарках

генерала Абрамова, он писал: «Когда я покидал страну в 1870 г., генерал Абрамов, губернатор Самарканда, предложил мне выбрать из военных трофеев седельное снаряжение, украшенное бирюзой, или огромный Коран, похищенный из [Мечети Биби-ханым] в Самарканде» [Moser 1912: 4].

Таким образом, двухкратные личные встречи А. Мозера с эмиром Музаффаром дали возможность относительно близко узнать повелителя Бухары и некоторых его придворных.

Одежда сановников эмира

Описание одежды, оружия, убранство лошадей бухарцев, приведенные Мозером, представляют ценный этнографический материал. Он упоминает большое количество терминов: титулы, название оружий, одежды и др. Отдельную ценность имеют портреты высокопоставленных чиновников, фотографии женщин в нарядных национальных костюмах, дервишей, простых обывателей и базаров, сделанные непосредственно самим Мозером. Несмотря на ярко выраженную европоцентрическую точку зрения, автор выражает разные взгляды в описании народов Средней Азии. Он приводит пример о том, что среди туркмен в его кибитке ни разу ничего не пропало, несмотря на то что ему были известны разбои и грабежи. Сидиков так же отмечает нейтральный тон Мозера (Sidikov 2003: 267). Женщин туркмен рода *Теке* Мозер называет самыми статными и красивыми. Согласно Мозеру туркмены были лучшими солдатами Хивинского Ханства (Moser 1888: 264). Он дает этнографическое описание индусов Бухары, «которые приезжают сюда из Пендшаба и занимаются ростовщицеством. У них гладкие волосы, очень желтый цвет лица, на лбу глубоко врезанный ярко окрашенный след в форме пламени или треугольника. Поскольку они никогда не берут женщин с собой, они живут вместе в своих караван-сараях, которые называются Мултани. После десяти-пятнадцати лет в городах Центральной Азии они возвращаются домой» (Moser 1888: 137).

Высшие сановники бухарского двора были одеты сообразно своим чинам; более мелкие чиновники носили халаты из канауса, шелка всех цветов, атласа, бархата или кашемира, а высшие сановники – парчевые халаты; у всех на голове были белые чалмы (Moser 1888: 148).

Исследователи отмечали кризис легитимности власти бухарского эмира после поражения 1868 г. Эмир стремился компенсировать эту проблему, в частности, через помпезные празднования Навруза в Бухаре (Маликов 2020: 122–126). Видимо, политический фактор сыграл свою роль и в динамике изменений по отношению к роскоши при дворе эмира. Мозер, сравнивая два периода пребывания в Бухаре, отмечает строгость соблюдения традиций и консервативность города 1870 г. по сравнению с новыми нравами 1883 г. Так, например, он говорит о традициях одежды: «Законы о роскоши одежды строго соблюдаются. Один из наших слуг получил шелковый чалат, которым он гордился. Однажды он даже осмелился на-

деть красивое платье. Однако ему сказали от имени эмира, что он не имеет права носить такой халат. Между прочим, такое нарушение дресскода здесь так же неправильно, как если бы кто-то из нас осмелился надеть орден, не принадлежащие ему» [Moser 1888: 179].

Через 13 лет Мозер дает описание другого типа костюма бухарского эмира Музаффера. «Во время прежних аудиенций он надевал халаты, более или менее разукрашенные драгоценными камнями; этот же раз он надел на себя мундир, и, по правде сказать, мундир в высшей степени фантастичный. ...на груди, справа и слева, виднелись звезды св. Станислава и св. Анны, украшенные алмазами, а между ними висела бухарская звезда – орден, учрежденный недавно по случаю коронации русского императора и украшенный бриллиантом величиною в голубиное яйцо» (В странах 1888: 618–619). Мозер отмечал элементы модернизации в Бухаре, оказавшейся под российским протекторатом: «Мозаффар-эд-Дин, защитник ислама...который казнил бухарского купца, потому что он был одет в шелковую рубашку, привезенную из России, этот самый Музаффар сегодня носит российскую форму, как хороший чиновник. Когда-то эмир сотрясался от негодования, если было только произнесено христианское имя, сегодня у него в столице есть телеграфное бюро, которое работает с помощью тех же христиан» (Moser 1888: 179). Таким образом, исследователь зафиксировал трансформацию взглядов высших кругов Бухары на стиль одежды местных мусульман.

В Бухаре Мозер описывает чиновников высшего двора бухарского эмира. «Эта важная личность (*иначе* – прим. авт.) носила бархатный халат, расшитый золотыми солнцами размером с десертную тарелку; вышитая звезда закрывала спину, которая занимала всю ширину одежды между плечами и доходила до пояса... Чтобы придать чалме форму, предполагаемую модой, муслин (кисея) совершила 40 кругов вокруг головы. Иначе едет на великолепном сером жеребце, который почти полностью покрыт вальтрапом (*chabraq*), расшитым золотом и мелким жемчугом. Уздечка сделана из чистого золота и украшена драгоценными камнями» (Moser 1888: 145). При дворе были собраны чиновники *махрамы* (адъютанты), которые носили маленькую мотыгу с инкрустированным золотом стеблем; шарбатдары (держачие кубок), офтобачи. Некоторые из этих офицеров были оснащены *кард* (нож – перс.) – большим ножом в золотой оболочке. Парвоначи (старшие офицеры) носили почетную саблю, которая, как и *кард*, являлась наградным украшением (Moser 1888: 147). Знаками высшего отличия также являлись флаг и туг; однако последняя награда присуждалась только в исключительных случаях. Мозер отмечал, что «все эти сановники и чиновники одеты в соответствии с их должностью. Подчиненные носят халаты из «канауса», разноцветного шелка, атласа, бархата или кашемира; высшие чины носят золотые парчовые халаты, иногда с кашемировым платком в виде пояса вокруг поясницы; все носят белый тюрбан без разбора» (Moser 1888: 148). В фотографическом альбоме Мозера представлена и верхняя женская одежда бухарцев: паранджа, платье,

тубетейки, ювелирные украшения. (54 phot. de Boukhara 2018). Альбом и записи Мозера дают подробную картину этикета нарядов при дворе, а также отражение социально-политического статуса в костюмах Бухарского эмирата XIX в.

Предметы вооружения бухарцев

Во второй половине XIX в. бухарские вооруженные силы состояли из профессионального пехотного корпуса сарбазов и кавалерии (Holzwarth 2015), состоявшей из узбекских и туркменских отрядов. Внимание Мозера привлекло традиционное оружие бухарцев в виде ножей, сабель, пик. Он дает следующую характеристику бухарскому войску: «...войско казалось прекрасно дисциплинированным, солдаты были одеты безукоризненно; оказывается, что солдаты уже о детства начинают изучать сигнальные знаки, коих насчитывают до 150; пятнадцати лет они поступают в армию волонтерами и служат до 20-летнего возраста» (В странах 1888: 620–621).

В книге Мозера дается интересное описание символа власти в Бухаре – кнута Рустама. «По пути через узкий коридор (в цитадели) я замечаю кнут необычно большого размера в очень видном месте, который висит рядом с деревянной дубинкой Геракла. Кнут имеет короткую основу, ремень толщиной с мужскую руку примерно в 7 футов и прикреплен к сырому куску дерева, в который вбиты с одинаковым промежутком, большие железные гвозди. Как говорит наш переводчик, согласно легенде, этот кнут служил оружием легендарному герою Рустему; а дубинка происходит из Мекки» (Moser 1888: 153).

В каталоге А. Мозера (Moser 1912) помещено изображение бухарского всадника, одетого в высшее почетное одеяние – халат из малинового бархата с богатой золотой вышивкой и кашемировым тюрбаном. Пояс украшен вставками (перегородчатая инкрустация) из бирюзы. Кинжальный бухарский нож *кард*, с рукоятью из рога яка и серебряной ножны с позолотой, а также *шамшир* (сабля – перс.) – почетное оружие, которым эмир Бухары награждал своих сановников. На груди всадника Звезда первой степени Бухары. Зеленая бархатная уздечка также богато украшена вставками из бирюзы. *Чабрак* (вальтрап, потник) из красного бархата вышит золотом. После приема почётных гостей эмир Бухары имел обыкновение одаривать их в зависимости от их должности одной или несколькими лошадьми, с полным снаряжением, саблями, ножами и халатами, которые вручались на торжественной церемонии (Moser 1912: 9).

Отдельную и самую многочисленную категорию оружия, помещенную в фотографическом альбоме А. Мозера, составляют ножи, которые он делил на бухарские, украшенные различным орнаментом, красивыми ножнами и более простые туркменские (54 phot. de Boukhara 2018). В числе полученных А. Мозером предметов от бухарского эмира можно упомянуть кинжал или кард из Бухары (Moser 1912: 13). Клинок с широкой спиной, массивная

рукоятка которого сделана из рога яка, ножны из позолоченного рельефа, горловина и оковка наконечника ножен из бирюзовой клуазоне. Другой кинжал, назван *пичаком* (нож – узб.). Он с моржовым зубом, инкрустированный золотом. Ножны из позолоченного ажурного серебра, на подкладке из красного бархата. В каталоге под номерами 350, 351, 352 представлен набор бухарских ножей, состоящий из цветного шелкового пояса для подвешивания, большого кинжального ножа (*пичака*), маленького ножа и точильного камня. Ручки сделаны из рога яка с черненой серебряной фурнитурой и украшены бирюзой, ножны из шагреновой кожи с серебряной фурнитурой. *Пичаки* были разного типа, например, бухарский кинжал (*пичак*) с бархатными и шелковыми подвесками. Ручка из рога яка украшена бирюзой и шлифованным сердоликом. Зеленая бархатная оболочка с серебряной фурнитурой. Такой же *пичак* с рукояткой из моржового зуба. *Пичак* под номером 347 похожий на предыдущий, с тисненой серебряной оболочкой с филигранной и бирюзовой отделкой. *Пичак* под номером 348 с прямым лезвием, рукояткой из рога яка и серебряной оболочкой с остатками непрозрачной эмали. *Пичак* под номером 342 с ручкой из лазурита с заклепочными головками из эмали, ножны из серебра с богатой чеканкой. Древковое оружие представлено номером 666 под названием *найза* или пика с коротким стержнем и остатками серебряной инкрустации. Оно служило оружием бухарской полиции (Moser 1912: 16). Предметы материальной культуры бухарцев, собранные А. Мозером и их интерпретации, во многом дополняют музейные каталоги, публикации и коллекционные собрания современных музеев Узбекистана и Российской Федерации.

В заключении надо отметить, что, наследие Анри Мозера в виде материальных предметов и сочинений представляют большую ценность при исследовании истории и искусства среднеазиатских регионов, в частности при изучении исторической этнографии населения Бухарского оазиса. Благодаря наблюдательному А. Мозеру выявляется трансформация взглядов двора бухарского эмира на ношение видов одежды, украшений. Эти изменения были обусловлены влиянием модернизации, возникшей после установления российского протектората в Бухарском эмирате. Сам Мозер оказался под влиянием европейского и российского ориентализма, что проявилось в использовании термина *сарт* как экзотонима, которое использовали некоторые российские востоковеды и чиновники. Для населения Бухарского оазиса это самоназвание было чуждым и не применялось им. Исследования А. Мозера позволили выявить некоторые проявления узбеко-таджикского культурного симбиоза, полиэтничности населения, нашедшие отражение в использовавшейся терминологии по отношению к предметам одежды и вооружения.

Благодарность: автор благодарит Маликова Азима Манноновича (Университет Палацкого в Оломоуце, Чешская Республика) за наставничество при выполнении работы.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Болдырев 2018 – Болдырев О. Анри Мозер и его вклад в политическую историю Казахстана. 22.07.2018. <https://www.swissinfo.ch/rus/анри-мозер-и-его-вклад-в-политическую-историю-казахстана/44268020> (Дата обращения 07.05.2020).

В странах 1888 – В странах Средней Азии. Путевые впечатления Генриха Мозера. 1882–1883 гг. // Русская старина. 1888. № 3. 1888. С. 605–626.

Носович 1898а – Носович С. Русское посольство в Бухару в 1870 году // Русская старина. № 8. 1898. С. 271–290.

Носович 1898б – Носович С. Русское посольство в Бухару в 1870 году // Русская старина. № 9. 1898. С. 629–650.

54 phot. de Boukhara – 54 phot. de Boukhara et de Khiva (Turkestan russe), en 1883–1884, par Henri Moser, donateur en 1888. 01.10.2018. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53174385q.item> (Accessed 27.06.2020).

Ethnographical collection – Ethnographical collection of Bern Historical Museum. <https://www.bhm.ch/en/collections/ethnographical-collection/> (Accessed 03.04.2020).

Lansdell 1885 – Lansdell H. Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 1. London, 1885.

Moser 1885 – Moser H. A travers L'Asie centrale. La Steppe Kirghize; Le Turkestan Russe; Boukhara; Khiva; Le Pays des Turcoman et la Perse. Impressions de voyage. Paris, 1885.

Moser 1888 – Moser H. Durch Central-Asien. Die Kirgisensteppe, Russisch-Turkestan – Bochara – Chiwa, das Turkmenenland und Persien. Reiseschilderungen. Leipzig, 1888.

Moser 1912 – Moser H. Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Orientalische Waffen und Rüstungen. Leipzig, 1912.

Schuyler 1876 – Schuyler E. Turkestan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bukhara and Kuldja. Two volumes, London and New York, 1876.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абашин С.Н. «Сарты – народ с будущим»: этнография и империя в русском Туркестане // Ориентализм vs. Ориенталистика. Москва: Садра, 2016. С. 207–234.

Ананьев Е.Г. История зарубежной музеологии. Идеи, люди, институты. М., 2018.

Атанова С. Анри Мозер. В краю туркмен (Henri Moser, Le pays des Turkomans). Извлечение из части книги «...Le Pays des Turcoman...». <https://www.caa-network.org/archives/19270> (Дата обращения 25.02.2020).

Маликов А.М. Тюркские этнонимы и этнотопонимы долины Зеравшана (XVIII – начало XX в.). Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2018.

Маликов А.М. Празднование Навруза в Бухаре и Самарканде в ритуальной практике и общественных дискурсах (вторая половина XIX – начало XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т.48, №2. С. 122–129.

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 324–344.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции востока. М., 2006.

Тольц В. Собственный Восток России. Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Balsiger R.N., Kläy E.J. Bei Schah, Emir und Khan: Henri Moser Charlottenfels, 1844–1923. Meier Verlag Schaffhausen, 1992.

Gorshenina S. Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart. Genève: Olizane, 2003.

Gorshenina S. The Private Collections of Russian Turkestan. Berlin, 2004.

Holzwarth W. Bukharan Armies and Uzbek Military Power, 1670–1870: coping with the legacy of a nomadic conquest // Franz, Kurt; Wolfgang Holzwarth (eds.), Nomadic Military Power: Iran and adjacent areas in the Islamic period. Wiesbaden: Reichert, 2015.

Kaufmann K. Samarkand in der Bundeshauptstadt – ein Ausstellungssaal im neotimuridischen Stil für die Sammlung Henri Mosers im Bernischen Historischen Museum // Francine Giese, Leïla el-Wakil und Ariane Varela Braga (Hrsg.), Der Orient in der Schweiz. Neo-islamische Architektur und Interieurs des 19. und 20. Jahrhunderts / L’Orient en Suisse. Architecture et intérieurs néo-islamiques des 19e et 20e siècles, Berlin, 2019, S. 142–162.

Sidikov B. Eine unermessliche Region. Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852–1914). Berlin, 2003.

Tilley C. Interpreting material culture in Interpreting Objects and Collections. Edited by Susan M.P. London and New York, 1994.

Uyama T. Mutual relations and perceptions of Russians and Central Asians: preliminary notes for comparative imperial studies // Empire and after: essays in comparative imperial and decolonization studies / ed. by Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2012. Pp. 15–21.

Zeller R. Führer durch die orientalische Sammlung von H. Moser-Charlottenfels und die Völkerkundliche Abteilung des Bernischen historischen Museums. Bern, 1923.

Zeller R. Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog. Bern, 1932.

Сведения об авторе: Гаффорова Дилбар Хасановна – магистр истории, независимый исследователь (Ташкент, Узбекистан); d.gafforova41@gmail.com

Поступила 23.09.2020

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

**CLOTHING AND WEAPONS OF THE BUKHARA OASIS POPULATION
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
IN THE REPRESENTATIONS OF HENRY MOSER**

D.Kh. Gafforova

Independent researcher

Tashkent, Uzbekistan

d.gafforova41@gmail.com

This article analyzes the presentation of the Swiss orientalist and collector Henri Moser about the ethnography of the Bukhara oasis population. The main focus lands on his descriptions of clothing of the emirate's upper-class representatives, the items of armament and the palace etiquette during Emir Muzaffar's reign. The sources of the current research were photographs and essays of H. Moser, the catalogs of exhibits from the oriental collection in the Bern Historical Museum. The analysis of H. Moser's work leads to uncover certain features in the transformation of Bukhara Emir's view on the wearing clothes which were considered luxurious at the time. The paper also reveals the features of the Uzbek-Tajik cultural symbiosis, which is reflected in the terminology that denoted items of clothing and weapons in the Bukhara oasis.

Keywords: Bukhara, clothing, material culture, weapons, museum collections, orientalism.

For citation: Gafforova D.Kh. Odezhdа i predmety vooruzheniya naseleniya Bukharskogo oazisa vo vtoroy polovine XIX veka v predstavleniyakh Anri Mozera [Clothing and Weapons of the Bukhara Oasis Population in the Second Half of the 19th Century in the Representations of Henry Moser]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 82–95. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.82-95>

REFERENCES

Abashin S.N. "Sarty – narod s budushchim": etnografiya i imperiya v russkom Turkestane [The Sarts – a Nation with the Future]. *Orientalizm vs. Orientalistika*. Moscow, Sadra Publ., 2016, pp. 207–234. (In Russian)

Anan'ev E.G. *Istoriya zarubezhnoy muzeologii. Idei, lyudi, instituty* [History of Foreign Museology. Ideas, People, Institutions]. Moscow, 2018. (In Russian)

Atanova S. *Anri Mozer. V krayu Turkmen* [In the Region of the Turkmen] (Henri Moser, Le pays des Turcomans) partially taken from the book of "... Le Pays des Turcoman...". (In Russian) Available at: <https://www.caa-network.org/archives/19270> (Accessed 25.02.2020).

Balsiger R.N., Kläy E.J. *Bei Schah, Emir und Khan: Henri Moser Charlottenfels, 1844–1923*. Meier Verlag Schaffhausen, 1992. (In German)

Gorshenina S. *Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart*. Genève, Olizane, 2003. (In French)

Gorshenina S. *The Private Collections of Russian Turkestan*. Berlin, 2004. (In English)

Гаффорова Д.Х. Одежда и предметы вооружения населения Бухарского оазиса во второй половине XIX века в представлениях Анри Мозера

Holzwarth W. Bukharan Armies and Uzbek Military Power, 1670–1870: coping with the legacy of a nomadic conquest. Franz, Kurt; Wolfgang Holzwarth (eds.), *Nomadic Military Power: Iran and adjacent areas in the Islamic period*. Wiesbaden: Reichert, 2015. (In English)

Kaufmann K. Samarkand in der Bundeshauptstadt – ein Ausstellungssaal im neoturmidischen Stil für die Sammlung Henri Mosers im Bernischen Historischen Museum. Francine Giese, Leïla el-Wakil und Ariane Varela Braga (Hrsg.), *Der Orient in der Schweiz. Neo-islamische Architektur und Interieurs des 19. und 20. Jahrhunderts / L'Orient en Suisse. Architecture et intérieurs néo-islamiques des 19e et 20e siècles*, Berlin, 2019, S. 142–162. (In German)

Malikov A.M. Prazdnovanie Navruza v Bukhare i Samarkande v ritual'noy praktike i obshchestvennykh diskursakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Celebration of Nawruz in Bukhara and Samarkand in Ritual Practice and Social Discourse (from Late 19th to Early 20th Century)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2020, vol. 48, no. 2, pp. 122–129. (In Russian)

Malikov A.M. *Tyurkskie etnonimy i etnotoponimy doliny Zerafshana (XVIII – nachalo XX v.)* [Turk Ethnonyms and Ethnotoponyms of Zerafshan Valley (18th to Early 20th Century)]. Tashkent, Mukharrir Publ., 2018. (In Russian)

Nayt N. O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: a Reply to Adib Khalid]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Antologiya*. Moscow, Novoe Publ., 2005, pp. 324–344. (In Russian)

Said E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii vostoka* [Orientalism. The Western Concepts of the Eastern World]. Moscow, 2006. (In Russian)

Sidikov B. *“Eine unermessliche Region” Deutsche Bilder und Zerrbilder von Mittelasien (1852–1914)*. Berlin, 2003. (In German)

Tilley C. *Interpreting material culture in Interpreting Objects and Collections*. Edited by Susan M.P. London and New York, 1994. (In English)

Tol'ts V. *“Sobstvennyy Vostok Rossii”*. *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskiy i rannesovetskiy period* [“Private East of Russia”. Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. (In Russian)

Uyama T. Mutual relations and perceptions of Russians and Central Asians: preliminary notes for comparative imperial studies in Empire and after: essays. *Comparative imperial and decolonization studies*. Edited by Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2012, pp. 15–21. (In English)

Zeller R. *Führer durch die orientalische Sammlung von H. Moser-Charlottenfels und die Völkerkundliche Abteilung des Bernischen historischen Museums*. Bern, 1923. (In German)

Zeller R. *Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschreibender Katalog*. Bern, 1932. (In German)

About the author: Dilbar Kh. Gafforova, Master's Degree (History), independent researcher (Tashkent, Uzbekistan); d.gafforova41@gmail.com

Received September 23, 2020

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

УДК 391(=512.145)

FOLK COSTUME TRADITIONS IN THE MODERN CULTURE OF THE VOLGA-URAL TATARS

S.V. Suslova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
sv_suslova@mail.ru*

The article is based on the materials of the Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People (volume “Folk Costume”) prepared at the Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. In the pre-national period of the Tatar’s history there were many various local, ethno-confessional and other complexes of costume. Its formation was closely linked to the characteristic properties of the complex ethno-cultural history of the local groups of Tatars (the Kazan Tatars, the Mishar Tatars, and the Christian Tatars or Kryashens), as well as their religion (Islam, Christianity, Heathenism). In the late 19th – early 20th centuries, during the development of economic and cultural communications between Tatars of Russia’s separate regions, the common national Tatar costume was formed. City traditions of the Kazan Tatars have lie at the core of its formation. These traditions were distinguished by the style of a costume tendency to change – from archaic monumental national forms to more refined, corresponding to directions of the all-European fashion of that time. The “secondary folklore forms” characterize the present stage of transformation of the Tatar national costume as a whole – the aspiration of professionals to use national traditions in professional culture (graphic, arts and crafts arts, theatre, scenic folklore, modern modeling, museum exhibitions as a symbol of reconstruction of ethnic identity). Several trends present folk costume traditions in the modern festive culture of the Volga-Ural Tatars: the ethnographic (authentic) Tatar costume; the folkloristic (neo-folklore) variation of traditional costume; the so-called symbolical national sign the avant-garde costume. As the element of the ethnic culture, the national costume is the most important related to the individual. It represents a symbolical sign-category, an original social-cultural code and transmits the ethnic information from the past to the future.

Keywords: Volga-Ural Tatars, local groups, national costume, handicrafts, folk traditions, transformation, reproduction

For citation: Suslova S.V. Folk Costume traditions in the modern culture of the Volga-Ural Tatars. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 96–105. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.96-105>

The Tatars are Turkic speaking people in the Volga area of Russia. The formation of the ethnic culture of Tatars, including their national costumes, is related to the ethno-cultural traditions of large multiethnic state formations, such as the Volga Bulgaria, the Golden Horde, the Kazan Khanate, and the Russian empire at different historical periods.

The traditional costumes of the Volga Tatars, especially the ones of the Kazan Tatars, went out of use early. That happened as the result of early urbanization of the Tatars and introduction to the European culture, including the European fashion. During the Soviet period, it was explained by the phenomenon of totalitarianism in the field of culture (the persecution to the national crafts, the scornful attitude to the female needlework, orientation on the proletarian culture, etc). By the end of the 20th century, the traditional Tatar costume – in all its ethnic-territorial, ethnic-confessional displays – had practically been lost and remained unknown to the Tatars. It led to mass-scale appearance of a simplified reproduction of costumes used in Tatarstan and especially, in the Tatar diasporas of Russia. As an ethnic culture element, the national costume is the most important item related to an individual. It represents a symbolical sign-category, an original social-cultural code which transmits ethnic information from the past to the future.

The problem of using the symbolical-sign forms of the traditional culture of Tatars has especially sharply raised in connection with activation of the ethno-political processes in the context of the Post-soviet reorganization. It was one of the main reasons for serious study of the Tatar's folk culture by Tatarstan ethnologists. The basic research of the Tatar folk costume began in the 1970s and was finished and published in one of the volumes of the Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar people in 2000. The publication included a lot of typological and mapped materials based on ethnological field works in the Volga area, in about 400 villages. We have studied all Tatar folk costume collections in almost all Russian museums and through archives, early graphic and written sources. This complex of sources comprises also authentic materials of the earlier periods of the Tatars' history (of the Kazan Khanate period, in particular). It can be explained by relative stability and continuity of the folk culture typological attributes.

Traditional Tatar costumes. Local groups

Our research has shown, that in the pre-national period of the Tatar's history (in the middle of the 19th century and earlier) there were many various, local, ethno-confessional and other complexes of costume. Their formation was closely connected with the characteristic properties of the complex ethno-cultural history of the local groups of Tatars (the Kazan Tatars, the Mishar Tatars, and the Christian Tatars or Kryashens) and their religion as well (Islam, Christianity, and Heathenism).

The Kazan Tatars is the basic group in the Volga area. The city of Kazan and the so-called Zakazan'e region on the left bank of the Volga river, including the north part of Zelenodolsk district, almost all Arsk, and the western part of Sabinsk districts of Tatarstan. It represent the most orthodox features of the Kazan Tatars folk costumes which was mainly associated with the ethnic-cultural traditions of Turkic peoples of Eurasia. These districts represented the political,

economical and cultural centres of the Tatar people. The Kazan Tatars resided here the most compactly. The methodological aspect is to consider the ways of the Kazan Tatars traditional costumes formation and to examine their town and rural variations which have independent lines of development.

Kazan Tatars city costume

Formation of the so-called Kazan Tatars city costume is based on the ethnic traditions of the Eastern Bulgar state in the Volga and Kama basin, the Golden Horde and the Kazan Khanate, which was remarkable for its advanced town culture. For instance, the typological similarity can be found in the Kazan Tatar women's cone shaped headdresses covered by the metal plates and beads. The area of distribution of these high headdresses limited by the city of Kazan and the Zakazan'e region, which was the territorial and ethnic centre of the Kazan Khanate. Medieval traditions can be noticed through the forms and techniques of traditional jewellery, ornaments, footwear etc.

Formation of the Kazan Tatar's city costume is closely linked to the traditions of Islam and the oriental Turkic-Islamic traditions, on the whole. This tradition is represented by the so-called lower hats: for men – the tubetei cap, dressed with a hat, cap or turban, for women a special cap, obligatory covered by the cap, veil or scarf. Islamic traditions were especially eloquently reflected in the jewellery. Some jewels had an aesthetic function and the role of a Muslim amulet ornamented by engraving in Arabian with the benevolent citations from the Koran.

Kazan Tatars rural costumes

The formation of the rural costume of the Kazan Tatars to a much greater degree (in comparison with the town's variety) is connected with the traditions of the Finno-Ugric peoples of the Volga region and to a lesser degree with Eastern Muslims (a rural aristocracy and clergy is an exception). In addition, it is not casual. The Finno-Ugric component was one of the basic in ethnic culture of the Volga Bulgars. During the history, in the period of the Kazan Khanate and later in Russia, the Kazan Tatars supported the cultural communications with the Finno-Ugric peoples. For instance, our research has shown that the so-called Zakazan'e region of the Kama area was the territory of the kalfak special headdress of the Kazan Tatar women where its manufacturing reached the level of mass production. Small kalfak with high hatband played a role of so-called, horn-shaped ornament in these geographic areas. The horn-shaped headdress was typically worn among Finno-Ugric peoples of the Volga area. It is a commonly known fact that a similar headgear of Mari women was churik. We could suppose that that small kalfak with high hatband was formed in the area of so-called Kazan region on the basis of horn-shaped headdresses of Finno-Ugrian people as part of close communication between the Kazan Tatars and the Maris and other peoples of the Volga area. This, probably, could be explained by the

common features of women's ornaments of a rural costume of the Kazan Tatars and Finno-Ugric people (the Mordva, Mari, Udmurts) of the region. The closest analogue consists of functional affinity and identity of forms of the various types of ornaments, especially breast ornaments, made on textile basis covered with silver coins. The special Muslim hasite breast ornament was compiled, for example, of the use of *boti*, a security chapter from the Koran by the Eastern Islam tradition, and of the local breast ornament used as an amulet at Finno-Ugric people. In parallel with hasite-amulet in a rural costume of the Kazan Tatars, as well as at the majority of Finno-Ugric peoples of the Volga region, occurred hasite-ornament without any Islam element, but with traces of Paganism. Probably, firstly the same hasite-ornament existed in the Kazan Tatars' culture, which was transformed to a specific Islam hasite-amulet later, under the influence of Eastern Islam traditions. Our studies show that the hasite-ornament was mainly spread at the periphery, in the rural areas, but the Islam hasite-amulet was present in the environment of cities related to the Islamic traditions more closely.

Kryashen costumes

The Christian Tatars or Kryashens is a confessional group of the Volga Tatars, living on the same territory with the Kazan Tatars, in Tatarstan. They were formed in the process of Christianization of the Turkic peoples of the Volga area in the 16–17th centuries (“Old Christians”) and in the first half of the 18th century (“New Christians”). In contrast to the Kazan Tatar variations of costume which have distinguishable visible uniformity of elements making them, the Christian Tatar's costume complexes noticeably differed by their structural-typological substance. At the origin of all local costume types of Kryashens, various early Turkic components, in particular, the Bulgarian ones are represented. For instance, rudimentary preservation in a complex of their headgear wide frontlet ornamented with silver coin imitate the early helmet-type headwear of the Turkic people. The turban, a special Kryashen women's headwear represents the Kipchak component of their folk costume. For that reason, we and the other researchers catalogued common ethnic elements in the early rural costumes of the Kazan Tatars and Kryashens. These consist of various cuts of some clothes, such as “*oske itekle kulmek*” women's dress with wide ruffles. The early types of women's headwear, such as *ak kalfak* – the white knitted cap and the “coin complex” of the women jewellery, especially the large plastron covered with coins, can also be included.

The Kryashen folk costume traditions had many analogue elements with the Finno-Ugric world. Commonality can be noticed in headdresses, decorations of clothes, and women's jewellery covered with coins. It can be explained by their close ethnic-cultural contacts with the Volga Finn people, such as Maris, Udmurts and Mordva, and their ancestors who inhabited the Volga Bulgaria, the Kazan Khanate, later the Russian state and, possibly, by the early ethno-cultural contacts with the Finno-Ugric people of Siberia. Researchers state the fact of

continual resettlements of the ancestors of the Khanti, Mansi and Samoieds from Siberia to the West side of Europe, including the area of eastern part of the Kama region, in the period of migration peoples until the 16th century.

Kryashen costumes adopted some ethnic traditions of the Russian culture, which was conditioned upon Christianity. We can see these similarities in the traditional men's and women's headwear (the sureke women's headgear represented an analogy of soroka Russian's headgear), in cut of the borchatka cloak), in the embroidery (for example, the cross-stitch, gold embroidery, etc). The Kryashens did not adopt the Tatar national dress for the reason of Christianity.

Costumes of the Mishars and Kasim Tatars

Archaisms and the picture of ethno-cultural multiplicity were especially clearly reflected in the Tatar folk clothes of the Western region of Volga area, the Oka and Sura river basin, which constitutes the territory of the Mishars and Kasim Tatars. There were two local groups of Mishars in the Oka and Sura river basin – the southern and the northern. In the costumes of the southern group of Mishars and Kasim Tatars the earliest analogies were linked to the steppe traditions of the Turkic, Iranian and Kazakh cultures. They include the tatar headwear, a relic of the ancient turban headwear, and embroidery with golden threads.

The women's costume of the southern Mishars, in the Liambir region, included the kashpau headgear, which was ornamented with silver coins, similar to the ancient helmet of Turkic peoples. The geographical area of kashpau distribution including not only the Turkic, but also Finno-Ugric peoples, suggests that this headwear was related to the early Turkic cultures in the period of the Volga Bulgaria having influence on the Finno-Ugric cultures.

In the Oka and Sura river basin the decoration of young Mishar women's shirts had a symbolic meaning. The Southern Mishars embroidered using running stitch the plastron and the hem of shirt, while the Northern Mishars embroidered using application, a kind of patchwork technique. In the costume of the Northern Mishars includes elements of the national Tatar (Turkic) traditions and some related to the Finno-Ugric traditions, including the Khanti and Mansi in Siberia. They are, for example, the special embroidery of the tatar, bushkigech head-dresses, and the application of the dzule kulmek (women shirts).

From traditional costumes to the national costume

The national Tatar costume appeared as a result of relations between divers Tatar groups in late 19th and early 20th centuries, as part of the growth of economic and cultural life. The city traditions of the Kazan Tatars lie in the basis of its formation. Moreover, it was for a reason. The Kazan Tatars were the main and the most consolidated group of Tatars. In the consequence of the social, economic and cultural development, like the urban culture, crafts, advanced

scales of manufacture, trade and road network, the Kazan Tatars created highly artistic variations of the national costume, which was distinguished by refinement of forms and aesthetic design. There was a tendency to transform the Tatar costume from the archaic folk forms into a more refined form corresponding with styles of the Russian and European fashion of the time. It was the period of the development of new forces and democratic tendencies. In clothes the spirit of the times was expressed by a more daring creative approach to the traditions, making the process of losing the clothes local traits more active, consolidating them in the common national standard. However, the process of formation of the national costumes was realized with different intensity in various regions. As we had seen, the Kryashens didn't accept the national form of costume at all. In the cities, this process was more active. Under the influence of new directions, the traditional costume lost some archaic elements. A new, refined style of the Tatar Costume was formed. New pieces of clothing, a short close-fitting sleeveless jacket *kysmaly kulmek*, a small *kalfak* headdress, *ichigi* boots or shoes were adapted in the costume. In the men's wear, it included a slightly short shirt, a short *kamzol* jacket, trousers of the European pattern, a short *kazakin* cloak, a *kelepush-tubetei* cap made of black velvet and *ichigi* boots with *kaush* leather galoshes.

Tatar fashion: national costumes at present

In the second half of the 20th century the Tatar costume transformed into a gala-dress or a dress for stage, or a dress of professional nature. The modern fashion of the Tatar traditional costume is established on the scientific and aesthetic reconstruction of the local types, using the materials of the Historical Ethnographic Atlas of the Tatar People. The scientific reconstructions was accomplished by the author (Suslova S.V) with participation of professional painters. The primary attention was given to careful reproduction of the design and fashion, ornamental motives, jewellery, patterned textiles, leatherwork, embroidery, and application.

On stage, Tatar folklore ensembles use some variations of the Tatar fashion following general Russian tendencies. Several trends present folk costume traditions in the Modern Festive Culture of the Volga-Ural Tatars:

The ethnographic (authentic) Tatar costume. In this case the folklore ensembles perform traditional songs and dances related to the local tradition. For example, this is the Kryashen folklore ensembles which still preserve the traditional costume or some its relics.

The so-called folkloristic costume, when the folklore ensembles use a secondary, folklore or neo-folklore variation of a traditional costume. It is a costume made on the basis of scientific reconstructions. Such neo-folklore costumes are used on choreographic stages of the Mishars and the Kazan Tatars. A series of costume reproductions based on our research have been made for the Republic of Tatarstan State Ensemble of Song and Dance (Kazan) and for the

State Ensemble “Bulgar” (Naberezhnye Chelny). The same folkloristic variation includes the revived costume which is represented at museum expositions as a symbol of Tatar ethnicity.

The symbolical all-nation sign costume. This kind of costumes are made on authentic ethnographic basis. They are characterized by monumentality, large-scale of specific details, the traditional pattern, choice of textiles, and the traditional color scale. They are used on choral and choreographic stages of State ensembles and are associated with the traditions of the Kazan Tatars and the national Tatar costume as well.

The avant-garde costume. It is linked to developing stage costumes for avant-garde stages of the national theatre, opera and ballet performances and for a variety. This costume is similar to a symbolic sign using special ornament and colour.

Some symbolic pieces of the national costume are in use on national celebrations and festivals (secular holidays like the Day of the City, the Day of the Republic, or Islamic holidays Kurban Bayram, Uraza-Bayram) and on family festivities, weddings, and anniversaries. These include men's headgear similar to the kelepush-tubetei, the women's headgear kulfuks, the Tatar scarf, and jewels.

Handicrafts

A traditional dress is a result of various handicrafts and crafts which form its ensemble. Therefore, new variations of the national costume demand different kinds of national crafts and work of professional designers. Embroidery with golden threads, jewellery, and inlay work in leather play a significant role in the Tatar costume ensemble. The listed kinds of art were quite advanced and widely spread among the local groups of Tatars, though as a craft they gained momentum only among the Kazan Tatars.

The gold embroidery is the most ancient traditional kind of the Tatar national decorative applied art. The design of the Kazan Tatar's embroidery with silver and gold threads represents the most expressive and sophisticated component of decorations, such as flower bouquets, golden feather ‘altyn kauryj’, and ‘birds of happiness’. Gold embroidery was typically used in various types of headdresses, such as the Mishar salawych headdress, the sureke scarf of the Kryashen women, and the well-known kalfak headdress of the Kazan Tatars. It was customary to decorate plastrons, footwear, and accessories with embroidery.

The inlay-work in leather was a typical Tatar national decorative applied art. Women's chitek boots were usually made of the high-quality saffian dyed in bright color. Seams were sewed with silk or, sometimes, golden threads using a particular fine stitch concealing the junction of leather fragments (so-called seamless chitek boots). Inlay leather decoration certainly comprises the specificity of the Tatar footwear, manufacturing of which began in the Kazan Khanate period.

The earliest kind of Tatar folk arts is jewellery, which was very popular. Silver was a commonly used material which was combined with such precious stones as carnelian, turquoise, emerald, etc. The gilded silver jewellery was the most common like the gold one. The Tatar silversmiths applied various techniques (chasing, filigree, engraving etc.) Benevolent inscriptions from the Koran written in Arabic script, which were linked to the Eastern Muslim traditions and a rich vegetative pattern, were used as a motive of engraving. The engraving was frequently accompanied by niello, or incrustation with a different kind of metal.

The incrustation of filigree cells with turquoise, carnelian was a very effective technique. Kazan was the center in the Volga region where filigree-work was highly advanced, and it had a specific nature. For example, In Russia filigree patterns were jointed with enamel. However, Tatar filigree was an exception. (Its scrolls give the graphic figures of the complicated fine patterns only.) According to the Russian scholars, the technique of the Tatar filigree was associated more with Central Asian or Grecian works rather than with the Russian variety. The Tatar jewellery came from the silversmith's tradition of the Volga Bulgaria, the Golden Horde, and the Kazan Khanate.

During the Soviet period the national Tatar decorative applied art was developing poorly. Golden thread embroidery, for example, practically disappeared. Craftesmen who had mastered the traditional skills of this type of embroidery became almost extinct in Tatarstan. There were only two traditional centers of gold embroidery on the territory of the former USSR: Torzhok, the famous school in Russia, and Bukhara (Uzbekistan). At present, a few designers, professional gold embroidery masters, they had undertaken training in the above-mentioned centres, are available in Kazan. They are well-familiarized with the Tatar tradition of golden thread embroidery and create unique decorations for costumes of folklore ensembles or for exclusive couture fashion collections. Besides, their works replenish museum and private collections of Tatarstan, including the well-known Turan foundation. The Turan foundation, which is a member of the European branch of the World Centre for Traditional Arts and Crafts, is the leading enterprise of the national decorative applied art and crafts in Tatarstan.

Professional stylists have a special role in the preservation of the national Tatar costume traditions. At present, this constitutes a difficult problem relating to the fashion dress and to the national costume. Fashion designers quite often follow the road of superficial stylisation, adding the decorative national motives mechanically into modern, europeanised clothing design. However, there have been examples of successful experiences, especially in the Kazan Fashion Houses. For instance, in the Fashing House Ildan successfully implements dresses the Tatar gold embroidery traditions in its exclusive and commercial fashion lines. The fur design house Melita effectively applies leather mosaic traditions. The silversmiths of the Almaz Holding company use the traditions of the national Tatar jewellery when working on elite jewellery collections.

At the turn of the 20th and 21st centuries, during the Muslim Renaissance period, which influenced the ideological, social and cultural life of the Tatar society, young Tatar women adopted hijab veil from the Eastern Islamic tradition. The stream of Muslim clothes, which was brought from the Arabian world, for the most part is inconsistent with the secular traditions of the Volga region Tatars. Therefore, the market of modern Muslim clothing have been developing in Tatarstan over the last few years. Professional designers create collections of clothes for Tatar Muslim women taking into account international fashion trends and the ethnic specifics of a Tatar folk dress, according to the canons of Islam. It is necessary to point out that the traditional pattern, the silhouette of a Tatar folk costume in a straight A-shaped line, is not in conflict with the strict requirements of Shariat. This trend is quite recent, but it attracted attention of Muslims not only in Tatarstan, but also in Russia.

The symbolical function of a traditional Tatar costume remains sustained. The present stage of the national costume transformation is generally characterized by the presence of “secondary” (neo-folklore) variations and by designers’s attempts to introduce national folk traditions into the modern fashion. As an ethnic symbol, the Tatar national costume traditions are implemented in the local variations of culture (as a stage costume). It results from insufficient completeness of ethnic processes among separate groups of the Volga region Tatars. On the other hand, the traditions of the Tatar national costume are also used in the generalized national form due to consolidation of the all-Tatar self-identity. In spite of dynamism of the social processes and their unification, the national costume continues to act as an actual intermediary between the types of cultures of the various chronological periods of ethno-cultural history of peoples, “carrying out the communication, translation, and adoption of certain, significant information for the given type of culture”.

REFERENCES

Suslova S.V., Mukhamedova R.G. *Narodnyy kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan, 2000. (in Russian)

About the author: Svetlana V. Suslova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); sv_suslova@mail.ru

Received January 29, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

**ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО КОСТЮМА В СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ ТАТАР**

С.В. Сулова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
sv_suslova@mail.ru*

Публикация подготовлена на основе материалов Историко-этнографического атласа татарского народа (том «Народный костюм»). В условиях современной глобализации, несмотря на унификацию социокультурных процессов и усиление роли общечеловеческих ценностей, наблюдается тенденция к сохранению и возрождению утраченных форм традиционного татарского костюма. Ориентация на воспроизводство этнических стереотипов наблюдаются в различных, в основном «вторичных» формах культуры (костюм-новодел, костюм-реконструкция, дизайнерские разработки). В качестве этнического символа они используются в локальных вариантах культуры, что связано с недостаточной завершенностью этнических процессов у отдельных этнографических групп народа (татар-мишарей, кряшен) и в обобщенном виде, что обусловлено усилением в постсоветский период «общетатарского» самосознания. Воспроизводство этнических традиций в современном татарском костюме в целом соответствует общероссийским и европейским тенденциям. Оно идет по нескольким направлениям: этнографическое, фольклористическое, общенационально-знаковое, авангардное, ритуально-обрядовое и профессиональное моделирование.

Ключевые слова: волго-уральские татары, локальные группы, народный костюм художественные ремесла, народные традиции, воспроизводство

Для цитирования: Suslova S.V. Folk Costume traditions in the modern culture of the Volga-Ural Tatars // Историческая этнология. 2021. Т. 6, №1. С. 96–105. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.96-105>

Сведения об авторе: Сулова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

Поступила 29.01.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

МИКРОИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.57)"1897"

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ 1897 г. В МЕНЗЕЛИНСКОМ УЕЗДЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

И.К. Загидуллин

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
zagik63@mail.ru*

Изучение проведения Первой всеобщей переписи населения в октябре 1896 г. – январе 1897 г. в Мензелинском уезде Уфимской губернии – «во внутренней окраине» – актуально в нескольких аспектах: 1) позволяет рассмотреть эффективность разработанных Главной переписной комиссией инструкций по организации и проведению статистической операции, которые составлялись с ориентацией на русское большинство страны; 2) имеется возможность наблюдать за социальным поведением местных властей, поставленных перед фактом необходимости организации и проведения статистического мероприятия в кратчайшие сроки; 3) можно проследить реакцию местного населения на данное государственное статистическое мероприятие.

Источником написания статьи послужили отчеты и журналы губернской и уездной переписных комиссий, отложившиеся в фонде Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. В публикации выделен ряд упущений центра при составлении нормативно-правовой документации переписи, рассматриваются формирование в уезде переписных и счетных участков, комплектование участков переписчиками и переводчиками, приводится конфессиональный состав заведующих переписными участками, уточняется роль в этих процессах уездной переписной комиссии и мулл в разъяснительной работе среди мусульман, конкретизируются причины и формы протеста и ход переписи с привлечением воинских команд в мусульманских населенных пунктах.

Ключевые слова: Мензелинский уезд Уфимской губернии, Первая всеобщая перепись населения 1897 г., общественное движение мусульман, переписные и счетные участки

Для цитирования: Загидуллин И.К. Особенности проведения Первой всеобщей переписи 1897 г. в Мензелинском уезде Уфимской губернии // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 106–119. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.106-119>

Изучение особенностей проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в периферийных регионах Российской империи, где преобладало проживающее в сельской местности нерусское население, актуально в нескольких аспектах. Прежде всего, в таких «внутренних окраинах» можно проверить эффективность разработанных Главной переписной комиссией инструкций по организации и проведению статистической операции, которые составлялись с ориентацией на русское большинство страны. Во-вторых, интересно наблюдать над социальным поведением местных властей, поставленных перед фактом необходимости организации и проведения переписи населения в кратчайшие сроки. В-третьих, можно проследить реакцию местного населения на мероприятие государственного масштаба.

Главная переписная комиссия страны сразу после завершения учета населения приступила к подготовке следующей переписи. Именно в этом ключе воспринимается беспрецедентная акция по централизованному сбору не только отчетов губернских, уездных и городских переписных комиссий, но и журналов их заседаний.

В условиях, когда по распоряжению министра внутренних дел, председателя Главной переписной комиссии, была запрещена публикация в периодике материалов о проведении статистической операции, именно делопроизводственные материалы акторов переписи выступают главными источниками по реконструкции событий октября 1896 – января 1897 г. В этом время в европейской части России были осуществлена подготовка и произведен учет населения. В таком плане важное научно-познавательное значение имеют журналы уездных переписных комиссий, в которых фиксировались наиболее важные сообщения заведующих переписных участков, обсуждавшиеся темы и принятые по ним постановления, позволяющие реконструировать взаимодействие комиссий с вышестоящими и нижестоящими инстанциями, контакты с местным населением, в целом проследить подготовку и проведение статистической кампании.

Именно этот круг источников стал основой для анализа особенностей проведения переписи в Мензелинском уезде Уфимской губернии.

Переписное районирование

Чрезмерная бюрократизированность организации переписи на местах, о чем сдержанно сообщила в своем отчете Уфимская губернская переписная комиссия, в действительности обернулась запоздалой организацией работы переписных участков. Дело в том, что согласно 8 и 9 статьям «Инструкции уездным и городским переписным комиссиям» их заведующие утверждались лично губернатором. Для этого о каждом кандидате предоставлялась подробная информация, в том числе о его политической благонадежности.

Уфимская губернская комиссия был организована 10 сентября 1896 г., уездные и городские комиссии были повсеместно учреждены к 20

числу, т. е. с очевидным опережением установленных крайних сроков (соответственно не позднее 1 октября и не позднее 5 октября). Однако затем наметилась задержка с учреждением переписных участков. Например, Мензелинская уездная комиссия представила 9 октября 1896 г. губернатору список заведующих переписными участками, который был утвержден 22 октября и поступил в Мензелинск только 28 октября. По мнению членов местной уездной переписной комиссии, если бы они следовали предписаниям центра, то с учетом отдаленности места жительства некоторых заведующих участков, неудобности путей сообщения в осенне-зимний период «и других случайных обстоятельств», они смогли бы пригласить земских начальников на заседание не ранее 10 ноября, фактически за 18 дней до срока, назначенного для окончания всех подготовительных к производству работ.

С учетом того, что все переписные участки возглавили в рамках своих подведомственных участков земские начальники, председатель М.М. Останков на свой риск пригласил их всех 4 октября на заседание уездной комиссии для ознакомления с порядком проведения статистической операции, поручив провести проверку списка населенных мест, представить к 6 ноября проекты формирования счетных участков и сообщить о количестве счетчиков. Благодаря такому решению, эти вопросы были разрешены в заседаниях комиссии от 6 и 22 ноября (РГИА 245: 359–359 об.).

Согласно списку населенных мест, подготовленному для проведения переписи в Мензелинском уезде, предстояло произвести учет 362 905 человек или 72581 дворов, исходя из среднестатистической численности по 5 человек на двор. Подлежало выслать в уезд переписных листов формы А (для учета жителей крестьянских обществ) 174691 экземпляр и формы Б для учета населения вне крестьянских обществ 31167 экземпляров (РГИА 244: 112 об. – 113). Очевидно, поступили и переписные листы форм А и Б с переводом на татарский язык.

Структура переписных участков в уездах Уфимской губернии была известна, по сути, еще до начала статистической кампании. В 1894 г. здесь были учреждены 69 земских участковых начальников, в том числе в Мензелинском уезде – 11, Бирском – 16, Белебеевском – 13, Уфимском – 11, Стерлитамакском – 12, Златоустовском – 6 (Кантимирова 2016: 72).

Как видно из таблицы 1, в уезде появилось два «дополнительных» переписных участка. С учетом того, что норматив переписного участка был определен в 15–30 тыс. человек, губернская переписная комиссия 4 ноября 1896 г. разрешила выделить из состава 10-го участка (около 145 населенных пунктов, более 40000 душ обоего пола) нового, 12-го – Амикеевской волости с населением до 12000 человек (РГИА 244: 84). В городах Уфимской губернии, с целью недопущения возможных ошибок при подсчете данных, был организован отдельный, 13-й переписной участок (Загидуллин 2020: 140). Однако переписной лист формы В, предназначенный для регистрации городских жителей, в Мензелинск не был отправлен.

Состав переписных участков Мензелинского уезда
(Адрес-календарь 1914 Ч.II: 24; Загидуллин 2020: 140)

Переписные участки	Город и волости, составляющие переписной участок
1	Богадаровская, Матвеевская, Старо-Мелькенская
2	Кузкеевская, Мензелинская
3	Нуркеевская, Башинды-Останковская, Языковская
4	Бетькинская, Макаровская, Мысово-Челнинская
5	Афонасовская, Сухаревская, Токмакская
6	Ахметевская, Заинская
7	Акташевская, Ерсубайкинская, Троицкая
8	Альмето-Муллинская, Ново-Спасская, Старо-Каширская
9	Александро-Карамалинская, Ирехтинская, Ново-Шуганская
10	Байсаровская, Поисеевская
11	Актаньшская, Семиостровская, Такталачуковская
12	Амикеевская
13	Город Мензелинск

С момента учреждения 12-й переписной участок стал проблемным. 6 ноября первым его руководителем был назначен помощник акцизного надзирателя (заведовал 3-м акцизным участком Белебеевского уезда, проживая в этом же уезде). Попов не прибыл 26 ноября 1896 г. на заседание губернской переписной комиссии, однако, явившись 3 декабря в Мензелинск, отказался от должности, объяснив свой поступок большой нагрузкой по наблюдению за винокуренными заводами и торговлей, а также незнанием татарского языка. Переписная комиссия вынуждена была 4 декабря 1896 г. утвердить нового заведующего – старшего надзирателя 4-го акцизного участка В.Т. Меньчинского. Между тем драгоценное время для подбора и обучения счетчиков и разъяснения цели переписи местному населению было упущено. В.Т. Меньчинский исполнял новую обязанность до 30 декабря. В этот день, став свидетелем сопротивления татар деревни Амикеево переписи, он отказался от должности (РГИА 244: 41). Оказавшись в безвыходной ситуации, уездный предводитель дворянства и уфимский губернатор 3 января 1897 г. уговорили члена Мензелинской земской управы Султанава возглавить этот участок, «главным образом, с целью успокоения умов взволнованного магометанского населения» (Загидуллин 2020: 139).

Абсолютное большинство земских начальников Уфимской губернии в этот период были православными (94%), остальные лютеранами (3%) или мусульманами (2%). Ислам исповедовали только два земских начальника Белебеевского уезда (поручик запаса Акрам Мухамед Джанович Биглов, 3-й участок и Шагбаз Гарей Хайретдинович Еникеев, 8-й участок) (Кантимирова 2016: 74). Ввиду чрезвычайных обстоятельств власти по-

шли на назначение мусульманина заведующим одного из 13 переписных участков в Мензелинском уезде.

Счетные участки и переписчики

По «Инструкции заведующим уездных и городских переписных участков» предусматривалось определение счетных участков исходя из норматива около 400 хозяйств или до 2000 жителей с тем, чтобы счетчик был в состоянии в течение не более 4 дней произвести необходимую проверку и исправление уже составленных переписных листов. Между тем, подбор необходимого количества счетчиков за небольшое вознаграждение вызвал серьезное затруднение у местной комиссии, и она ходатайствовала о выделении дополнительного вознаграждения и предоставления ей права приглашения переписчиков со стороны. На ее просьбы губернская комиссия на своем заседании от 20 ноября 1897 г. предложила: 1) с уклоняющимися от исполнения обязанностей счетчика лицами разговаривать с использованием административного ресурса – «под опасением ответственности по закону», и 2) членам уездной комиссии лично принимать участие в решении данной проблемы (РГИА 244: 102 об. – 103).

Острый дефицит квалифицированных переписчиков наблюдался не только в Мензелинском уезде. Администрация была вынуждена пересматривать состав счетных участков и переписчиков даже во время проведения переписи, благодаря, прежде всего, новшествам имперской власти, направленных на привлечение в переписную кампанию новых акторов. 12 ноября 1896 г. Министерство народного просвещения разрешило освободить учителей от занятий в школах на период статистической кампании. 21 ноября 1896 г. была учреждена специальная правительственная награда для бесплатных счетчиков – медаль «За труды по Первой всеобщей переписи населения».

Другая причина привлечения новых счетчиков была обусловлена социальным поведением мусульманских сельских обществ, поставивших под угрозу проведение переписи в установленный срок. «При таких чрезвычайных обстоятельствах приходилось брать столько счетчиков, сколько можно было найти в данной местности лиц, способных более или менее удовлетворительно выполнить возлагаемые на них обязанности», – отмечалось в отчете губернской переписной комиссии. Приходилось образовывать мелкие счетные участки, в частности, из-за беспорядков на 12 участке в помощь к шести переписчикам дополнительно наняли за оплату еще семь человек (РГИА 245: 420 об.). Обратной стороной таких экстренных мер явилось некачественная регистрация ответов респондентов «в виду недостаточного знакомства с ними» (РГИА 245: 360).

Следует также отметить, что одиннадцать переписчиков пострадали во время волнений в мусульманских селениях. Уездная комиссия рекомендовала их всех для награждения медалью «За труды по Первой всеобщей переписи населения».

Загидуллин И.К. Особенности проведения Первой всеобщей переписи 1897 г.
в Мензелинском уезде Уфимской губернии

Татарские переводчики и агитаторы

Анализируя информацию уездных комиссий о составе счетчиков, состоящих главным образом из русских, не знающих татарский язык, губернская комиссия предприняла несколько экстренных мер. Прежде всего, обратившись в Главную переписную комиссию, 30 декабря 1896 г. она добилась выделения дополнительно к смете расходов 1000 руб. на вознаграждение переводчикам, назначаемым в помощь счетчикам, не знающим «местные инородческие наречия». 2 января 1897 г. она разрешила возложить обязанность переводчиков на должностных лиц местного сельского самоуправления, обязанных сопровождать счетчиков, а также на лиц, желающих принять на себя обязанность переводчиков за небольшое вознаграждение. В рассматриваемый период все волостные старшины, их заместители, руководители волостных судов и сельские старосты знали разговорный русский язык, а часть из них и русскую грамоту. Этот отряд руководителей институтов крестьянского самоуправления оказал неоценимую и главную помощь в комплектовании счетных участков переводчиками.

Первая всеобщая перепись 1897 г. увязывалась мусульманами с религиозным вопросом. Это представление продвинуло оренбургского муфтия на передовую позицию в вопросах агитации за успешное проведение статистического учета населения. Муфтий М. Султанов еще летом по предложению министра внутренних дел издал циркуляр от 18 июля 1896 г., рекомендуя приходскому духовенству разъяснять прихожанам значение переписи и беспрепятственно давать правильные ответы. 9 декабря 1896 г. председатель Духовного собрания обратился к ахунам и муллам, предлагая им «в точности и возможно тщательно исполнить обязанности, возложенные на них Духовным собранием» (Загидуллин 2000: 32).

Ближе к началу переписной кампании Духовное собрание стало получать тревожные письма мусульман с просьбой защитить и гарантировать единоверцам свободу вероисповедания. Узнав о факте назначения священника села Байбаково Бирского уезда переписчиком в мусульманские селения, муфтий 7 декабря обратился в губернскую комиссию с напоминанием о нежелательности назначения в населенные пункты единоверцев православных счетчиков (РГИА 244: 141–141 об.).

После получения телеграмм о параличе переписи в мусульманских селениях Мензелинского уезда, губернатор Н.М. Богданович несколько раз согласовывал с М. Султановым кандидатуры агитаторов из числа авторитетных религиозных деятелей для командировки в волнующиеся сельские общества. Власти 3 января по рекомендации муфтия предложили авторитетным ахунам Мензелинского уезда Мир-Нуретдину Шагиахметову из дер. Иркиняшево Поисеевской волости и Мингазетдину Мачютову из дер. Тойгильдино Ирехтинской волости оказывать содействие властям в проведении разъяснительных работ. Они исполняли и обязанности переводчиков (РГИА 244: 141–141 об.).

По согласованию губернатора с муфтием ахун 1-й соборной мечети г.Уфы Хайрулла Усманов 4 января 1897 г. был командирован в Мензелинский и Белебеевский уезды для содействия властям в качестве переводчика и для разъяснения истинных целей переписной операции.

Мы полагаем, что М. Султанов одновременно рассылал авторитетным муллам, которым он доверял, личные письма с предложением оказывать содействие власти. В неповиновении мусульман муфтий видел опасность усиления недоверия власти к единоверцам под предлогом обвинения в фанатизме. В своем письме от 4 января 1897 г. ахуну Бугульминского уезда Самарской губернии, где происходили массовые волнения, М. Султанов сообщал о необходимости увещевания единоверцев с тем, чтобы перед Аллахом совесть была чиста, и можно было сказать: мы говорили, а они не послушались (Фатых Кәрими: 31).

Большинство заведующих участков самостоятельно привлекали мулл и мусульман к переводческой или разъяснительной работе. После завершения переписной кампании, зная наличие в губернии средств для оплаты услуг переводчиков, они выдвигали некоторых из них к денежному поощрению. Так, на заседании от 12 марта 1897 г. губернская переписная комиссия включила в список награждаемых суммой 50 руб. уроженца дер. Чубуклов Заинской волости Мензелинского уезда Абдул-Насыра Тохфетулина (РГИА 245: 185 об. – 186).

Причины волнений мусульманского населения

Уфимская губерния вошла в список регионов, в котором для проведения статистической операции были использованы воинские команды. Основной территорией массового бойкота переписи был Мензелинский уезд. В отчете губернской переписной комиссии по этому поводу вся вина возлагалась на местное население: «В Мензелинском уезде ... магометанское население, по невежеству и религиозному фанатизму, отнеслось к переписи недоверчиво или же прямо враждебно вследствие ложного убеждения, что после переписи будет предпринято насильственное обращение магометан в христианство» (Загидуллин 2020: 139). Собравшиеся в деревне Амикеево крестьяне заявили, то допустят перепись только в случае получения собственноручно подписанного «приказа Государя» как гарантии сохранения своих религиозных прав (РГИА 245: 411 об.).

В действительности, для официального обвинения мусульман в фанатизме не было реальных причин. В этом вопросе заслуживает внимание мнение председателя уездной комиссии М.М. Останкова, который, прибыв в дер. Амикеево 3 января по поручению губернатора, увещевал местных жителей и доказывал нелепость слухов о крещении. Во время общения с толпой крестьян в 1 тыс. человек, он услышал главный мотив бойкота переписи. Собравшиеся заявили, что «собственно говоря и не думают, что их будут крестить, но убеждены, что последствием переписи будет уменьшение их прав и без того уже во многом ограниченных, что всем объяснени-

ям должностных лиц они не доверяют, так как думают, что ни их муфтий, ни должностные лица целей переписи не знают». Очевидно, крестьяне перечислили главные мероприятия правительства по усилению контроля над духовной жизнью единоверцев, которые справедливо воспринимались ими как ограничение религиозных прав. Вполне возможно, чиновнику было сказано и об источнике полученной информации. Из услышанного М.М. Останков, видимо, думая, что крестьяне сами не могут столь концептуально излагать свои аргументы, сделал вывод о том, что «беспорядки эти не есть следствие недоразумений или боязни населения, что их будут крестить, а плод агитации извне; принимая же во внимание, что в настоящее время в Мензелинске проходит ярмарка, на которую съезжаются магометане со всех концов России, следует предположить, что агитация поддерживается лицами, приехавшими на ярмарку» (РГИА 245: 411–411 об.).

Действительно в Мензелинске ежегодно с 26 декабря по 11 января проходила региональная ярмарка, на которую съезжались татары из ближайших уездов и губерний (Канделаки 1914: 55, 58). Именно Мензелинская ярмарка стала местом выработки единой позиции мусульман в отношении правительственного мероприятия, распространения различных слухов о христианизации. Эта тема обсуждалась и на еженедельном базаре, проходившем в воскресенье в деревне Амикеево, на которую приезжали жители со всей округи. Получается, что помимо традиционных путей коммуникации представителей духовных кругов, в период подготовки и проведения переписи, когда необходимо было воздействовать на широкие слои населения, именно окружные торговые центры выполняли роль мощных трансляторов социально значимой информации для мусульман. Они успешно противопоставлялись проводимым земскими начальниками (заведующими переписными участками) традиционным совещаниям сельских старост и полиции в волостных правлениях и их мероприятиям по разьяснению подлинной цели учета населения.

Татарская буржуазия Казанской губернии, сомневавшаяся в искренности дальнейших намерений самодержавно-церковной власти в отношении мусульман, попыталась использовать перепись для доведения до региональных властей и правительства своих опасений относительно осуществляемой имперской властью этноконфессиональной политики. По мнению некоторых представителей татар, власти собирались использовать переписные листы с указанием возраста членов семей для открытия в мусульманских деревнях русских училищ и организации принудительного обучения татарских детей с 7-летнего возраста в этих образовательных учреждениях путем изоляции, закрытия мектебов и медресе. Они считали, что, выступая против переписи, так защищаются законные права, а подрастающее поколение оберегается от обрусения. В этом суть протестного движения татар-мусульман во время всеобщей переписи населения.

Мы полагаем, что на Мензелинской ярмарке был оглашен текст прокламации, зачитанной в начале января 1897 г. на сельском сходе в дер. Большие Нырты Мамадышского уезда Казанской губернии, созданном по

поводу статистической операции. Пришедшего агитировать за перепись местному мулле под давлением народа пришлось прочитать ее вслух, о чем он немедленно сообщил властям. В бумаге написано следующее: «Крестьяне магометанского вероисповедания, вас принуждают к всеобщей переписи, в которую хотят вписать ваших детей и обозначить сколько им лет; это для того, что их будут насильно от вас брать и учить русской грамоте, а после этого начнут крестить; но вы стойте за свою веру, не соглашайтесь на перепись; знайте, что вы теперь остались одни потому, что муллы еще в 1870 году за деньги подписались и перешли в русскую веру и если вы какими-то мерами освободитесь от переписи, то она более не повторится; тогда будете жить опять по старому; а если остаться не записанными в переписные листы будет никак нельзя, то когда придут к вам счетчики и станут вас и семейства ваши записывать, то им отвечайте: детей русской грамоте учить не желаете, чтобы ваши муллы, а также ахуны, муллы в духовном совете (Оренбургском магометанском духовном собрании. – прим. авт.) и сам муфтий знали бы русскую грамоту. Если счетчик скажет, что он этого писать не будет, то требуйте, чтобы он составил протокол и передал его начальству, чтобы было известно Государю Императору; мы Ему подавали два прошения, но их задерживали на почте; об этой переписи Государю ничего не известно, потому что его подписи на бумагах нигде нет» (Загидуллин 2000: 146–147).

Исправляя свое упущение, губернская администрация 7 января 1897 г. распространила по селениям Мензелинского уезда императорский указ от 19 декабря 1896 г. о проведении всеобщей переписи, что положительно повлияло на снижение общественного напряжения (РГИА 245: 357).

Волнения мусульман

Появление в деревнях первых счетчиков в сопровождении местного старосты привело к первым столкновениям населения с представителями власти.

Резонансный конфликт в дер. Амикеево был вызван непродуманными действиями местного земского начальника, который, желая наверстать упущенное время, отведенное для разъяснительной работы среди населения и тем самым оказать поддержку и помощь заведующему 12-м переписным участком В.Т. Меньчинскому, приказал собрать 30 декабря в этой деревне на совещание всех мулл, сотских и десятских волости. Направляясь на собрание, местное начальство (земский начальник Алгазин, уездный исправник, пристав 1-го стана, чиновник особых поручения при уфимском губернаторе Озеров) вместе со счетчиком Мейстером заехало в дер. Исангулово и стало свидетелем как местные жители не пускали в свои дома переписчика. На улице толпились татары, муллы. Десятские и сотские не явились на вызов прибывшего начальства. Сельский староста сообщил об угрозах со стороны односельчан. Местные крестьяне не шли на контакт и отказались выслушать текст брошюры о переписи на татарском

языке. Во время выезда чиновникам поступила информация об избииении в деревне Бикчентеево счетчика и сельского старосты.

В деревне Амикеево выяснилось, что на собрание приехали только сельские старосты. Спустя некоторое время толпа народа вошла во двор въезжей квартиры чиновников и настойчиво потребовала, чтобы сельские старосты уехали из деревни. После безуспешных попыток успокоить собравшихся, чиновники спешно выехали из населенного пункта. По итогам обсуждения ситуации с вышеназванными должностными лицами уездная переписная комиссия отправила 31 декабря 1896 г. в Уфу телеграмму следующего содержания: «Заведующий 12 переписным участком и исправник заявили, что деревня Амикеево счетчиков до переписи не допускают, несмотря на принятые ими и земским начальником меры. Толпа народа, более ста человек, держала в осадном положении всех должностных лиц, выхватывала из их квартиры старост. После того как должностные лица вынуждены были удалиться, счетчиков избиили. В Бекчентеевой избиили счетчиков и старосту. В Исангулове до переписи не допускают. Вообще настроение магометанского населения возбуждено, так что за успех переписи ручаться нельзя» (РГИА 245: 409–409 об.).

4 января 1897 г. на заседании уездной переписной комиссии стало известно, что на 3-м переписном участке перепись не разрешили проводить жители деревни Сарсаз-Такирмень, Чураево, Телянче-Тамак, Семекеево и Сулюково Нуркеевской волости, Абдуллово, Ургуда, Сеитово, Мрясово и Торнаташ Башинды-Останковской волости, Тавлук, Старое Клянчино, Янурус, Юлтимер и Верхние Чершилы Языковской волости, а сельчане Сарсаз-Такирмен, Абдуллово, Тавлук и Верхние Чершилы угрожали счетчикам расправой, если те не уедут. Присутствовавший на заседании товарищ прокурора сообщил об избииении в дер. Ахметевоу земского начальника Тарыборского и других должностных лиц. Заведующие 9 и 10 переписными участками уведомили о недопущении счетчиков в деревнях Митряево, Меллитамак-Шарипово, Тогашево, Исангулово, Бикчентаево, Калмеево и просили немедленно выслать в дер. Амикеево команду. Итогом обсуждения стал текст телеграммы, адресованный губернатору: «...беспорядки не есть следствие недоразумений и боязни населения, что их будут крестить, а плод агитации извне. При этом нужно предположить, что агитация поддерживается лицами, приехавшими на ярмарку. Вследствие этого комиссия нашла нужным принять самые энергичные меры: выслать немедленно команду, и сообщено исправнику, товарищу прокурора и воинскому начальнику» (РГИА 245: 411–411 об.).

Уфимский губернатор 4 января предписал временно приостановить перепись в мусульманских деревнях. Она возобновилась 7 января, видимо, после прибытия в уезд воинских частей.

К 10 января 1897 г. Мензелинской уездной переписной комиссии стало известно о недопущении счетчиков в дер. Биклян 4-го участка и во всех мусульманских селениях 5-го (были избиты счетчики Матвеев в дер. Ташлык и Тополева в дер. Верхних Челнах) и 4-го (особенным упорством вы-

делялись жители деревень Урусово, Новые Байлар, Калмеево, Тойгузино и Азьмушкино, которые не подчинились увещеваниям земского начальника) участков. Было принято решение об уведомлении губернатора и ходатайстве перед уездным исправником об отправке военной команды под его руководством в д. Урусово для предупреждения беспорядков.

На основании депеши вице-губернатора Н.Н. Хруцова от 9 января 1897 г., который ранее прибыл в уезд со второй военной командой, был выработан порядок переписи с участием военных команд. Заведующие переписными участками должны были ежедневно уведомлять их руководителей – вице-губернатора и уездного исправника – о каждом случае недопущения переписи. Войсковой части под руководством исправника отводилась северная часть уезда, а именно – 10, 11 и 12 переписные участки, остальную территорию (2, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 участки) вице-губернатор взял под свое «попечение». Заведующие участками должны были находиться при военных командах с возможно большим количеством счетчиков и с достаточным количеством переписных листов, чтобы провести перепись в беспокойных селениях «экстренно под непосредственной охраной команды или под непосредственным впечатлением их прохода» (РГИА 245: 415–416). «Экстренный» характер проведения переписи и маршрут воинских команд требуют дальнейших научных исследований.

В целом, благодаря привлечению воинских частей в Мензелинском уезде перепись была завершена в срок. Порядок проверки переписных материалов в проблемных селениях был отменен распоряжением уфимского губернатора от 13–14 января 1897 г. и вместо вторичного обхода дворов или созыва сельских сходов, сельские старосты, волостные старшины с посемейными списками и особые выборные приглашались к счетчику, который посредством опроса производил проверку переписных листов. В некоторых случаях заведующие переписными участками проводили такую проверку на сельских сходах.

Благодаря совместным действиям правительственных и общественных структур, социально активных лиц, взявших на себя исполнение обязанностей счетчика, а также приходского мусульманского духовенства, выступавших в качестве увещавателей, в Мензелинском уезде удалось успешно завершить проведение Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Ход статистической кампании явственно показал настроения жителей и ситуацию взаимоотношений «власть-народ» в конце XIX века. Отказ от дачи сведений переписчику был квалифицирован как неповиновение власти и привел к насильственному проведению переписи в большинстве мусульманских селениях уезда. Благодаря активности органов прокуратуры, в Уфимской губернии удалось избежать массовых арестов. Возможно, слухи об экзекуциях, массовых арестах в соседних Казанской, Вятской и Самарской губерниях в определенной степени действовали отрезвляюще на активистов бойкота.

Загидуллин И.К. Особенности проведения Первой всеобщей переписи 1897 г.
в Мензелинском уезде Уфимской губернии

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Адрес-календарь 1914 – Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год.
Уфа: Элект. губ. типография, 1914.

Канделаки 1914 – Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб.: Ред. периодических изд. М-ва финансов: «Вестник финансов» и «Торгово-промышленная газета», 1914.

РГИА 244 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1290.
Оп. 10. Д. 244.

РГИА 245 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1290.
Оп. 10. Д. 245.

Фатыйх Кәрим – Фатыйх Кәрим. Фәнни-биографик жыентык / тез. авторлар Раиф Мәрданов, Рамил Миңнуллин, Сөләйман Рәхимов. Казан: Рухият, 2000.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахтямова А.В. Занятия татар Уфимской губернии (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. № 7. С. 9–14.

Ахтямова А.В. Мероприятия Уфимского земства по распространению передового сельскохозяйственного опыта и пропаганде гигиенических знаний среди мусульман в начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. № 10, т. 2. С. 21–38.

Кантимирова Р.И. Земские начальники Уфимской губернии // Река времени. 2016: К 400-летию Смоленского собора Уфы / отв. редактор М.И. Роднов. Уфа, 2016. С. 71–77.

Загидуллин И.К. Татары Казанской губернии и перепись 1897 года. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000.

Загидуллин И.К. Особенности проведения Первой всеобщей переписи 1897 г. в Уфимской губернии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. № 10, т. 2. С. 123–154.

Сведения об авторе: Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); zadi63@mail.ru

Поступила 29.01.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

**SPECIFICS OF THE FIRST GENERAL POPULATION CENSUS OF 1897
IN MENZELINSK DISTRICT OF UFA PROVINCE**

I.K. Zagidullin

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zagik63@mail.ru*

The study of the First general population census in October 1896 – January 1897 years in Menzelinsk District of Ufa Province – “in the inner outskirts” – is relevant in several aspects: 1) it allows considering the effectiveness of the instructions for organizing and conducting statistical operations developed by the Chief Census Commission, which were compiled with the focus on the Russian majority of the country; 2) there is an opportunity to observe the social behavior of local authorities, facing the need to organize and conduct a statistical event within a very short time; 3) can trace the reaction of the local population to this state statistical event. The reports and journals of the provincial and district census commissions preserved in the fund of the Central Statistical Committee at the Ministry of Internal Affairs served as the source of the given article. The publication highlights a number of omissions allowed by the center in preparation of the normative legal documentation of the census; it also discusses the formation of census and enumeration areas in the country, recruiting of census enumerators and translators, provides the confessional composition of the heads of census areas and clarifies the role of the county census commission and mullahs in conducting explanatory work among Muslims, the protest reasons and forms are specified and the course of the census with the involvement of military teams in Muslim settlements is presented in details.

Keywords: Menzelinsk District of Ufa Province, First general population census of 1897, social movement of Muslims, enumeration areas

For citation: Zagidullin I.K. Osobennosti provedeniya pervoy vseobshchey perepisi 1897 g. v Menzelinskom uezde Ufimskoy gubernii [Specifics of the First General Population Census of 1897 in Menzelinsk District of Ufa Province]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 106–119. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.106-119>

REFERENCES

Akhtyamova A.V. Zanyatiya tatar Ufimskoi gubernii po materialam Pervoi vsobschei perepisi naseleniya 1897 g. [Activities of the Ufa Province Tatars (Based on the Materials of the First General Population Census of 1897)]. *Iz istorii i kultury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2017, no.7, pp. 9–14. (In Russian)

Akhtyamova A.V. Meropriyatiya Ufimskogo zemstva po rasprostraneniyu peredovogo selskokhozyaistvennogo opyta i propagande gigienicheskikh znaniy sredi musulman v nachale XX veka [Events of the Ufa Zemstvo to Disseminate Advanced Agricultural Practices and Promote Hygiene Knowledge among Muslims in Early 20th

Загидуллин И.К. Особенности проведения Первой всеобщей переписи 1897 г.
в Мензелинском уезде Уфимской губернии

Century]. *Iz istorii i kultury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2020, no.10, vol.2, pp. 21–38. (In Russian)

Zagidullin I.K. Osobennosti provedeniya Pervoy vseobshchey perepisi 1897 g. v Ufimskoy gubernii [Specifics of the First General Population Census of 1897 in Ufa Province]. *Iz istorii i kultury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2020, no.10, vol.2, pp. 123–154. (In Russian)

Zagidullin I.K. *Tatary Kazanskoy gubernii i perepis 1897 goda* [The Tatars of Kazan Province and the Census of 1897 Year]. Kazan: Tatar Book Publ., 2000. (In Russian)

Kantimirova R.I. Zemskie nachalniki Ufimskoy gubernii [Zemstvo Chiefs of Ufa Province]. *Reka vremeni. 2016: K 400-letiyu Smolenskogo sobora Ufi*. Exec. aditor M.I. Rodnov. Ufa, 2016, pp. 71–77. (In Russian)

About the author: Ildus K. Zagidullin, Doctor Sc. (History), Head of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); zadik63@mail.ru

Received January 29, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ. ИСТОРИЯ НАУКИ В РЕГИОНАХ

УДК 069.01

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ РУССКОГО МУЗЕЯ В РЕАЛИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 1920–1930-х гг.

Н.И. Ивановская

*Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
n_iva@mail.ru*

Статья посвящена одной из важнейших проблем истории музейного дела – государственной музейной политике. Музеи участвуют в историко-культурном процессе, сообразуясь не только с концепциями, задачами научных дисциплин, но и с общественными запросами конкретной исторической эпохи, влиянием властных структур. Цель исследования: опираясь на архивные источники, проанализировать влияние государственных идеологических установок в 1920–1930-е гг. на музейные этнографические исследования и личные судьбы сотрудников Этнографического отдела Русского музея. Автор впервые вводит в научный оборот засекреченные ранее директивные документы, регламентировавшие музейную деятельность в этот период. Значительное внимание уделяется изучению полевых отчетов сотрудников музея, дающих представление об изменении методологического подхода к этнографическим исследованиям в исследуемый период. Рассматриваются личные архивы, проливающие свет на подробности быта, образ жизни, характер взаимоотношений между людьми, определяемых, в том числе, и политической организацией общества. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что мощный государственный идеологический прессинг, имевший место в эти годы, негативно повлиял не только на этнографическую науку и музееведение, превратив их на определенное время исключительно в инструмент социалистической пропаганды, но и привел к трагедиям в судьбах ученых-этнографов.

Ключевые слова: Этнографический отдел Русского музея, этнографические исследования, государственная музейная политика в России 1920–1930-х гг.

Для цитирования: Ивановская Н.И. Этнографический отдел Русского музея в реалиях общественно-политической жизни 1920–1930-х гг. // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 120–131. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.120-131>

Музеи участвуют в историко-культурном процессе, сообразуясь не только с концепциями, задачами научных дисциплин, но и с общественными запросами конкретной исторической эпохи, влиянием властных структур. Эти факторы являются основанием для воссоздания истории того или иного музея в определенный хронологический период по всем направлениям его работы – научно-исследовательской, экспозиционной, просветительской. Однако жизнь музейного социума не ограничивается исполнением институциональных функций. Опираясь на положения такого направления исторической науки, как изучение повседневности, можно значительно расширить рамки материала, привлекаемого для исследования. Из подробностей быта, образа жизни, характера взаимоотношений между людьми, определяемых, в том числе, и политической организацией общества, складывается устойчивая типологическая определенность, своеобразное «лицо» общества (Шубина 2006: 55–62).

Автором статьи были привлечены следующие архивные источники: отчеты о полевой этнографической работе, личная переписка и дневники сотрудников Этнографического и Художественного отделов Русского Музея из архивов Государственного Русского музея (ГРМ), Российского этнографического музея (РЭМ), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (ПФА РАН), а также директивные документы органов советской власти из фонда рассекреченных документов Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ).

В первые годы после Февральской революции 1917 г. наряду с коренной ломкой всех систем государственного управления в стране происходила реорганизация музейного дела, имевшая ряд положительных моментов. Значительно выросла музейная сеть, усилилась централизация музейного дела (пока ещё не гипертрофированная). Это привело к улучшению научной, учетно-хранительской и экспозиционной деятельности музеев.

Положительные перемены наблюдались и в деятельности Этнографического отдела Русского музея (ныне – Российский этнографический музей). В марте 1918 г. директором Русского музея (РМ) был избран видный ученый, археолог и этнограф, хранитель Этнографического отдела (ЭО) А.А. Миллер, а в апреле того же года были созданы специальные советы Этнографического и Художественного отделов, автономные в своей деятельности (Крюкова, Студенецкая 1971: 19–25).

Несмотря на многие трудности в работе ЭО, связанные как с тяжелым экономическим положением в стране, так и бытовой неустроенностью его сотрудников в послевоенном голодном и холодном Петрограде, в 1921 г. в нем были открыты залы Украины, Белоруссии, Сибири, Дальнего Востока. Возобновилась работа по комплектованию музейных коллекций. В 1923 г. сотрудники музея охватили этнографическими экспедиционными исследованиями обширную территорию с севера на юг от Карелии до Кавказа и с запада на восток от Смоленщины до Забайкалья. За два года (1923–1924)

в фонды ЭО поступило более 6000 этнографических предметов (Крюкова, Студенецкая 1971: 29–35).

В этот период экспедиционно-собираТЕЛЬская деятельность музея продолжала развиваться в русле теоретических положений дореволюционной этнографической науки и музееведения. По-прежнему в научно-исследовательской работе ЭО одно из центральных мест занимало комплектование этнографических коллекций, собираемых «...для характеристики духовного и материального быта всех племен и народов, населяющих Россию и сопредельные с нею страны» (Программа 1904: 5). Во исполнение этой задачи сотрудникам музея в 1920-е гг. в экспедициях в различные регионы страны удалось собрать ценнейший этнографический материал, отразивший крупные сдвиги, произошедшие в традиционной культуре народов под влиянием коренных изменений в общественно-политической жизни страны.

Показательна в этом отношении научная командировка А.К. Сержпутовского, осуществленная им летом 1920 г. в Пермскую губернию для этнографического изучения районов, охваченных его же исследованиями ранее, в 1914 г. Он определил задачу экспедиции следующим образом: «...собираНИЕ материалов, характеризующих народный быт и те изменения, которые произошли в нем за последние годы под влиянием общегосударственных факторов и местных условий, отмечая заимствования, сделанные под влиянием беженцев, пленных и солдат. Кроме того, мною была поставлена цель проследить, какие факты в каждом отдельном случае способствовали утрате старого или появлению того или иного бытового новшества. Для того, чтобы отметить очень важные для понимания народного быта новые, может быть, временные и скоропроходящие факты, как различные суррогаты питания, способы добывания и хранения огня, предметы для освещения, средства передвижения и т.д., я остановился для своих исследований на той местности, которая уже раньше была знакома мне по сделанным в 1914–1918 гг. экскурсиям по поручению Российской Академии Наук и Русского Музея» (АРЭМ: Д. 53. Л. 2). По наблюдениям А.К. Сержпутовского, прошедшая война, последовавшая за ней революция и связанный этими событиями общегосударственный экономический коллапс привели к возвращению в повседневную жизнь крестьян некоторых забытых форм в хозяйстве и быту: при обработке земли вместо получивших до революции широкое распространение сельскохозяйственных орудий промышленного производства вернулись соха, серп, домашняя утварь пополнилась самодельной долбленой деревянной и глиняной посудой; в быт внедрилась солдатская и старая городская одежда, а из-за отсутствия фабричных тканей домотканина вновь стала преобладающей при изготовлении традиционных видов одежды (АРЭМ: Д. 53. Л. 37–45). Полевые наблюдения Сержпутовского внесли значительный вклад в воссоздание объективной картины состояния русской деревни в этот исторический период.

Изменения в традиционной культуре другого характера были отмечены участниками Карельской экспедиции (1926–1928), которой руководил

заведующий ЭО РМ, известный антрополог и этнолог профессор Д.А. Золотарев. Важнейшим направлением работы экспедиции была фотофиксация различных аспектов хозяйственной деятельности и повседневной жизни жителей Ухтинского р-на. На фотографиях были зафиксированы совершенно новые явления в культуре сельского населения Карелии, возникшие как следствие изменений в общественной жизни страны (Хакамииес, Фишман 2006: 3–26). К ним относились: электрофикация села, наличие в хозяйстве средств механизации, детский сад и пионеры, изба-читальня, парад физкультурников и лыжный пробег молодежи, другие события такого же рода – всё то, что было включено в ту пору в понятие «Новый быт». Постепенно, в течение второй половины 1920-х гг. эта тематика становится приоритетной в отечественной этнографии и научно-исследовательской работе ЭО РМ.

В июне 1923 г. состоялось официальное открытие Этнографического отдела. Всего несколько слов из письма сотрудника отдела Л.Л. Капицы характеризуют общую атмосферу тех лет, очень трудных в бытовом отношении, но наполненных осмысленным трудом ещё свободных от догм людей. В письме брату, описывая открытие ЭО 3 июня 1923 г., он сообщал: «Было хорошо и весело, легкий ужин, игры, танцы, разошлись в 8 час. утра» (Ивановская 2014: 58).

Общественно-политические условия, сложившиеся в стране в 1920–1930-е гг., не только внесли свои коррективы в организацию и содержание музейной деятельности, но и разрушили многие устоявшиеся морально-этические нормы. В начале 1920-х гг., времени революционных преобразований во всех сферах общественной жизни, многие известные специалисты ещё старой школы как в области гуманитарных наук, так и искусства, подверглись жесткой критике со стороны своих молодых коллег, видевших в них апологетов отжившей, по их мнению, культуры. Эта тенденция не обошла стороной и Русский музей, состоявший тогда из Художественного и Этнографического отделов. По воспоминаниям современников, на заседаниях научного коллектива регулярно критиковали виднейшего историка искусства, одного из крупнейших специалистов в области реставрации и охраны памятников в стране в первой половине XX в., заведующего Художественным отделом Русского музея в 1912–1929 гг. П.И. Нерадовского (1875–1962). В подтверждение этих слов обратимся к архивным документам.

В.В. Воинов, заведующий отделом графики Русского музея с 1923 г., в своем дневнике описывает одно из событий музейной жизни, связанное с судьбой П.И. Нерадовского. «14. 02. 24. Состоялось первое заседание Хранительского совещания, собранного для ликвидации кошмарного инцидента Совета Художественного отдела с Крыжановским. Совещание свелось к некоему допросу с пристрастием по отношению к П.И. Нерадовскому. Особенно показали свои волчьи зубы Золотарев и Руденко. Этнографы вели себя наглым образом, шулерство, перевираание чужих слов и передергивание – вот их излюбленные методы» (АРМ, Л. 65 об.). Приведенный отрывок свидетельствует о непримиримом конфликте, условно говоря, старого и нового, фактиче-

ски – продолжении недавно закончившейся Гражданской войны, как бы перенесенной в сферу науки и культуры. Позже, в начале 1930-х гг., все фигуры этой истории были репрессированы.

1930-е гг. стали временем становления и укрепления авторитарной государственной административно-командной системы, определившей развитие науки и культуры в нужном ей направлении на долгие годы. В музееведении в это время утверждается взгляд на музей как на идеологическое учреждение, призванное пропагандировать успехи страны в строительстве социализма и тем самым способствовать изменению мировоззрения людей (Ширямов 1938: 25–28).

Государственный идеологический прессинг распространился и на другие гуманитарные науки. На совещании этнографов Москвы и Ленинграда, состоявшемся в 1929 г., были подвергнуты критике взгляды этнографов старой школы на этнос как объект этнографической науки, а на Всероссийском археолого-этнографическом совещании 1932 г. директивно была сформулирована единая, обязательная для всех точка зрения на предметную область этнографии. Эта наука стала рассматриваться как вспомогательная историческая дисциплина, исследующая преимущественно проблемы, связанные с переходом общества к социалистической общественно-экономической формации (Маторин 1931: 3–38). Поэтому в те годы центральное место в исследованиях этнографов занимало изучение урбанизированных форм культуры, отражающих в той или иной степени достижения народов страны на пути социалистических преобразований. Сюда относились и техническая перевооруженность сельского хозяйства, и новая организация труда на заводах и фабриках, и технические новшества в быту (появление электричества, радио), и явления культурной революции, и т.п.

Сотрудники ЭО в своей работе вынуждены были следовать этой концепции. Основное внимание стало уделяться изучению своеобразия и национальных особенностей социалистической культуры и быта. Нарушалось установленное с начала основания музея положение о том, что главным объектом показа на экспозиции является народ. Теперь, как и в краеведческих музеях, на экспозиции показывались достижения в социалистической экономике того или иного региона, что привело к преобладанию образцов промышленной и сельскохозяйственной продукции (например, экспозиция начала 30-х гг. «Белоруссия и БССР») (Крюкова, Студенецкая 1971: 36).

Планы работы музея и отчеты об этнографических экспедициях, осуществленных в те годы, содержат обязательный пункт об изучении современного быта. Но следует отметить и тот факт, что практически все они включались в целевые установки полевых исследований сбор предметов, отражающих народную культуру. Как правило, это объяснялось необходимостью создания экспозиции, освещающей народную культуру прошлого.

Обратимся к архивным документам. План экспедиционной работы ЭО РМ на 1929–1930 гг. содержит следующие пункты: Хорезмская экспедиция (руководитель А.Н. Самойлович) – сборы полностью отсутствующи-

щего материала по каракалпакам, дополнение материала по узбекам и туркменам, изучение культуры города и аулов и их взаимного влияния, современные изменения в быту народов Средней Азии; Смоленская экспедиция (руководитель А.К. Сержпутовский) – сбор отсутствующего материала по восточным белорусам в переходной к русским полосе, современный быт в Восточной Белоруссии (АРЭМ: Д. 289. Л. 1).

К середине 1930-х гг., времени расцвета в стране административно-командной властной структуры, границы этнографических исследований сужаются, меняется структура полевых исследований, главное место в них начинает занимать изучение нового быта. План экспедиции сотрудников музея А.Я. Дуйсбург и А.К. Супинского, работавших в 1936 г. в составе Северо-Белорусской экспедиции, содержит программу работ по изучению этой темы (АРЭМ: Д. 572. Л. 1, 2). Она состоит из следующих пунктов: 1) новое в быту населения социалистической деревни; 2) быт молодежи советской деревни; 3) молодежь в производственной и общественной жизни; 4) труд и быт старшего поколения. Часть экспедиций организовывалась с целью сбора материалов для вновь создаваемых экспозиций, носивших ярко выраженную идеологическую окраску. В плане научной командировки А.К. Супинского в 1937 г. в Белорусскую ССР заявлены следующие темы для исследования: 1) ремесленники местечек Белоруссии; 2) эксплуатация еврейской бедноты; 3) эксплуататорская роль еврейского духовенства; 4) еврейский и белорусский пролетариат в борьбе с самодержавием (АРЭМ: Д. 619. 4 л.). Предметы традиционной культуры (орудия труда, одежда, посуда) планировалось собирать в рамках первой темы. Задачей научной экспедиции на правобережную Украину в 1937 г. был сбор материалов по Гражданской войне и Советской Украине (АРЭМ: Д. 619. Л. 1–4).

Ученые, продолжавшие придерживаться традиционной точки зрения на предметную область этнографии, были подвергнуты осуждению и в большинстве своем репрессированы. Государственными органами в этнографических научных учреждениях и музеях была произведена большая кадровая чистка, задевшая в основном старых, опытных музейных сотрудников. Д.А. Золотарев был арестован в 1930 г. Ему инкриминировали развал краеведческой работы по изучению достижений социализма и увлечение стариной (он был председателем антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края). Был арестован С.И. Руденко, обвиненный в участии в контрреволюционной монархической организации. В 1932 г. арестовали Б.Г. Крыжановский, который вместе с П.И. Нерадовским проходил по делу «Российской национальной партии» (или делу «русских славистов»).

В Институте по изучению народов СССР (ИПИИ), созданном в 1930 г. на базе Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, существовавшей с 1917 г., была учреждена научно-исследовательская группа по критической проработке этнографической литературы под руководством Н.М. Маторина (ПФА РАН: Д. 146. Л. 1). По существу, это была одна из форм идеологической борьбы в нау-

ке. Главной задачей группы стала «марксистско-ленинская критика» основных течений в русской и зарубежной этнографии. Для большей эффективности работы были созданы три бригады «критиков» и назначено столько же руководителей, названных бригадирами. Ими стали М.Г. Худяков, Ф.Н. Гайнетдинов, Н.М. Маторин. Критике, по мысли организаторов этого идеологического судилища, должны были подвергнуться «великодержавный национализм, местный национализм и народнический идеализм». В течение февраля и марта 1932 г. состоялось шесть заседаний группы. На одном из них М.Г. Худяковым был прочитан доклад «Великодержавный шовинизм в русской этнографии», в котором наряду с дореволюционными этнографами и научными учреждениями (РГО, ЭО РМ) критике подвергались ученые послеоктябрьского периода, в частности, С.И. Руденко и Д.А. Золотарев. Докладчик, используя доведенный до совершенства метод казуистики, обвинил их в том, что они, являясь «буржуазными этнографами» по своей сути, сохранили свою идеологию под маской «аполитичности» и «нейтральности» вплоть до настоящего момента, «когда наука была поставлена на службу социалистическому строительству и классовая сущность буржуазных этнографов была полностью разоблачена» (ПФА РАН: Д. 146. Л. 2).

Группой критиков, «разоблачавших» взгляды зарубежных этнографов (из Финляндии и Эстонии), руководила М.Ю. Пальвадре. Остановимся на личности этой исследовательницы, биография которой типична для многих ученых её поколения.

М.Ю. Пальвадре, родившаяся в эстонской деревне в конце XIX в., была представительницей новой генерации советских этнографов, пришедших в науку в конце 1920–1930-х гг. Она окончила этнографическое отделение географического факультета ЛГУ (1928), где обучалась по специальности «Этнография западных финнов», затем – аспирантуру (1931), была членом ВКП(б) с 1921 г., вступив в партию во время Кронштадтского мятежа (Королькова 2015: 208–209). Карьера её складывалась очень успешно, сразу по окончании аспирантуры она становится ученым секретарем Института по изучению народов СССР АН СССР (ИПИИ). В 1933 г. её принимают на должность научного сотрудника в доклассовый сектор ГАИМК. В 1934 г. она переходит на работу в Государственный музей этнографии (это название ЭО РМ получил в 1934 г), сначала в качестве научного сотрудника, а затем – зав. отделом. Но сотрудничество М.Ю. Пальвадре с музеем и Д.А. Золотаревым началось значительно раньше, в 1920 г. Она работала в Северо-Западной (1920–1923) и Карельской (1926–1928) экспедициях, которые возглавлял Д.А. Золотарев. Экспедиции стали прекрасной школой для многих молодых исследователей, которые начинали свой путь в этнографическую науку.

В 1931 г., когда Д.А. Золотарев уже был арестован, М.Ю. Пальвадре осуществила экспедицию в Ухтинский район Автономной Карельской ССР, организованной ИПИИ АН СССР. Целью экспедиции было изучение производительных сил района за советский период, а также проверка на

месте выводов прежних экспедиций Академии наук, в частности экспедиции 1927 г. под руководством Д.А. Золотарева. В своём отчете М.Ю. Пальвадре подвергает жесткой критике научные взгляды своего учителя. Она оспаривает его вывод, основывавшийся на полевых этнографических исследованиях, о том, что социально-экономическое развитие края, граничащего с Финляндией, так же, как и народная бытовая культура местного населения, подвержены сильному финскому влиянию. Она придает этому выводу политико-идеологическую окраску, обвиняя Д.А. Золотарева в стремлении обосновать присоединение части территории Советской Карелии к Финляндии. Между тем, указывает М.Ю. Пальвадре, изучение производительных сил края показало, что там развернуто мощное социалистическое строительство, и Автономная Карельская республика успешно движется вперед, невзирая на «захватнические страсти финской буржуазии» (ПФА РАН: Д. 224. Л. 1–6).

Несмотря на успешно развивавшуюся карьеру и конъюнктурно выверенные выводы, зафиксированные в письменном виде, М.Ю. Пальвадре не избежала трагической участи своих старших, невинно осужденных коллег. Её мужем был Я.К. Пальвадре – эстонский революционер, участник Гражданской войны, историк, профессор и декан историко-филологического факультета ЛГУ. Он был арестован в мае 1936 г., а несколькими месяцами позже арестовали и его жену. Они оба обвинялись в участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации и были приговорены к высшей мере наказания. По такому же обвинению были арестованы и расстреляны товарищи М.Ю. Пальвадре по идеологической борьбе с этнографами старой школы – Н.М. Маторин и М.Г. Худяков.

Новая реальность, с которой вместе со всей страной столкнулись сотрудники отдела, принесла с собой обилие директивной документации, поступающей в музей из различных государственных структур (Наркомпроса, Главнауки, ОГПУ и др.). Циркуляры не только регламентировали практически все стороны музейной жизни, но и устанавливали над ней тотальный контроль. Наркомпрос запрещал выписывать иностранную литературу непосредственно из заграницы (ЦГАЛИ: Д. 5. Л. 1). ОГПУ напоминал, что заграничную корреспонденцию надо сдавать в секретную часть – структурное подразделение, созданное в эти годы в Русском музее и напрямую подчинявшееся ОГПУ. В 1931 г. секретная часть РМ сразу же доносила своим руководителям в ОГПУ об освободившейся жилплощади в принадлежавших музею помещениях, где до ареста проживали его сотрудники Приселков, Д.А. Золотарев, С.И. Руденко, Н.Е. Лансеро (ЦГАЛИ: Д. 4. Л. 15).

Это же подразделение в 1933 г. запросило у ГПУ г. Козьмодемьянска сведения об отце Т.А. Крюковой: «ГРМ просит срочно сообщить сведения о Крюкове Александре, действительно ли он имел свои лесные сплавы и в 1918 г. сбежал из Козьмодемьянска. Дочь Крюкова, Татьяна Александровна, работает в настоящее время в музее. Сведения нужны комиссии РКИ по проверке и чистке нашего аппарата». Т.А. Крюкова (1904–1978) была арестована в 1928 г. по обвинению в принадлежности к антисоветской ор-

ганизации и выслана по месту жительства родителей в г. Козьмодемьянск сроком на три года. В 1932 г. её приняли на работу в ЭО РМ, где местная секретная часть проявила особую бдительность (ЦГАЛИ: Д. 7. Л. 4).

10 декабря 1927 г. РМ получает циркуляр под грифом «Совершенно секретно» о допуске комиссии Главнауки к обследованию всех музейных коллекций, как выставленных, так и находящихся в фондах, а также госфонды немусейного значения. Как гласил документ, «Комиссии предоставляется право опечатания документов, коллекций и отдельных предметов, кои она найдет нужным опечатать. Комиссии должны быть предоставлены все секретные кладовые и тайники, если таковые имеются» (ЦГАЛИ: Д. 7. Л. 4). А в начале 1928 г. вышло постановление правительства о мерах по усилению реализации в Советской России и за границей предметов старины и искусства. Тем самым государство положило начало распродаже национального достояния, продолжавшейся много лет. Сохранился список вещей, отобранных ЭО ГРМ в Госфонд для реализации в течение 1928–1932 гг. В 1928 г. в него были внесены ковры из дворцов с примечаниями «для реализации за границу», а также «всё серебро, хранящееся в кладовой ЭО», принятое сотрудником историко-бытового отдела РМ В.К. Станюковичем, в 1930 г. – китайская чаша перегородчатой эмали эпохи Мин, выделенная особой ударной бригадой ЭО, в 1932 г. – костюмы, душегреи, головные уборы, конское убранство (ЦГАЛИ: Д. 6. Л. 48). В этой драматичной для музея записи обращает на себя внимание упоминание об «особой ударной бригаде» ЭО, видимо, группе сотрудников отдела, выполнявшей государственное задание по отбору музейных ценностей для распродажи. Возможно, они искренне разделяли позицию государства, предусматривавшую необходимость пожертвовать национальным достоянием в пользу успешного проведения индустриализации. В это время на смену этнографам старой школы пришло поколение молодых специалистов, подготовленных уже в советских учебных заведениях. Однако работавшие старые сотрудники также не могли уклониться от выполнения правительственных директив. В комиссию входил и Владимир Константинович Станюкович (1874–1939) – искусствовед, литератор, музейный деятель, друг поэта В. Брюсова и художника В.Э. Борисова-Мусатова, в те годы хранителя Фонтанного дома Шереметевых.

Приведем ещё один пример вынужденной научной конъюнктуры, спровоцированной политической обстановкой в стране. Это записка сотрудников ЭО на имя директора РМ о проекте музея под открытым небом (идея создания такого музея на Крестовском острове появилась в 1930 г). С одной стороны, опираясь на опыт зарубежных коллег, они сообщают о популярности таких музеев, а с другой, утверждают, что таковые не могут быть примером, т.к. «являются главным образом средством национального воспитания и сохранения старинных построек. Это консервирование старины не может быть основой для создания нашего парка. Не сохранение старых форм быта, а перестройка хозяйства и быта должна быть лозунгом Парка культуры. Такой Парк будет удовлетворять интересы масс,

полезен в целях социалистического воспитания строителей новой жизни» (АРЭМ: Д. 360. Л. 15). Трагедия поколения учёных того времени заключалась в том, что следование идеологическим установкам противоречило их нравственным и научным принципам, а попытка сопротивления грозила лишением не только свободы, но и жизни.

Целое десятилетие, с начала 1930-х гг., в среде музейных этнографов и в руководящих структурах продолжалась дискуссия о предмете научно-исследовательской и экспозиционной работы этнографических музеев (Крюкова, Студенецкая 1971: 9–120), ставилось под сомнение само их существование. Как указано выше, в этот период они фактически дублировали работу краеведческих музеев. Тем не менее профессионализм сотрудников ЭО позволил им доказать необходимость сохранения этнографического профиля музея. В 1934 г. ЭО отдел РМ стал самостоятельным музеем, получив название «Государственный музей этнографии». Опыт, накопленный его коллективом на протяжении 1920–1930-х гг. в научно-исследовательской, экспозиционной и просветительской работе, а также во взаимодействии с властными структурами, имел большое значение для успешного продолжения его деятельности в последующие десятилетия.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

АРМ – Архив Русского музея. Ф. 70. Д. 586. Л. 65 об.

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Ф.2. Оп. 1. Д. 53, 289, 360, 572, 618, 619.

Программа – Программа для собирания этнографических предметов. СПб., 1904.

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 224; Оп. 2. Д. 146.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1, 4–7.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ивановская Н.И. Письма как источник изучения персональной истории (по переписке Л.Л. Капицы с П.Л. Капицей. 1921–1928 гг.) // *Право на имя: Биографика 20 века: Двенадцатые чтения памяти Вениамина Иофе* / Науч. ред. Т.Б. Притыкина. СПб.: Норма, 2014. С. 54–63.

Королькова Л.В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Инкери, 2015.

Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // *Очерки истории музейного дела в СССР*. М., 1971. Вып. VII. С. 9–120.

Маторин М.Н. Современный этап и задачи советской этнографии // *Советская этнография*. 1931. № 1. С. 3–38.

Хакамиес П., Фишман О.М. Мечта о новой Карелии. Советская Карелия в фотографиях 1920–1930-х годов. Хельсинки, 2006.

Ширямов А. Задачи и роль краеведческих музеев // Советский музей. 1938. № 9. С. 25–28.

Шубина М.П. О понятии и природе повседневности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2006. Вып. 1, т. 42. С. 55–62.

Сведения об авторе: Ивановская Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, научный сотрудник высшей категории, отдел этнографии Северо-Запада России и Прибалтики Российского этнографического музея (191186, ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, Российская Федерация); n_iva@mail.ru

Поступила 05.10.2020

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

THE ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT OF THE RUSSIAN MUSEUM IN THE REALITIES OF THE SOCIAL-POLITICAL LIFE IN THE 1920s and 1930s

N.I. Ivanoskaya

*Russian Museum of Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation
n_iva@mail.ru*

The article is devoted to the one of the most important problems in the history of museum studies, namely the state museum policy. Museums participate in the historical and cultural process, relying not only on the concepts and the objectives of academic disciplines, but on the public needs of a particular historical era and the influence of power structures as well. The purpose of the study is to analyze the influence of state ideological attitudes on the research works in the field of museum ethnography and on personal fates of employees of the Russian Museum Ethnographic Department in the 1920s and 1930s, using archival sources. The author introduces into scientific circulation previously classified directive documents which regulated museum activities during that period. Considerable attention is paid to the study of the museum employees' field reports which give an indication of the shift in the methodological approach to ethnographic studies at the time. The paper involves personal archival documents which shed a light on the details of everyday life and lifestyle, the nature of relationships between people, determined by the political organization of society, among other things. The study leads to the conclusion that the powerful ideological pressure of the state that took place during those years negatively influenced not only ethnography and museology disciplines turning them into an instrument of socialist propaganda for a certain period of time, but led many ethnographers to tragic fate.

Keywords: Ethnographic Department of the Russian Museum, Ethnographic Research and State Museum Policy in Russia in the 1920s and 1930s

For citation: Ivanoskaya N.I. Etnograficheskiy otdel Russkogo muzeya v realiyakh obshchestvenno-politicheskoy zhizni 1920–1930-kh gg. [The Ethnographic Department of the Russian Museum in the Realities of Social-Political life in the 1920s and 1930s]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 120–131. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.120-131>

REFERENCES

Khakamies P., Fishman O.M. *Mechta o novej Karelii. Sovetskaya Kareliya v fotografiyakh 1920–1930-kh godov* [Dream of New Karelia. Soviet Karelia in Photographs of the 1920s and 1930s]. Helsinki, 2006. (In Russian and Finnish)

Ivanovskaya N.I. Pis'ma kak istochnik izucheniya personal'noy istorii (po perepiske L.L. Kapitsy s P.L. Kapitsey). 1921–1928 gg. [Letters as a Source for Studying Personal History (Based on Correspondence between L.L. Kapitsa and P.L. Kapitsa). 1921–1928]. *Pravo na imya: Biografika 20 veka: Dvenadcatye chteniya pamjati Veniamina Iofe*. St. Petersburg: NORMA Publ, 2015, p. 54–63. (In Russian)

Korol'kova L.V. *Vepsy: fotografii i rukopisi iz sobraniya Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya* [Vepsians: Photographs and Manuscripts from the Collection of the Russian Ethnographic Museum]. St. Petersburg: INKERI Publ., 2015, pp. 208–209. (In Russian)

Kryukova T.A., Studenetskaya E.N. Gosudarstvennyy muzey etnografii narodov SSSR za pyat'desyat let Sovetskoy vlasti [The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR in Fifty Years of the Soviet Power]. *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR*. Moscow, 1971. vol. VII, pp. 9–120. (In Russian)

Matorin M.N. Sovremennyy etap i zadachi sovetskoy etnografii [The Modern Stage and Tasks of Soviet Ethnography]. *Sovetskaja etnografiya*, 1931, no. 1, pp. 3–38.

Shubina M.P. O ponyatii i prirode povsednevnosti [On the Concept and Nature of Everyday Life]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki*, 2006, vol. 1, no. 42, pp. 55–62. (In Russian)

Shiryamov A. Zadachi i rol' kraevedcheskikh muzeev [The Tasks and Role of Local History Museums]. *Sovetskiy muzey*. 1938, no. 9, pp. 25–28. (In Russian)

About the author: Natalia I. Ivanoskaya, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, the Department of Ethnography of the North-West Russia and Baltic Region, Russian Museum of Ethnography (4/1 Inzhenernaya St., St. Petersburg 191186, Russian Federation); n_iva@mail.ru

Received October 5, 2020

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

**ГАЛИМӘ ХӘКИМОВА РАБИГА АФЗАЛОВНА:
ТОРМЫШ ЮЛЫ ҺӘМ ЭШЧӘНЛЕГЕ**

Х.З. Баһаветдинова

*Татарстан Фәннәр академиясенең
Ш. Мәрҗани исем. Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе
halida12_61@mail.ru*

Мәкаләдә күренекле татар теле белгече, доцент, Казан дәүләт университетында татар теле һәм әдәбияты бүлеген оештырган Хәкимова Рабига Афзаловна-ның тормыш юлы һәм фәнни-педагогик эшчәнлеге өйрәнелә. Р.А. Хәкимова – авыл укытучысыннан университет доценты дәрәжәсенә ирешкән галимә. Хезмәте өчен хөкүмәт тарафыннан медальләр, почет билгеләре белән бүләкләнгән. Немец, рус, башкорт һәм татар телләрен яхшы белгән, казах, кыргыз телләрендә дә аралаша алган. Мәскәүдә СССР Фәннәр академиясенең Тел, СССР халыкларының язма мирасын өйрәнү институтының аспирантурасын тәмамлап, кандидатлык диссертациясен яклаган. Мәкаләдә галимәнең басылып чыккан кайбер фәнни хезмәтләренең исемлеге дә китерелә.

Хәкимова Рабига Афзаловна партия эшләрендә дә актив катнашкан галимә, шунун аркасында, аңа шелтәләр дә алырга туры килә. Бу хәлләр лаеклы, бәхетле гайлә кору мөмкинлегенә дә киртә булып баса.

Шулай ук мәкаләдә 1944–1951 еллар арасында татар теле һәм әдәбияты кафедрасының эшчәнлегенә дә анализ ясала. Казан федераль университетының Н.И. Лобачевский исемендәге китапханәсендә сакланган, профессор Хатыйп Госманнның “Формирование новой специальности” дигән хезмәтеннән өзек китерелә. Бу чорларда эшлэгән укытучылар, белем алган студентлар турында да мәгълүмат бирелә.

1951 елның 9 маенда Р.А. Хәкимова авыру сәбәпле эшеннән азат ителә. Ни кызганыч, тормыш юлында очраган каршылыкларны жинү эзсез калмаган, күрәсең. Күренекле галимәбезнең сәламәтлеге нык какшый, бу аның вакытсыз үлеменә сәбәп була.

Төп төшенчәләр: Хәкимова Рабига Афзаловна, автобиография, татар теле һәм әдәбият бүлеге

Сылтама ясау өчен: Баһаветдинова Х.З. Галимә Хәкимова Рабига Афзаловна: тормыш юлы һәм эшчәнлеге // Историческая этнология. 2021. Т. 6, №. 1. С. 132–140. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.132-140>

Халкыбыз мәгарифенең тарихына күз салсак, анда гомерләре бик кыска, әмма кылган гамәлләре белән һич онытылмаска тиешле гүзәл шәхесләребез бар. Чистай өязе Краснояр волосте (Татарстанның хәзерге

Чистай районы) Кутлушкино (Яуширма) авылында туып үскән Рабига Хәкимова шуларның берсе. Гаиләдә әтисе Афзал ага да, әнисе Хәдичә ханым да милләтебезнең бөтен горейф-гадәтләрен хөрмәтләп, намуслы хезмәт итеп яшәгән игенчеләр булганнар.

Рабиганың мәгарифкә багышланган хәерле гомере 15 яшеннән балалар укыту белән башланып китә. Туган авылы мәктәбен тәмамлау белән ул Чистай кантонының Иске Татар Әдәмсуы, Әлки, Каргалы, Мөслим, Чистай, Кизләү (Курманаево) авылларының беренче баскыч мәктәпләрендә укыта (ТР ДА Р-1137: 22).

1920 еллар уртасы – сугышлар тәмамланган, әкрелләп ачык афәтнәннән дә котыла башлаган чор. Ил, ниһаять, тыныч төзелешкә, ягъни халык хужалыгын торгызуга керешә. Бу үзгәрешләргә хатын-кызларны тарту өчен максатлы эш жәелдерелә. Хатын-кызлар арасында эшләү өчен партия иң уңган алдынгы карашлы укытучыларны тарта. Рабига да шулар арасында була: Иске Әлмәт, Зур Тигәнәле авылларында хатын-кызлар оешмаларын житәкли. Тырыш хезмәте өчен аны 1928 елда Бөтенсоюз коммунистлар партиясе сафларына кабул итәләр һәм, партия әгъзасы буларак, аңа тагын да жаваплырак эшләр тапшыралар.

Шушы ук елда ул Казанга күчеп килә һәм 5 номерлы тегү фабрикасына эшкә урнаша. Биредә дә Рабига жәмәгать эшләрендә актив катнаша, цех профсоюз бюросының рәйсе, соңрак фабрика коммунистлар партия оешмасының жаваплы секретаре вазифаларын үти.

Хәкимова Рабига Афзаловнаның шәхси тормышына бәйлә документлар, истәлекләр юк диярлек. Татарстан Республикасы милли архивында сакланган, 1930 елның 14 июнендә язган аңлатмасыннан, 1928 елда Баһаутдин исемле укытучы егеткә кияүгә чыгып, 3 ай яшәгәч, аерылышулары аңлашыла (ТР ДА П-1198: 4–4об.). Икенче тапкыр 1930 елда Шәрәфетдинов Минһаж (1898) белән тормыш кора. Аның белән дә кулак малае булганга аерылырга туры килә (ТР ДА Р-1137: 14). Ис китәрлек хәл, ике очракта да Рабига Афзаловнага партия тарафыннан шелтә белдерелгән. Моның өстәвенә, 1936 елда репрессияләнгән авторларның псевдоним астында чыккан материалларына рөхсәт имзасын куйган өчен Молотов райкомынан каты шелтә алганлыгы билгеле (ТР ДА Р-1137: 5). Бу гаделсезлекләр, шелтәләр алу аның шәхси тормышына да тәәсир итми калмаган, күрәсең. Рабига Афзаловна, дәрәслекне яклап, югары оешмаларга мөрәжәгать итә. Бу «ха-

Рабига Афзаловна Хәкимова.
Татарстан Республикасы
Дәүләт архивы. Ф. Р-1137.
Т. 31. Эш 190. 2 б.

таларны» тәҗрибәсезлектән, белеме аз булу белән аңлата һәм, ниһаять, 1940 елда бирелгән шелтәләрне кире алалар.

Бу вакыйгалардан соң ул кияүгә чыкмый, эти-әниләрән югалткан бертуганнарының кызларын тәрбиягә ала. Зарә Рабига ханым белән яши. Казан шәһәренең 11 номерлы мәктәбен тәмамлый.

Рабига Хакимованың бертуган 2 сеңлесе, 2 энесе була: Хәнифә (1906) – ире Гәлимов белән Юхмачы районында җитәкче урыннарда эшлиләр, партия әгъзалары; Сафия (1918) Казанда ТЭЦ-2 дә эшли, Бөек Ватан сугышында катнаша. Шулай ук ике энесе дә Бөек Ватан сугышында катнашалар: сугыштан соң Әгъләм (1910) авылда колхозчы, Камал (1913) партия әгъзасы, Чистайда яши һәм эшли.

Рабига 1930–1932 елларда Татар коммунистлар университетында 2 ел белем ала. Бер үк вакытта райкомда инспектор булып эшли. 1932 елдан Казан Педагогика институтына укырга керә. 1933 елда Партия Үзәк комитеты карары белән Сарман МТСы сәяси бүлекчәсенә эшкә җибәрелә. 1935–1936 елларда Татарстан радиокомитетның сәяси редакторы булып тора. 1936–1940 елларда Педагогика институтында укуын дәвам итә. Шулай ук елларда Казан шәһәренең 80 нче номерлы мәктәбендә укытучы булып та эшли.

1940 елда институтны тәмамлагач, Рабига Мәскәү шәһәрендәге СССР Фәннәр академиясенең Тел, СССР халыкларының язма мирасын өйрәнү институтының (соңыннан бу институт академик Марр исемендәге Тел һәм фикерләү институты дип үзгәртелә) аспирантурасына укырга керә. 1944 елның 30 июнендә Мәскәүдә «Глагольное управление в современном литературном языке» темасына кандидатлык диссертациясен якый һәм филология фәннәре кандидаты дигән фәнни дәрәҗәгә ия була (ТР ДА Р-1137: 6).

1944 елның октябрь аеннан В.И. Ульянов исемендәге Казан дәүләт университетында укыта башлый. Бер ай узу белән, Хәкимова Рабига Афзаловнага университетның Гыйльми советы, доцент һәм кафедра мөдире вазифаларын йөклиләр. Тавыш биерү нәтиҗәләре: 24 – әйе, 3 се – тыелып кала (ТР ДА Р-1137: 23).

1804 елда ачылган Казан университеты тарихында беренче тапкыр һәм Рабига Афзал кызы тырышлыгы белән 1944 елда Татар теле һәм әдәбияты бүлегә ачыла. Биредә филолог-галимнәр, киң профильле гуманитар белгечләр, шулай ук татар теле һәм әдәбияты укытучылары эзерләнә башлый.

Казан федераль университетының Н.И. Лобачевский исемендәге фәнни китапханәсендә профессор Х. Госмановның «Формирование новой специальности» дигән кулъязмасы саклана (Усманов: 1). Язмада университетта татар теле һәм әдәбияты бүлегә ачылу һәм аның үсеш баскычлары тарихы тасвирлана. Түбәндә кулъязмадан өзек китерәбез (тәржемә. – Х.Б.): «Авыр вакытлар иде. Сугыш һаман дәвам итә. Бүлекне оештыру доцент Рабига Афзаловна Хәкимовага тапшырылды. Аның оештыру тәҗрибәсе бар иде, ул тиз арада, яңа уку елы башына I курска студентлар кабул итәргә иреште. Әмма иң авыры – уку процессын жайга салу булды. Барыннан да элек кадрлар юк иде. Профессор М. Корбангалиев сугыш башланыр алдыннан вафат

булды. Алар (галимнәр. – Х.Б.) Казанның башка уку һәм фәнни учреждениеләрендә дә бик аз калган иделәр. Күбесе сугышка китте, бик азлары гына кире кайтты. Университетта бүлек ачылган вакытта, бөтен Казанга татар филологиясе фәннәдә 2–3 кандидат исәпләнә, докторлар турында әйтеп тә торасы юк. Кафедра эшенә керешү өчен 4 штат берәмлеге бүлөп бирелде: мөдир, гәрәп теле белгече һәм 2 лаборант. Алар арасында, бары мөдирнең генә кандидатлык гыйльми дәрәжәсе була.

Бүлекне зурайту нәтижәсендә уку-уқыту эшенең профиле тагын да артты. Бу очракта күптән түгел генә ачылган СССР ФА Казан филиалы белгечләрен ярты ставкага һәм сәгатъләп (почасовой) укытырга чакыру файдага булды. Аларның да гыйльми дәрәжәләре юк иде. Кыенлыктарга карамастан, 1950 елда татар теле һәм әдәбияты белгечләренең беренче чыгарылышы була.

Кафедра житәкчесе Р.А. Хәкимова озакка авырып китте (1952 елда вафат булды). 1951 елның жәендә мөдир итеп мине сайладылар¹. ...

Гомумән алганда, бүлекнең ни хәлдә калганын түбәндә язып узам. Барыннан да элек, кафедраның теге яки бу уку йөкләмәләрен үтәү белән бәйле көчләрнең берләшүе житмәде. Түбәндә күрсәтелгән даими составтагы дүрт заттан тыш, ярты ставкага һәм сәгатъләп укытучылар чакырылган. Алар арасында Латиф Жәләй, әдәби тәнкыйтьче Гази Кашшаф кебек житди кешеләр бар иде. Тиздән Педагогика институтыннан бу өлкәдә тәҗрибәсе булган оста педагог, филология фәннәре кандидаты Якуб Хәлил улы Агишев килде. Моннан тыш, Хәкимова тырышлыгы белән, бүлекнең беренче чыгарылышыннан калган тагын өч аспирант та бар иде (Усманов: 1)».

Абитуриентларны укырга алганда ук, укытучылар аларның белем дәрәжәсенә генә түгел, ижади мөмкинлекләренә дә игътибар итәләр. Бүлек каршында әдәби түгәрәк һәм агитбригада эшли, «Әдәби сүз» дип аталган кулъязма газета чыга башлый (Замалетдинов, Хабутдинова 2018: 103). Бу чараларның барлыкка килүе, Рабига Афзаловнаның оештыру сәләте югары булуын дәлилли торган фактлар.

Кафедрада Рабига Афзаловна оештыру һәм методик эшләренә, уку планнарын һәм программалар төзү, фәнни хезмәткәрләр туплау, студентлар кабул итү, тәрбия эшләрен алып бара. Үзе немец, рус, башкорт һәм татар телләрен яхшы белә. Шулай ук казакъ, кыргыз телләрендә дә аралаша ала. Конференцияләрдә югары дәрәжәдә фәнни чыгышлар ясый. 1947 елда

¹ 1947 елда Р.А. Хәкимова тарих-филология факультеты деканы, проф. Вознесенский исеменә мөдирлектән азат итүне сорاپ гариза (докладной) яза. Үз урынына филология фәннәре кандидаты, әдәбият галиме Я.Х. Агишевы эшкә алуларын сорый. Аңа уңай характеристика бирә (ТР ДА Р-1137:45–45об.). Күрәсен, Рабига Афзаловнаны мөдирлектән азат итмәгәннәр. Бары тик, житди авыруы сәбәпле, 1951 елның 16 февраленнән бүлек мөдире вазифаларын М.Х. Гайнуллин башкарган (ТР ДА Р-1137: 81). Уку елы тәмамлангач, мөдир итеп Хатиб Госмановны сайлаганнар.

СССР Фәннәр академиясе Тел һәм фикерләү институтының 25 еллык юбилее унаеннан узган 3 көнлек фәнни сессиядә катнаша (ТР ДА Р-1137: 43).

Рабига Афзаловна университет тарафыннан оештырылган диалектологик экспедицияләренең житәкчесе була (ТР ДА Р-1137: 47). 1948 елда мишәрләр һәм аларның телен өйрәнүгә багышланган зур экспедиция оештырыла. Төркемгә житәкче иң яхшы дип саналган студентларны – Фәсиев, Хафизова, Кәримова, Галимжанова (3 курс), Сабирова (1 курс), Маннапова, Габдрахимоваларны (2 курс) сайлап ала. Фән ягыннан бик кирәкле, кызыклы булган материаллар жыеп кайталар. Рабига Афзаловна, студентлар яхшы эшлэгәннәре өчен аларга рәхмәт белдерүләрен сорап, ректор К.П. Ситниковка гариза яза, студентларны һәрвакыт кайгыртып яши (ТР ДА Р-1137: 65).

Икенче бер мисал, язучы Аяз Гыйләжев истәлекләреннән: «...Азык-төлек юнәтер эмәлне белмибез, сала кабартмалары, шыр тилеләр... Кафедра мөдиребез Н.Я. Марр шәкерте Рабига Афзаловна гына күнелне күтәрә» (Замалетдинов, Хабутдинова 2018: 104).

Күренекле шәхесләр – филология фәннәре кандидаты, тел белеме галиме Фазыл Салих улы Фәсиев (1925–2016), филология фәннәре докторы, профессор, язучы Ибраһим Зиннәт улы Нуруллин (1923–1995), филология фәннәре кандидаты, татар әдәбияты белгече Рашат Габдерәшит улы Гайнанов (1925–1990), язучы Аяз Мирсәет улы Гыйләжев (1928–2002) һ.б. – Рабига Афзаловна шәкертләре.

Хәкимова Рабига Авзалованың фәнни-педагогик эшчәнлегенә төп юнәлеш – татар телен укыту мәсьәләләре. Ул докторлык диссертациясе өстендә дә эшли, тикшеренүләр алып бара. Хәтта үз хисабына Мәскүгә командировкаларга йөри. Ләкин, авыру сәбәпле, фәнни хезмәтен тәмамлый алмый (ТР ДА Р-1137: 62). Басылып чыккан фәнни хезмәтләреннән: «Татар теле орфографиясе сүзлегә» (1940); «Каюм Насыров как лингвист» (1947), «Н.Я. Марр и новое учение о языке» (1949), «Тел белән аң, эчтәлек белән форма арасындагы бәйләнеш» (Совет мәктәбе, 1949); «Тел гыйлеменәң яңа баскычында» мәкаләләрен атап үтик.

«Кызыл Татарстан» газетасында 1951 елда басылып чыккан «Тел гыйлеменәң яңа баскычында» мәкаләсендә Рабига Хәкимова болай дип яза (тәржемә. – Х.Б.): «...Филология көчләре зур проблемаларны һәм мәсьәләләргә жентекле өйрәнү һәм хәл итү тирәсенә тупланмаган, һәркем, үз оешмасы, үз кабыгына бикләнеп эш итә, берсе нәрсә эшлэгәнне икенчесе белми, педагогия институты һәм университет филологлары укыту эшләре белән фәнни-тикшеренү эшләрен бергә бәйләп алып баруны тиешле дәрәжәдә оештыра алганнары юк эле. Фәнни-тикшеренү эшләренә житәкчелек итәргә һәм гомумиләштерелгән теоретик гыйльми хезмәт үрнәкләре бирергә тиешле булган Тел, әдәбият һәм тарих институты исә фәнни көчләрнең һәм учреждениеләрнең энергиясен туплауга искиткеч ваемсызлык күрсәтеп килә, әйдәүчелек ролен уйнамый, тел һәм әдәбият фәннәре өлкәсендәге фәнни эшләргә ... үзгәртеп кору үрнәкләрен күрсәтми» (Миң-

Баһаветдинова Х.З. Галимә Хәкимова Рабига Афзаловна:
тормыш юлы һәм эшчәнлеге

нуллин 2016: 153–154). Мәкаләдә китерелгән фикерләр бүгенге көндә дә актуаль дип әйтсәк, ялгышмабыз дип уйлыйм.

Рабига ханым 16 ел дәвамында укытучы булып хезмәт итә. Университетның Тарих-филология факультетының жәмәгать эшләрендә актив катнаша. Татар бүлегендә укыту-тәрбия бирү эше белән житәкчелек итә. Уку төркеменең агитаторы. Казан шәһәренең күп кенә оешмаларында туған телендә чыгышлар ясыый (Усманов: 80).

Рабига Хәкимова – күп кенә Дәүләт бүләкләренә ия шәхес: 1941 елда Мәскәүне саклауда катнашканы өчен СССРның Югары Совет указы нигезендә «Мәскәүне саклау» медале (Усманов: 9), кадрлар эзерләүдә актив катнашканы өчен «Почет билгесе» ордены, күп санлы рәхмәт хатлары белән бүләкләнә (1945, 1948, 1950).

1951 елның 9 маенда Р.А. Хәкимова, авыру сәбәпле (2 группа инвалид), эшеннән азат ителә. 1952 елда вафат була.

Рабига ханым – авыр, кырыс елларда яшәп, милләтебезгә тугры хезмәт итә алган шәхес. Бергә укыган, эшләгән дусларының, сабакташларының күбесен репрессия еллары йоткан. Нечкә күңелле хатын-кызга бу борчулар тәэсир итми калмагандыр. Без бүген аның кичерешләрен аңлап, тормышына сокланабыз.

ЧЫГАНАКЛАР

ТР ДА Р-1137 – Татарстан Республикасы Дәүләт архивы. Ф. Р-1137. Т. 31. Эш 190.

ТР ДА П-1198 – Татарстан Республикасы Дәүләт архивы. Ф. П-1198. Т. 1. Эш 2804.

Усманов – Усманов Х.У. Формирование новой специальности // КФУ НБЛ ОРРК. Ед. хр. 100681/1. Рукопись.

ФӨННИ ӘДӘБИЯТ

Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М. История создания отделения татарского языка и литературы в Казанском университете в воспоминаниях преподавателей и первых студентов // *Tatarica*. 2018. №1 (10). С. 91–112.

Миңнуллин Ф.Г. Тел гыйлеменен яңа баскычында // Татар педагогик фикере антологиясе. 2 т. (XX гасыр – XXI гасыр башы). Казан: Татар. китап. нәшр., 2016.

Автор турында белешмә: Баһаветдинова Халидә Зиннатовна – фәнни хезмәткәр, Татарстан халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлеге, Татарстан Фәннәр академиясенең Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты (420111, Батурин урамы, 7А, Казан, Россия Федерациясе); halida12_61@mail.ru

Редакциягә керде 22.09.2020

Кабул ителде 22.03.2021

Басылды 21.04.2021

**SCHOLAR RABIGA AFZALOVNA KHAKIMOVA:
ACADEMIC WORK AND LIFE PATH**

Kh.Z. Bagautdinova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
halida12_61@mail.ru*

The article highlights the life and scientific and pedagogical work of the outstanding Tatar linguist, associate professor, founder of the department of the Tatar Language and Literature of Kazan State University, Khakimova Rabiga Afzalovna. R.A. Khakimova worked her way up from a rural teacher to an associate professor at university. For many years of work she was awarded with medals and signs of honour. She knew German, Russian, Bashkir and Tatar languages well, as well as she could also communicate in Kazakh and Kyrgyz. R.A. Khakimova completed her postgraduate studies at the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences in Moscow and defended her Ph.D. thesis. The article provides a list of some of the published academic works of the scholar. Khakimova Rabiga Afzalovna was actively involved in the political work, due to which she had to receive reprimands. All of that became an obstacle to a happy family life.

The article also analyzes the work of the Tatar Language and Literature Department in the period from 1944 to 1951. An excerpt from the work of Professor Khatip Guzman “Formation of a new specialty”, which has been kept in the N.I. Lobachevsky library of Kazan University, provides information about the teachers who worked during those years, as well as about the students.

On May 9, 1951 R.A. Khakimova was dismissed for health grounds. Unfortunately, the obstacles that arose in the scholar’s life left their mark: Rabiga Afzalovna’s health deteriorated dramatically, which caused her sudden death.

Keywords: Khakimova Rabiga Afzalovna, autobiography, department of the Tatar language and literature

For citation: Bagautdinova Kh.Z. Galimä Häkimova Rabiga Afzalovna: tormysh yuly häm eshchänlege [Scholar Rabiga Afzalovna Khakimova: Academic Work and Life Path]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 132–140. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.132-140>

REFERENCES

Zamaletdinov R.R., Khabutdinova M.M. Istoriya sozdaniya otdeleniya tatarskogo yazyka i literatury v Kazanskom universitetete v vospominaniyakh prepodavateley i pervykh studentov [The History of Founding the Tatar language and Literature Department at Kazan University in the Memoirs of Teachers and First Students]. *Tatarica*, 2018, №1 (10), pp. 91–112.

*Баһаветдинова Х.З. Галимә Хәкимова Рабига Афзаловна:
тормыш юлы һәм эшчәнлеге*

Minnullin F.G. *Tel gyylemenen yana baskychynda [At a New Stage of Philology] // Tatar pedagogik fikere antologiyase. 2 t. (XX gasyr – XXI gasyr bashy). Kazan: Tatar Book Publ., 2016.*

About the author: Khalida Z. Bagautdinova, Research Fellow, Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); halida12_61@mail.ru

Received September 22, 2020

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

УЧЕНЫЙ ХАКИМОВА РАБИГА АФЗАЛОВНА: НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Х.З. Багаутдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
halida12_61@mail.ru*

В статье освещаются жизнь и научно-педагогическая деятельность выдающегося татарского языковеда, доцента, основателя отделения татарского языка и литературы Казанского государственного университета Хакимовой Рабиги Афзаловны. Р.А. Хакимова прошла путь от сельского учителя до доцента университета. За многолетний труд награждена медалями, знаками почета. Она хорошо знала немецкий, русский, башкирский и татарский языки, могла также изъясняться на казахском и киргизском языках. Р.А. Хакимова окончила аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР в Москве, защитила кандидатскую диссертацию. В статье приводится список некоторых опубликованных научных трудов ученой. Хакимова Рабига Афзаловна активно участвовала и в партийной работе, из-за чего ей приходилось получать выговоры. Все это стало препятствием для счастливой семейной жизни.

Также в статье анализируется деятельность кафедры татарского языка и литературы в период с 1944 по 1951 г. Приводится отрывок из труда профессора Хати́па Гусма́на «Формирование новой специальности», хранящегося в библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Приводятся сведения о преподавателях, работавших в эти годы, а также о студентах.

9 мая 1951 г. Р.А. Хакимова была уволена по состоянию здоровья. К сожалению, препятствия, возникшие на жизненном пути ученой, оставили свой след: здоровье Раби́ги Афза́ловны сильно пошатнулось, что стало причиной ее скоропостижной смерти.

Ключевые слова: Хакимова Рабига Афзаловна, автобиография, кафедра татарского языка и литературы

Для цитирования: Баһаветдинова Х.З. Галимә Хәкимова Рабига Афзаловна: тормыш юлы һәм эшчәнлеге // Историческая этнология. 2021. Т. 6, №. 1. С. 132–140. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.132-140>

Сведения об авторе: Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); halida12_61@mail.ru

Поступила 22.09.2020

*Принята к публикации 22.03.2021
Опубликована 21.04.2021*

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ

Ф.Н. Багаутдинов

*Академия наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
fler5858@mail.ru*

История юридических наук в Республике Татарстан главным образом связана с Казанским университетом. В 1920–1952 гг. в Татарской АССР создаются основы юридического образования, юридических наук. Появляются новые юридические учебные заведения, которые впоследствии подвергаются реорганизации или ликвидации. В статье исследуется история юридических учебных заведений республики, представлены казанские юридические школы в различных отраслях права, наиболее известные ученые-юристы республики, внесшие весомый вклад в развитие юридических наук в Татарстане и в Российской Федерации. Автор раскрывает многоаспектный процесс становления юридических наук в регионе в контексте социально-политической обстановки в стране.

Ключевые слова: история юридических наук, Татарская АССР, Республика Татарстан, Казанский университет, казанские юридические школы, известные ученые – юристы Татарстана

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н. История юридических наук в Республике Татарстан в последнее столетие // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 141–150. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.141-150>

История юридических наук в Республике Татарстан главным образом связана с юридическим образованием в Казанском университете. Юридический факультет этого университета является одним из старейших высших юридических учебных заведений в России. По Уставу 1804 г., подписанному Александром I, нравственно-политическое отделение Казанского императорского университета включало семь кафедр, три из которых были связаны с преподаванием права. В 1919 г. юридический факультет по политическим мотивам был преобразован в факультет общественных наук (ФОН).

Великая Октябрьская революция, гражданская война явились причиной отъезда ряда ученых-юристов из Казани. Речь, в частности, идет об М.М. Агаркове, выпускнике и доценте юридического факультета Казанского университета, впоследствии профессоре, докторе юридических наук, работавшем в различных учебных заведениях страны, в том числе заместителем директора Института права Академии наук СССР; Б.Б. Черепяхине, окончившем юридический факультет Казанского университета, начавшем

научную деятельность в Казанском университете, впоследствии профессоре, докторе юридических наук, работавшем продолжительное время на юридическом факультете Ленинградского государственного университета.

История юридической науки в Татарской АССР в 1920–1952 гг. носит разрозненный характер. В этот период создаются основы юридического образования, юридической науки. Появляются новые юридические учебные заведения, которые подвергаются реорганизации, ликвидации.

В 1922 г. был ликвидирован факультет общественных наук Казанского университета. По решению Совнаркома РСФСР в Казани создаются областные юридические курсы, которые приняли первый поток слушателей в апреле 1923 г. На курсах повышали квалификацию работники органов юстиции республики. Однако указанные курсы не могли дать полноценного юридического образования, поэтому остро стоял вопрос о восстановлении юридического факультета в Казанском университете. Тогдашние наркомы юстиции – Гимаз Богаутдинов, после него – Хафиз Палютин предприняли активные действия для восстановления юридического факультета в Казанском университете. Вместе с Палютиным на приеме у наркома юстиции РСФСР Курского был и начальник отдела Наркомюста А.Т. Бажанов. Курский поддержал ходатайство. Вскоре юридический факультет был восстановлен в университете в виде факультета советского строительства и права. Это привлекло к преподавательской работе в Казани известных ученых–юристов профессоров Б.И. Сыромятникова, П.Н. Галанзу, П.М. Толстого, А.М. Винавера, доцента М.А. Сегалья. Почти все они впоследствии были обвинены к принадлежности к «буржуазной профессуре», подверглись необоснованной критике и покинули Казань.

Роль юристов и юридических наук в этот период подтверждает и то обстоятельство, что в 1928–1931 гг. ректорами Казанского государственного университета являлись ученый-юрист П.Н. Галанза, практики-юристы М.А. Сегаль и Г.Б. Богаутдинов.

В 1931 г. в ходе социально-политических преобразований происходит очередная реформа юридического образования. Факультет советского строительства и права Казанского университета был ликвидирован, вместо него созданы два института – Казанский институт советского строительства и Казанский институт советского права, впоследствии – Казанский правовой институт, затем – Казанский юридический институт. Основная его направленность состояла в подготовке юридических кадров для национальных республик.

В этот период в Казани работали многие начинающие юристы, которые впоследствии стали известными юристами, крупными руководителями. Например, в 1936–1941 гг. преподавателем и заместителем директора Казанского юридического института работал Д.Н. Исупов. Перед Великой Отечественной войной он был назначен прокурором Татарской АССР, а позднее – директором Свердловского юридического института.

Будущий Генеральный прокурор СССР К.П. Горшенин родился в г. Алатыре в Чувашии, вырос в пригороде Казани, учился на факультете

советского строительства и права Казанского университета, а после его закрытия – в Ленинграде. В 1935–1937 гг. он работал заместителем директора Казанского юридического института, впоследствии стал Наркомом юстиции РСФСР, Генеральным прокурором СССР, Министром юстиции СССР; возглавлял Всесоюзный институт юридических наук (ныне – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации), доктор юридических наук, профессор.

В 30-е годы в Казани вели научную и педагогическую деятельность такие известные в будущем юристы, как С.Ф. Кечекьян, Г.Я. Клява, С.Н. Братусь, впоследствии крупный ученый-цивилист, доктор юридических наук, профессор, директор Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства.

П.И. Тарасов-Родионов родился в Казани. После Октябрьской революции работал в различных органах революционной юстиции Казани. Затем поступил на службу в органы прокуратуры и вырос до следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. П.И. Тарасов-Родионов первым в СССР создал теорию следственного эксперимента, начал его применять в практике и с его помощью раскрыл ряд запутанных убийств. Впоследствии следственный эксперимент был официально признан и закреплен в качестве следственного действия в УПК РСФСР. Тарасов-Родионов внес большой вклад в науку о расследовании преступлений. Он исполнял обязанности директора Института криминалистики прокуратуры СССР, а в последние годы жизни возглавлял курсы по переподготовке работников прокуратуры в Ленинграде.

Выпускником Казанского института советского права (правового института) являлся П.С. Ромашкин, впоследствии доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института государства и права АН СССР, выдающийся советский ученый-юрист по уголовному праву, в том числе по вопросам уголовной ответственности за преступления против мира и человечества, международные преступления, один из разработчиков материалов и документов по расследованию военных преступлений немецких фашистов, Устава Международного военного трибунала, других правовых основ реализации Нюрнбергского и Токийского судебных процессов. Ромашкин консультировал Главного государственного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко по вопросам международного уголовного права.

Выпускником Казанского юридического института также являлся М.И. Пискотин, впоследствии доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Советское государство и право», член Комитета Конституционного надзора СССР, руководитель Центра политологических исследований Института государства и права Академии наук СССР. Он активно участвовал в работе над проектом Конституции РСФСР 1978 г.; один из разработчиков законов о конституционном надзоре и местном самоуправлении. В историю юридической науки вошел как ведущий специалист по государственному управлению и финансовому праву.

Репрессии 30-х годов не обошли стороной юридическую науку и практику. Подверглись необоснованным репрессиям и были расстреляны инициаторы создания факультета советского строительства и права университета, наркомы юстиции Г.Б. Богаутдинов и Х.Р. Палютин.

Были репрессированы преподаватели Казанского юридического института Д.М. Пронин (осужден к 10 годам лагерей), В.П. Исаев (расстрелян), Н.В. Болотов (осужден к 10 годам лагерей) и другие. Спасаясь от необоснованных обвинений, покинул Казань и оказался в Алма-Атинском юридическом институте доцент Казанского юридического института А.Т. Бажанов.

Подверглась репрессиям, была отправлена в ссылку и там умерла от болезни Амина Мухитдинова, окончившая в 1919 г. факультет общественных наук Казанского университета, первая женщина-татарка, получившая высшее юридическое образование. Впоследствии она закончила Институт красной профессуры в Москве, занимала ответственные посты – была заместителем Наркома юстиции Татарской республики, председателем Совнарсуда, судьей Верховного Суда РСФСР, написала книгу о преступлениях, составляющих пережиток родового строя. Репрессии нанесли непоправимый урон развитию юридических наук в Татарской АССР.

В довоенные и послевоенные годы в Казани работали Казанская юридическая школа, созданная на базе Казанских областных юридических курсов, Казанский филиал Всесоюзного юридического заочного института, которые также готовили кадры для органов юстиции и вели научную деятельность.

Великая Отечественная война призвала всех на защиту Родины. Выпускник Казанского юридического института Н.С. Захаров ушел на фронт, был ранен, награжден боевыми орденами и медалями. И.А. Емельянова ушла добровольцем на фронт в 21 год, проходила службу в качестве телефонистки в частях особой московской армии противовоздушной обороны. Впоследствии она закончила Казанский юридический институт, защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом и многие годы читала лекции по государству и праву зарубежных стран на юридическом факультете Казанского университета. Участниками Великой Отечественной войны являлись профессора Р.С. Ажимов, Б.С. Волков, доценты А.М. Каримов, А.Н. Эртевциан и другие.

Мощный толчок развитию юридических наук и юридического образования в Татарской АССР дало восстановление в 1952 г. юридического факультета Казанского университета. Здесь в разное время вели научную и педагогическую деятельность многие известные ученые, которые создали свои казанские юридические школы. Символично, что первым деканом факультета после восстановления был назначен А.Т. Бажанов. Он стал и первым защитившимся доктором юридических наук на юридическом факультете Казанского университета. Объектом его диссертационного исследования стала Парижская Коммуна. Александр Тихонович хорошо знал французский язык, был влюблен в Парижскую Коммуну и ее лидеров. Настоящими организаторами и руководителями юридической науки проявили себя деканы юридического факультета Казанского университета. После А.Т. Бажанова эти многотрудные и сложные обязанности успешно исполняли Р.С. Ажимов,

Ф.Н. Фаткуллин, Я.С. Аврах, В.В. Петров, В.П. Малков, Ф.Р. Сундуrow, А.А. Рябов, И.А. Тарханов.

Всеобщую известность в стране и за рубежом получила казанская школа международного права, основанная доктором юридических наук, профессором Д.И. Фельдманом. Давид Исаакович является основоположником исследований по вопросам правосубъектности в международном праве и проблем признания в международном праве. Его труды продолжили ученики и последователи – доктора юридических наук, профессора Г.И. Курдюков, Л.Х. Мингазов, А.И. Абдуллин, Р.М. Валеев, Р.Ш. Давлетгильдеев. Известным представителем казанской школы международного права являлся доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан В.Н. Лихачев, который, кроме успешной научной деятельности, занимал и важные государственные посты в Татарстане и Российской Федерации, в международных организациях за рубежом, в том числе был представителем Российской Федерации при Европейском сообществе, Чрезвычайным и Полномочным послом.

Ярким представителем казанской школы уголовного права являлся доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР А.А. Пионтковский. Он успешно сочетал научную работу с практикой, работал членом Верховного Суда РСФСР, подготовил и издал фундаментальный труд – шеститомный курс советского уголовного права. Традиции казанской школы уголовного права создали и продолжили Б.С. Волков, В.П. Малков, Ф.Р. Сундуrow, И.А. Тарханов, М.Д. Лысов, Б.В. Сидоров, И.И. Бикеев и др. Виктор Павлович Малков отдал юридическому факультету Казанского университета многие годы, начав с должности ассистента, поднявшись до декана юридического факультета, возглавлял кафедру уголовного права. Этот уникальный специалист воспитал и подготовил 11 докторов и 75 кандидатов юридических наук, которые под его научным руководством защитили диссертации. В.П. Малков является основоположником учения о множественности преступлений, внес большой вклад в науки уголовного права и уголовного процесса. Представители казанской школы уголовного права, доктора юридических наук успешно работают в различных городах и вузах: А.В. Наумов, Т.Г. Понятовская (г. Москва), Т.Н. Нуркаева (г. Уфа), В.А. Якушин (г. Тольятти), С.В. Тасаков (г. Чебоксары).

Уроженец Кукморского района, выпускник Казанской юридической школы, доктор юридических наук, профессор Х.М. Ахметшин по праву считается одним из основоположников, «патриархом» российской военно-юридической науки. Он разработал основы уголовного законодательства Российской Федерации о военных преступлениях, многие годы работал в Военном университете (г. Москва).

Не менее славную историю имеет казанская школа уголовного процесса, в которую в различные годы входили доктора юридических наук Ф.Н. Фаткуллин, Н.Г. Муратова, А.Ю. Епихин, Ф.Н. Багаутдинов, М.В. Беляев, А.А. Юнусов. Казанскую школу уголовного процесса в других городах представляют доктора юридических наук Ф.М. Кудин

(г. Краснодар), В.А. Козлов, С.П. Ефимичев (г. Москва); 3.3. Зинатуллин (г. Ижевск). Л.Д. Калинкина (г. Саранск).

На юридическом факультете Казанского университета преподавали многие руководящие работники прокуратуры Республики, Верховного Суда Татарстана, которые, обладая огромным практическим опытом, увлеченно занимались и наукой – И.Х. Хамидуллин, А.Х. Валиев, М.Х. Хабибуллин, М.С. Френкель, К.Ф. Амиров и др.

Важное место в системе юридического образования и юридической науки занимает теория и история государства и права. Соответствующую кафедру в Казанском университете в разные годы возглавляли выдающиеся ученые Д.И. Фельдман, Ф.Н. Фаткуллин, Ю.С. Решетов и др. В качестве основного научного направления исследований была выбрана тема «Реализация права и применение». В связи с этим большинство научных исследований кафедры были посвящены вопросам применения, реализации права. Указанные вопросы нашли свое отражение в диссертационных исследованиях В.В. Лазарева, Ю.С. Решетова, Т.Я. Насыровой (Хабриевой), А.В. Погодина и др.

Одним из первых, кто стоял у истоков теоретической научной школы в Казанском университете, был профессор Ф.Н. Фаткуллин, который также известен как выдающийся процессуалист. Его научные интересы были связаны не только с актуальными вопросами уголовного процесса, но и с исследованием проблем теории государства и права, социальной ценности и эффективности права. Глубокий анализ изучаемых вопросов, системный подход стали залогом востребованности написанных им научных работ и учебников по проблемам теории государства и права.

Казанской теоретической школе принадлежит также выдающийся ученый В.В. Лазарев. Он стал первым из юристов, кто был удостоен премии Ленинского Комсомола за цикл работ по проблемам пробелов в праве (1972 г.). Его глубокие теоретические знания нашли применение на практике: В.В. Лазарев был представителем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации; вошел в рабочую группу по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации (2020 г.).

Важную роль в создании и развитии основ советского строительства, затем конституционного строя в Республике Татарстан сыграли представители науки государственного, затем конституционного права. Для этой сферы общественных отношений было характерным тесное взаимодействие науки и практики. Этому способствовало и то обстоятельство, что заведующим кафедрой, а затем доцентом кафедры конституционного и международного права долгие годы работал кандидат юридических наук С.Г. Батыев, Председатель Президиума Верховного Совета Татарской АССР.

Признанным авторитетом науки конституционного права является доктор юридических наук, профессор Б.Л. Железнов, который до научной деятельности прошел большую жизненную школу в органах прокуратуры, печати. В суверенные 90-е годы Б.Л. Железнов работал в составе Конституционной комиссии Татарстана и по праву считается одним из авторов Конститу-

ции Республики Татарстан. Как эксперт Борис Леонидович участвовал в переговорах между Республикой Татарстан и Российской Федерацией по заключению Договора о разграничении полномочий. В 1990 г. его принимал Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин, с которым он обсуждал вопросы государственного устройства Российской Федерации и республик.

Казанские ученые-специалисты конституционного права исследовали не только различные вопросы теории и практики конституционного процесса, они изучали и вопросы федерализма, статуса субъектов федерации, в том числе применительно к отношениям Российской Федерации и Республики Татарстан на современном этапе. Не случайно в конце XX в. приоритетными направлениями юридических научных исследований стали важные для республики вопросы: правосубъектности Республики Татарстан в системе российского федерализма; разграничения полномочий между федеральным центром и регионами; регулирования международных экономических отношений регионов; организации государственной, муниципальной власти в регионах. Ученые-юристы республики внесли достойный вклад в разработку указанных вопросов. Серьезный вклад в исследование актуальных проблем российского конституционного права также внесли доктора юридических наук И.Г., Горбачев А.Г. Гатауллин, В.Н. Демидов, М.М. Курманов, Е.В. Колесников. Высокий уровень казанской школы конституционного права подтвердило включение в число ведущих российских специалистов, работавших над поправками в Конституцию РФ 2020 г., и заведующего кафедрой конституционного права Казанского федерального университета доцента Е.Б. Султанова.

История Республики Татарстан через призму деятельности государственных, правоохранительных, судебных органов также нашла отражение в научных исследованиях ученых-юристов. Одним из ведущих ученых по проблемам государственно-правового строительства Татарской Республики после Октябрьской революции стал профессор Н.С. Захаров, который защитил докторскую диссертацию по теме «Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата». Вопросам развития государственности Республики Татарстан были посвящены работы И.А. Емельяновой, А.Т. Бажанова, Ф.Н. Фаткуллина, Ш.Ш. Хафизова, А.М. Каримова, Р.И. Тарнопольского, В.А. Юсупова, Е.К. Алексашкина.

На юридическом факультете Казанского университета доктором юридических наук И.Г. Горбачевым был впервые разработан новый курс по дисциплине «История национальной государственности Республики Татарстан» и начато его преподавание.

Славные традиции казанской школы цивилистики – гражданского права и гражданского процесса, смежных наук – продолжили доктора юридических наук, профессора Р.С. Ажимов, В.В. Петров, Н.А. Волков, Г.К. Матвеев, И.В. Павлов, М.Ю. Челышев, З.М. Фаткутдинов, А.А. Рябов, Д.Х. Валеев, Я.Ф. Фархтдинов, З.Ф. Сафин, З.Ф. Хусаинов.

В 2005–2017 гг. в серии «Жизнь замечательных юристов» доктор юридических наук Ф.Н. Багаутдинов подготовил и издал семнадцать книг,

посвященных известным юристам Республики Татарстан, руководителям правоохранительных органов. Масштабное исследование напрямую связано с историей Республики Татарстан. Среди героев этих книг такие известные государственные и партийные деятели, ученые и практики как Амина Мухитдинова, Шайхаттар Иманаев, Гимаз Богаутдинов.

Выпускники юридического факультета Казанского университета, представители казанской юридической школы успешно возглавляли различные юридические вузы: доктор юридических наук, профессор В.А. Юсупов – Волгоградский институт экономики, социологии и права; доктор юридических наук, профессор В.А. Якушин – Волжский университет им. В.Н. Татищева в г. Тольятти; доктор юридических наук, профессор Ю.Н. Демидов – Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Москва); доктор юридических наук, профессор А.Г. Хабибуллин – Академию экономической безопасности МВД Российской Федерации (г. Москва).

В 90-е годы XX в. появились и первые негосударственные высшие учебные заведения юридического профиля: Казанский социально-юридический институт (Академия социального образования), ректор академик Г.В. Мухаметзянова; Институт экономики, управления и права (Казанский инновационный университет), ректор В.Г. Тимирясов, Институт «ТИСБИ» (Университет управления «ТИСБИ»), ректор Н.М. Прусс и др. Указанные негосударственные юридические вузы активно включились в образовательную и научную деятельность. В эти и последующие годы в Казани начинают работать филиалы ведущих московских юридических вузов – Российского государственного Университета правосудия, Всероссийского государственного Университета юстиции, Университета прокуратуры Российской Федерации, осуществляющие активную образовательную деятельность.

Современную юридическую науку невозможно представить без женщин-юристов. Многие годы плодотворную научную деятельность в Казанском университете вела доктор юридических наук, профессор, известный специалист в области трудового права и социального обеспечения А.К. Безина. В ее трудах были исследованы вопросы, касающиеся теории трудового права, судебной практики и ее роли в механизме правового регулирования трудовых отношений. Профессор Р.В. Шагиева стала первой в Татарстане женщиной доктором юридических наук по специальности «Теория и история государства и права, история учений о праве и государстве». Сегодня юридический факультет Казанского (Приволжского) федерального университета впервые возглавляет женщина – декан, доктор юридических наук Л.Т. Бакулина. В стенах университета и в других казанских вузах ведут успешную научную деятельность доктора юридических наук М.В. Талан, М.Н. Илюшина, Н.Е. Тюрина, С.В. Барабанова, Т.В. Губаева, Р.И. Ситдикова, Г.Р. Шайхутдинова, Р.Н. Салиева.

Ярчайшим представителем российской юридической науки, тесно связанным с казанской юридической школой, является Талия Ярулловна Хабриева. Она родилась и выросла в Казани, с отличием окончила среднюю школу и юридический факультет Казанского государственного университе-

та. Именно в Казанском университете она начала свой путь в большую науку, затем блестяще защитила кандидатскую диссертацию, стала доктором юридических наук. При этом Талия Ярулловна, являясь ведущим правоведом в нашей стране, успешно совмещает исследовательскую деятельность и работу на государственном поприще. С 2001 г. она возглавляет Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – главную юридическую лабораторию для институтов высшей государственной власти. Т.Я. Хабриева входит в состав комиссий и советов при высших органах государственной власти Российской Федерации, включенных в основные реформы политической, экономической и социальной жизни страны (Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции; комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров и по государственным наградам; комиссии Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности; комиссии Правительства Российской Федерации по проведению административной реформы и др.). Основные научные работы Т.Я. Хабриевой посвящены телеологическому (целевому) толкованию законов, Конституции Российской Федерации, вопросам теории конституции и конституционного развития современных государств, парламентаризма, федерализма. Признанный авторитет в науке конституционного права и теории права, она является автором уникальных исследований правовых проблем самоопределения этносов; регулирования миграционных отношений. Под ее руководством был подготовлен один из первых в России учебников по парламентскому праву, допущенный Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов юридических факультетов.

Т.Я. Хабриева – первая женщина-юрист, ставшая академиком Российской Академии наук; вице-президент РАН России (2013–2017 гг.); заместитель Президента РАН (2018 г. – по настоящее время). Талия Ярулловна является представителем Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), в состав которой входят эксперты, обладающие признанным авторитетом и внесшие значительный вклад в развитие права и политологии. Она один из соавторов обновленной Конституции Российской Федерации 2020 г., сопредседатель Рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации (2020 г.), представитель Президента Российской Федерации при рассмотрении палатами Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных конституционных законов, разработанных в целях реализации новых положений Конституции Российской Федерации. Несмотря на включенность в политико-правовые процессы в РФ и активную административно-государственную работу, Талия Ярулловна продолжает поддерживать тесные научные связи со своей альма-матер, является членом Попечительского совета Казанского университета, способствует укреплению научного потенциала кадров юридического факультета Казанского федерального университета.

Эволюция юридических наук на территории современного Татарстана происходила под влиянием социально-политической обстановки в стране. Такая связь проявлялась как в институциональных изменениях, так и в содержании научных исследований.

Сведения об авторе: Багаутдинов Флер Нуретдинович – доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Баумана, 20, Казань, Российская Федерация); fler5858@mail.ru

Поступила 16.02.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

THE HISTORY OF JURISPRUDENCE IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN THE LAST CENTURY

F.N. Bagautdinov

Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

fler5858@mail.ru

The history of jurisprudence in Tatarstan is associated mainly with the Kazan University. In 1920–1952, the foundations of legal education and legal science are created in Tatarstan. New legal educational institutions appear and undergo reorganization or liquidation. The article examines the history of legal educational institutions of the republic, presents Kazan law schools in various branches of law, the most famous legal scholars of the republic who have made a significant contribution to the development of jurisprudence both in Tatarstan and in the Russian Federation. The author reveals the multifaceted process of establishing legal science in the region in the scope of the social-political situation in the country.

Keywords: history of legal sciences in Tatarstan; Kazan University; Kazan law schools; famous scientists – lawyers of Tatarstan

For citation: Bagautdinov F.N. Istoriya yuridicheskikh nauk v Tatarstane v poslednee stoletie [The History of Jurisprudence in the Republic of Tatarstan in the Last Century]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 141–150. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.141-150>

About the author: Fleur N. Bagautdinov, Doctor Sc. (Law), Associate Professor, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (20 Bauman St., Kazan 420111, Russian Federation); fler5858@mail.ru

Received February 16, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

Документы

УДК 82-94=512.145

ИСТӘЛЕКЛӘРДӘ – СУГЫШ КАЙТАВАЗЫ

И.Г. Закирова

Татарстан Фәннәр академиясенең

Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты

Казан, Россия Федерациясе

ilzakirova@mail.ru

1948 елда Тел, әдәбият һәм тарих институты галимнәре Хәмит Ярми белән Халидә Гатина оештырган фольклор экспедициясе вакытында язып алынган истәлекләр һәм сугыш чоры бәете тәкъдим ителә. Экспедиция Татарстанның Актаныш, Калинин, Мөслим һәм Минзәлә районнары авылларында була. Экспедициядә Казан дәүләт университетының өченче курс студенты, килчәктә тарихи романнар авторы булып танылачак Нурихан Фәттахов та катнаша.

Сугыштан соңгы экспедицияләр вакытында информантларның күбесе Бөек Ватан сугышында катнашкан кешеләр, фронтовиклар була. Алар Бөек Ватан сугышы турында шактый гына истәлекләре белән дә уртаклашалар, үзләре катнашкан яулар, сугышчан дуслары турында сөйләләр.

Беренче истәлек Мөхәммәтзия Вәлиев сөйләве буенча язып алынган. Мөхәммәтзия Ленинград һәм Сталинград фронтларында өч ел разведчик була, дүрт тапкыр яралана. Разведчик-сфрейторның истәлекләрендә Сталинград фронтында разведкага барган бер көн бәян ителә. Салих Шакиров Бөек Ватан сугышын гвардия капитаны дәрәжәсендә тәмамлый, күрсәткән батырлыклары өчен Кызыл Байрак ордены һәм «За отвагу» медале белән бүләкләнә. Салих Шакиров разведка бүлегә командиры була, истәлекләрендә дә немец тылына тел алырга барган вакытта булган вакыйгаларны искә төшерә. Мирза Ибраһимов Украинада, Днепр буенда барган каты яулар турында сөйли. Истәлектә сугышчыларның соңгы чиккә кадәр танкларга каршы торуы, немец танкларын шартлатуы, яраланучылар турында сүз бара. Шәймәрдәнов Хәниф эсирлек фажигасен бәян итә.

Язмаларга төзәтмәләр кертелмәде. Бу информантларның жанлы сөйләмен тоярга да, истәлекләрдәге вакыйгаларны тулырак күзалларга да ярдәм итә. Документлар Татарстан Фәннәр академиясенең Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының «Мирасханә» Язма һәм музыкаль мирас үзеге фондында саклана (34 нче коллекция, 4 нче папка).

Төп төшенчәләр: истәлекләр, Бөек Ватан сугышы, фольклор экспедицияләре, Тел, әдәбият һәм тарих институты

Сылтама ясау өчен: Закирова И.Г. Истәлекләрдә – сугыш кайтавазы // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 151–170. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.151-170>

Бөек Ватан сугышы тәмамлануның өченче жәендә Казаннан Тел, әдәбият һәм тарих институты фольклорчылары Хәмит Ярми белән Халидә Гатина Татарстанның Актаныш, Калинин (1959 елда таркатылган район, территориясе Актаныш һәм Мөслим районнарына бирелә), Мөслим һәм Минзәлә районнары авылларына фольклор экспедициясенә чыгалар. Экспедициядә Казан дәүләт университетының өченче курс студенты, киләчәктә тарихи романнар авторы булып танылачак Нурихан Фәттахов һәм икенче курс студенты, язучы Гариф Ахуновның булачак тормыш иптәше, Шаһидә Максудова да катнашалар. Алар 11 июньнән 14 июльгә кадәр, айдан артык вакыт эчендә, 38 авылда булып, халык белән аралашалар, фольклорның күп төрле жанрларына караган материал туплыйлар. Бу материаллар соңрак күп санлы жьентыкларда, 12 томлык «Татар халык ижаты» академик басмасында урын алачак.

Галимнәр 43 әкият, 7518 кыска жыр, күп санлы сюжетлы жырлар, мөкаль-әйтемнәр, такмаклар һәм такмазалар, балалар һәм яшьләр уеннарына караган материал туплыйлар, хәзерге вакытта онытылып барган жьеннар турында мәгълүмат язып алалар.

Сугыштан соңгы экспедицияләр вакытында информантларның күбесе Бөек Ватан сугышында катнашкан кешеләр, фронтовиклар була. Алар Бөек Ватан сугышы турында шактый гына истәлекләре белән дә уртаклашкан. Сүз уңаеннан, фронтовиклар истәлекләр генә түгел, халык ижатына караган шактый материал да яздырганнар. Мәсәлән, Иске Кормаш авылында туып-үскән Насыйри Фаррахов шактый гына әкиятләр яздыра. Ул 1936 елдан сугышка кадәр шофер булып эшли, сугыш башыннан машинасы белән сугышка китә. Сугышта башта шофер, аннан соң, 1941 елда ук десант бригадасында разведчик була. Фронтта 110 Александров гвардия дивизиясендә хезмәт итә. Кавказ фронтында була. 1942 елда алты айлык разведчиклар курсына үткәч, өч мәртәбә парашют белән дошман тылына төшә. Бу десант сугышлар белән үзбездән фронтка кушыла. 1943 елның октябрь аенда II Украина фронтында Днепрны кичеп чыкканда каты яралана. 1944 елда яраланып авылга кайта. Ул I дәрәжә Ватан сугышы ордены, «За боевые заслуги», «За доблестный труд» медальләре белән бүләкләнә.

Экспедиция вакытында һәр авылда фронт узган информантлар очрап торган. Фронтовиклар истәлекләрендә үзләре катнашкан яулар, сугышчан дуслары турында сөйләләр. Шушы районда туып үскән геройлар турында истәлекләр дә очрый. Мәсәлән, Халидә Гатина Татар Әжбие авылында 1892 елда туган Ханнан Маликовтан үз авылларында туып үскән Баян Дәүләтов турында истәлекләр язып ала. Баян Дәүләтов Белоруссия жирендә барган каты сугышлар вакытында 19 яшендә һәлак була, Советлар Союзы герое исеме һәм Ленин ордены аңа һәлак булганнан соң

бирелә. Ханнан Маликов Баянның 10 яшьтән ятим калган авыр балачагын, хәрби хезмәт турында балачактан хыяллануы турында сөйли, аның белән бәйле вакыйгаларны искә ала.

Сугыш турында беренче истәлек Вәлиев Мөхәммәтзия сөйләве буенча язып алынган. Мөхәммәтзия Вәлиев Ленинград һәм Сталинград фронтларында өч ел разведчик булган, дүрт тапкыр яраланган. 36 яшьлек элекке разведчик-ефрейторның истәлекләрендә Сталинград фронтында разведкага барган бер көн баян ителә. Гаярь татар егете тиз генә кирәкле карар кабул итә, үзен дә, сугышчыларын да саклый белә, беркайчан да кирәкле документларны яки телне кулга төшермичә кайтмый. Шул ук вакытта бу истәлекләр шулкадәр самими, аларда арттыру да, бизәп күрсәтү дә юк.

Сугыш турындагы истәлекләре белән уртаклашкан Такталачык авыл советы рәисе Шакиров Салих (1911 елгы, 1948 елда 37 яшьтә) Бөек Ватан сугышын гвардия капитаны дәрәжәсендә тәмамлаган, күрсәткән батырлыклары өчен Кызыл Байрак ордены һәм «За отвагу» медале белән бүләкләнгән. Салих Шакиров разведка бүлеге командиры була, истәлекләрендә дә немец тылына тел алырга барган вакытта булган вакыйгаларны искә төшерә.

Сугыш турында истәлекләре белән уртаклашкан икенче кеше Чалманарат авылында колхоз счетоводы булып эшләгән Мирза Ибраһимовка сугыш беткәндә нибары 20 яшь була. Мирза Ибраһимов Украинада, Днепр буенда барган каты яулар турында сөйли. Истәлектә сугышчыларның соңгы чиккә кадәр танкларга каршы торуы, немец танкларын шартлатуы, яраланучылар турында сүз бара. Бу истәлекләрдә сугыш картинасы, яулар шулкадәр төгәл баян ителә, алар документаль кадрлар булып күз алдына баса. Мирза Ибраһимов үзенең беренче тапкыр яралануын һәм бүләкләнүен дә баян итә. Сүз уңаеннан әйтеп китү урынлы булып, экспедициядән соң дүрт ел узгач, 1952 елның ахырында булчак язучы Илфак Ибраһимов туып, әтисенең Мирзамөхәммәт дигән тулы исемен Мөхәммәт Мирза буларак татар әдәбияты тарихына кертәчәк.

Мөслим районының Сикия авылында яшәүче Шәймәрдәнов Хәниф (1948 елда 38 яшь) үзенең истәлегендә әсирлек фәжигасен баян итә. Рядовой Шәймәрдәнов авыр яраланып дошман кулына элгә, шул көннән фашист концлагерьларында исән калу өчен көрәш башлана. Әсирләрне бер лагерьдан икенчесенә күчереп, аларны ахыр чиктә Майданек лагерьына илтәп житкерәләр. Майданек – Польша жирендәге Освенцимнан кала зурлыгы белән икенче урында торган үлем лагере була. Бу лагерьда исән калу бик сирәкләргә генә элгә.

Экспедиция вакытында Бөек Ватан сугышына багышланган жырлар, бәетләр дә язып алына. Сугышта һәлак булган Фәйзулла Абдуллинга багышланган бәет 1941 елның сентябрь аенда Калинин районы Уразмәт авылында чыгарылган. Бәет астында берничә генә юллык искәртмә дә сакланган: «Бу чорда котырылган фашистлар Совет иленә каршы сугыша иде. Шул вакытта иптәш Абдуллин Фәйзулла дошманга каршы аяусыз көрәш

алып бара иде. Ләкин көтмәгәндә башына гранат кыйпылчыгы тиеп тормыштан югала. Иптәш Абдуллинның шушы үлгән вакытта янында бергә булган иптәшләренең сөйләве буенча бу бәет чыгарыла». Авылга килгән беренче похоронка булу, Фәйзулла Абдуллинның һәлак булган вакытында иптәшләре дә янында булу, аларның бу хакта хәбәр жибәрүләре дә бәет чыгаруга этәргеч булгандыр. 1941 елда, халык, Совет иле иң-иң дип, сугышны менә бетәр, менә сугышка киткәннәр тиз генә фашистны жиңеп кайтыр дип өмет белән яшәгәндә, сугыш башлануга килгән үлем хәбәре халыкка бик авыр тәэсир иткән, күпләр сугышның бөтен фажигасен шушы похоронка белән генә төшенгәннәрдер дә.

Сезнең игътибарга 1948 елда фольклор экспедициясе вакытында язып алынган, Бөек Ватан сугышы фронтовикларының истәлекләрен һәм сугыш чоры бәетен тәкъдим итәбез. Язмаларга төзәтмәләр кертелмәде. Бу информантларың жанлы сөйләмен тоярга да, истәлекләрдәге вакыйгаларны тулырак күзалларга да ярдәм итә. Документлар Татарстан Фәннәр академиясенең Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының «Мирасханә» Язма һәм музыкаль мирас үзеге фондында саклана (34 нче коллекция, 4 нче папка).

Сугыш истәлекләре

I

Мин Сталинград фронтында идем. Безгә разведкага барырга туры килде. Бу 1943 елны була инде. 23 январь көнне. Сәгать төнгә 2–3 тирәсе. Безгә бирелә задача язык алып кайтырга. Без өчәү: мин – Валеев, Мещеряков, Емоглатов, алар руслар. Аларга мин старший. Пуртанк дигән рабочий поселок бар. Разведрота командиры Семепота безгә шунда барырга приказ бирә инде. Без күрешеп чыгып китәбез болар белән. Без барабыз инде тау башына, поселокка. Поселокка килеп керәбез. Жортлар тактадан нык итеп эшләнгән. Немец тавышлары ишетелми. Бер жортка килеп керәбез, бәләкәй генә жортка. Әйтергә кирәк, 16–17 яшьләрдәге бер кыз бар. Монда бер карчык, анасыдыр. Без алай-болай охран калдырмадык бит. Ә кыз минем муеннан кочаклап алды. Безнең ди, кызылармеецлар бит бу, ди кыз әнкәсенә. Сөенә бу кыз, жылый. Карчык әйтә: «Атаң кая икән?» ди. Озак та үтми бер карт кеше килеп керә. Тегеләр өчәү, без дә өчәү шул жортта. Хәзер алты кеше булдык. Мин әйтәм Мещеряковка: «Бу бабайдан сораштыр, немецлар кайда?» дим, үзем русча яхшы белмим инде. «Кая хәзер, ди карт әйтә, сезгә сүләп торырга вакыт юк, ди. Каян килдегез, шунда китегез, ди. Мин сезне жәлләп әйтәм, ди. Шушы жортта унбер немец тора, ди. Хәзер кайтып керерләр, ди. Тизрәк чыгып китегез», ди. Шул сүзгә каршы мин әйтәм: «Шуларны эзлибез бит бабай, алардан качарга килмәдек». «Юк, балакаем, чыгып китегез, барыбер әрәм буласыз бит, ди. Әнә кайталар да инде!» ди.

Вакыт аз. Ужә шатырдап килеп тә керәләр, бер сүз әйтеп булмый. Кул белән генә тегеләргә мич артына керегез, дим. Үлсәм үзем генә үләрмен, бөтенезгә берьюлы үләргә кирәкмәс. Немецлар ишекне ачып килеп

керделәр. Минем кулда автомат. Немецның гәүдәсе ишектән кереп житмәде, мин автоматтан ата башладым. Тегеләр ни, коридор тар булу сәбәпле, артка чигә башладылар. Минем атуым ату булды, өчөбезнең тегеләрне таптап чыгып китүе булды. Хәзер Мещеряковка задание шуны бирдем: «Иптәш Мещеряков, син боларның икесенең дүкәмитен ал!» дим. Безгә башка нәрсә кирәкми. Без бик ашыктык. Без китүгә өйдәгеләр ап-ак булып калдылар. Тизрәк китәргә кирәк бит. Мещеряков документларын алды боларның. Без озакламый үзөбезнең штабка кайтып киттек.

Хәзер комротага дүкәмитләрне бирдек, доложить иттек. Комрота безгә «Задача моның белән генә бетмәде, диде. Безгә, диде, тере язык тотып алып кайтырга кирәк. Бик авыр эш вакыты, ашагыз да, тагын китәрсез», диде.

Азрак тамакка капкаладык та, чыгарга эзерләндек. Монысы Трактор заводы буеннан барырга инде. «Иптәш Вәлиев, диде комрота, мин бая сезгә язык алып кайтырга дигән идем, дия. Сез алып кайта алмасагыз да, зур эш эшләдегез», дия. Ләкин безгә шундый задача: языкны ничек тә алып кайтырга. Әле без Пуртанка барган идек, хәзер Борба дигән рабочий поселокка барабыз. Комрота безгә карта буенча күрсәтеп бирә. «Сез барасыз шунда, дия, задача дия, шунда немецлар торамы, юкмы дия, аннан соң язык алып кайтырга», дия.

Без чыгып киттек. Бер төнгә сәгать 4–5 тирәләре. Ай яктысы якты ул вакытта. Кышкы төн бит. Хәзер без өчәүләп чыгып киттек. Безнең фронт туктаган жиргә килеп життек бер чокыр буйлап. Пулеметный рота командиры белән сөйләштек тә, үзөбезнең кая китәсене белгерттек тегенә карта буенча. Бу тирәгә атмагыз дибез, эгәр без атына башласак, уң яклап безгә ярдәм итәрсез дибез. Яр буенда эрәмәлек арасы. Ята-тора барабыз. Японга килеп чыктык. Бер жорт шәүләсе күренә жыракта, 150–200 метрлар чамасы бар. Хәзер түш белән шуып барабыз шунда. Жортның кырына килеп життек. Бер аяк тавышы ишетелә. Бу жортлар икәү икән. Бер-беренең арасы 30–35 метрлар тирәсе. Шулар ике арада бер часовой тора. Часовойны күрдек. Мещеряковка әйтәм, шулар часовойны кулга төшерергә кирәк, дим. Мещеряков бара да, часовойның йөрәгенә кадый. Кызу канлы бит егет. Аның первый эше эле. Ә безгә язык кирәк. Бу эшне бозды. Мин тегенең янына килеп чыгам да, «Эх, эшне боздың, дим. Хәзер нишлибез, дим. Икенчене эзләргә туры килер», дим. Мещеряков әйтә, «Кире киттек», ди. Мин, юк, дим. Өйгә керәбез, мин әйтәм. Барабыз тагын. Өйгә таба бара башлаган иек, бер аяксыз инвалид килеп чыга, безнең кеше, ул коралсыз. Без тегенең белән сөйләшәбез. Шулар жортның хәжәене икән. Бу йортта немесләр бар ди ул әйтә. «Нәрсә эшләйләр?» мин сораймын. «Алар барсы да жоклайлар эле, дия, алжып кайттылар», дия. «Алар ничәү соң?» «14 ахрысы алар», ди ул. Без, «Кораллары кайда соң?» дибез. «Коллидорда да, өйдә дә бар», ди теге.

Без решать итәбез: боларның башта коралларын кулга төшерергә, аннары үзләрен.

Коллидордан алты кисәк винтовка, өй, хәзер өйгә кердек. Өйдән алдык жиде кисәк. Автомат. Әле немесләрдә күтәрелү юк. Хәзер боларның кеше саны 14 була. Корал 13 кенә, дип күнел белән уйлыймын. Давай эзләргә дим мин – кая бер корал? Командирныкы карават башында эленеп тора икән, пистолет кына. Куркыныч калмады. Мещеряковка задача бирдем. «Иптәш Меще-

ряков, сиңа 15 минут вакыт. Боларны тышка чыгарып бастыр!», э үзем икенче өйгә киттем. Ишекне ачтым. Бер-икесе уяу яткан төсле тоела бит. Кешенә санын белмим. Барып керүем булды, автоматтан боларга жибәрдем очередь.

Вакыт эз. Бер-икесе чыгып киткән бит моның. Башкалары шунда, үле калганнар. Емоглатов чыкканын барсын кулга ала тора. Бу өйдә куркыныч калмады.

Чыксам тышка мин, бер кеше дә чыгармаган. Тегеләрнең аякарын, өсләрен киендереп ята Мещеряков, тегендә барып керсәм. Мин бер-икесенә аттым да, шунда ук тегеләр тышка чыгып бастылар. Моннан уника, теге йорттан ике чыкты болар. Хәзер боларны алып айтып китәргә кирәк бит. Без кызулык белән сизмәгәнбез, таң атып килә. Хәзер карасак – Трактор заводы тау башында. Ә анда немесләр утыра икән. Безне сизгәннәр бит, пулеметтан аталар. 150 метрлар чамасы алар. Үләсе килмәй бит, яшеренергә мәжбүр булдык. Немесләр дә безнең белән. Тегеләрнең аякларын киендердек. Нишләргә, үзебезнең якка чыгып булмай бит. Урын безнең ышык. Үзебезнең як күренә, болар ягы күренмәй. Тракторный да күренә. Без монда көннең буена утырырга мәжбүр булдык. Көндөзгә сәгать икедә жиде немес опять бу жортка кайтылар. Безне белмиләр. Элек монда торалар икән. Коралларын ташладылар болар тышка. Боларны да кулга алдык. Безнең хәзер ундүрт тә жиде – жегерме бер немес булды, э без өч кеше. Безгә үзебезнең яктан связной килде. «Давай, дия, күпме пленный бар, алып чыгыгыз», дия. Ул кеше шулай дип әйтеп тә бетерәлмәй, шундук аңа пул тиде, яшеренмәгән.

Хәзер көн кичкә авышты. Жан түзмәй, жөрәк ашыга. Ничек тә боларны алып кайтып тапшырасы килә. Мещеряковка әйтәм, «Иптәш Мещеряков, син, мин әйтәм, икегез монда каласыз, мин шушы тал арасынан чыгып китәм. Ә сез минем арттан немесләрне озатыгыз. Мин чокырдан чокырга түш белән үзебезнең якка шуып китәм». Озак та үтмәй, Мещеряков тегеләрне минем арттан берәмтекләп тезеп чыгарып жибәрә башлый. Өгәр чыкмасалар, атарга приказ бирәм мин аңа. Мин хәзер үзебезнең якта. Немесләр берәннәп берәннәп минем арттан чыга башладылар. Урын аулак, чокыр эче. Безнең үзебезнең яктан, нинди кешеләр микән дип карап торалар безне. Килә бер старший лейтенант: «Бу немесләрне обысковать итәргә кирәк!» ди. «Иптәш лейтинант, мин әйтәм, болар дим, обысковать ителгән, кулга да алынган. Кирәк булса, тегеннән кереп ал инде». Теге аптырады инде. «Син нинди кеше? – дип сораштырмакчы була. Ничек боларны бер үзең генә тоттың?», ди. Мин тегенә «Вакыт юк, тизрәк үзебезнеңкеләргә алып кайтырга кирәк», дим. ундүрт немес минем кырга килеп життеләр. Күңел тынычланды. Теге яктагылары өчен дә куркыныч юк – ике иптәш анда. Жан ашыга бит. Бу 14 ен тизрәк алып кайтып китәм. Үзебезнең торган жиргә кайткан идем, безнеңкеләр каядыр киткәннәр. Төн караңгы. Сораштыра торгач, үзебезнең частыне таптым. Алып кайттым тегеләрне, ундүртен дә. Капитанга сдавать иттем. Мещеряков белән Емоглатов да озакламый икесе дүртне алып кайттылар. Өч немес чыкканда пуля тиеп үлгәннәр. Моннан соң миңа капитан рәхмәт белдерде. Мине штабка алып ките бу. Немесләр белән барабыз. Үзебезнең начальствога күрсәтте. Шуннан соң мине «За отвагу» медале белән наградить иттеләр. Мещеряков белән Емогла-

товка да бирделәр. Дивизия алдында генерал-майор Усенко безнең өчебезгә благодарность белдерде.

Шушы көннән соң мин һәр сугышта катнаштым. Ө 2 февраль көнне немесе Сталинградтан тәмам тар-мар итеп, жирләп куйдык. Безне ялга озаттылар.

Вәлиев Мөхәммәтзия сөйләве буенча язылды. 36 яшьтә, элекке разведчик-сфрейтор. Дүрт мәртәбә яраланган. 1941 елның августынан башлап фронтта булган. Ленинград һәм сталинград фронтларында өч ел разведчик булган.

*Язып алынды 22 июнь 1948 ел. Калинин районы, Уразмәт авылы.
Н. Фәттахов.*

II

Без Сухая Мечетка балкасында оборонада тораек. Сталинградта немесләрнең калган вакытларында, 1943 елның гыйнварында инде бу. Сталинградка керетмәс өчен немесләр бик нык оборона тораларые. Немесләрнең оборона хәлен һәм аларның көчләренең ныклыгын белү өчен безнең разведотрядка задача куелды тел алып кайтырга. Бер төнне барган разведка уңышлы чыкмады. Командованиенең задачасы үтәлмәде. Шулу ук задачаны үтәү өчен миңа приказ бирелде. Мин разведка буенча штаб начальнигы ярдәмчесе булып эшләй идем. Үзем белән 12 сугышчыны алып немесләрнең оборонасында торган пулемет кырында торучы бер сакчыны алырга китәргә тиешбез. «Тел» булырга тиеш инде бу. Анда бару өчен без көндездән наблдение үткәрдек. Аның хәрәкәтләрен үрәндек. Сакчыдан 20 метрлар ерактарак немесләрнең блиндажы барые. Күзәткән чакта бигрәк тә игътибар бирдек сакчыларның алышыну вакытына – ничә сәгатътән соң алар алышыналар. Немесләрнең һәр ике сәгать саен алышынып торуын белдек. Күзәтү шәтижәләре безгә «тел» алып кайтырга мөмкинлек барлыгын күрсәтте. «Тел»не алырга иң жайлы вакыт дип смена алышыр вакыт житкән чакны сайладык. Чөнки бу вакытта сменада торучы немес солдаты арыган була. Шулай иттереп без үзөбезнең операцияне үткәрү өчен төнге сәгать икене билгеләдек. Ак халатлар кидек, кинжал һәм автоматлар белән коралландык, көндездән билгеләнәп куйган сукмаклардан немес ягына чыгып киттек. Без чыгып киткәндә төнге сәгать бер эе.

Төн айлы, якты. Шулай да, берәз кар төшкәнгә, томанланып тора. Немес часовоена барып житәргә бер йөз метр калганның соңында, бер ышык урынга туктап. Дүртәрләп өч группага бүлендек. Бер группа туп-туры часовой кырына барырга тиеш булды. Ике группа, ике яклап часовойның ике ягыннан барып, артыннан төшәргә тиеш булды. Беренче группа часовойны тере килеш кулга алырга тиеш. Ө ике группа блиндаждагы жал итүче немесләрне блиндажы ние белән үтереп бетерергә тиеш, гранаталардан ыргытып. Монысы соңыннан булырга тиеш инде. Беренче группаның башлыгы итеп мин казах егете Чембаевны билгеләдем. Калган ике группаның берсе белән үзем алдым житәкчелекне, ә икенчесенә Әхмәттинов дигән жегетне куйдым. Ул Башкортстаннан. 12 кешедән татардан икәү, казахтан икәү, калганнары руслар, украиннар эе. Без һәрберебез билгеләнгән вакыт буенча билгеләнгән объектка ба-

рып життек. Группалар арасында төнге вакытта элемтә средствосы булып кесә фонаре утын күрсәтергә тиеш иек. Аны немес күрмәскә тиеш.

Хәзер инде без барып життек. Беренче группаның эш башлавын көтеп торабыз. Беренче группа немес часовоена 4–5 адым калгачтын, немес часовое сискәнәп, пулеметына ябеште. Ләкин бу вакытта часовойга соң иде инде. Сугышчылар барып часовойны буып алдылар. Авызына чүпрәк тутырып, капчык кигертеп, алып та киттеләр. Немеснең эше дә бетте. Немес пулеметы сакчысыз калды. Бу безнең өчен жайлы момент тудырды. Мин үземнең группадан ике солдатны пулемет кырына барып, сменага килүче икенче немесне көтәргә куштым. Аларның берсе пулемет янында немес часовое кебек булып торырга тиеш эе, икенчесе күрәнмәй торырга.

Минем солдатлар как только барып життеләр, блиндаждан алмашка немес часовое чыгып, пулеметтан биш адымнар чамасында туктап калды. Шикләнде күрәсен, үзенчә әкрен генә нәрсәдер эндәшә башлады. Безнең солдат, немесчә белмәгәч, берни эндәшми. Шул арада минем группадагы бер солдат шуышып барып, тегенең артына төште. Аның әкрен генә барып «Халыт!» дип кычкырып жибәрүенә, немец каушап төште, кулын күтәрде. Минем солдат торды да, тегеңә ташланды. Шул арада пулемет кырында торган ике солдат та килеп життеләр. Немеска тын алырга да ирек бирмәенчә, авызына бияләйне тыгып, кулын артка бәйләп, тиз генә алып та сыптырдылар безнең якка. Задача болай уңышлы гына чыккачтын, үзөбез дә шагландык, тагын да жөрәкләндек.

Мин хәзер ике группа белән дә блиндажга нападәтә итәргә карар кылдым. Блиндажга нападәтә итү өчен ике группаны да берләштердем. Ике солдатны пулемет кырына жибәрдем һәм пулеметны блиндажга таба хәзер тотарга куштым. Сержант Максименкога блиндаждан чыгып торган торбадан тыңларга куштым. Сержант Максименко торба кырына барып колагын салды да, миңа омлый. Аның ымлавы буенча мин дә шуышып кына барып життем. Тыңлыйбыз икәүләп, сүләшкән-ниткән тавыш ишетелми, гырлап жоклаган тавыш ишетелә. Гырлауларына караганда, Максименко, ике кеше булырга тиеш, ти. Мин, өч кеше булырга тиеш, тим. Мин төтен торбасыннан карамакчы булдым. Торбадан карыйм: кечкенә ут жанып тора. Бер немеснең жоклап жатканы күрәнә, башка берни күрәнми. Максименкога әйтәм, ничек кенә итеп боларны тавышсыз үтереп бетереп китәргә. Максименко әйтә, ишекне ачып, автоматтан атып бетереп китәргә кирәк, ди. Мин әйтәм, тавыш чыга, күрше блиндажлардан ишетерләр, үзөбезнең артыктан төшәрләр. Тавышсыз гына немесләргә юк итеп китү өчен Максименконы, аның кырындагы ике солдатны алып, блиндажның ишек кырына килдем. Аларга әйттем, эшнең уңышлы чыгуы менә шушыларга бәйләнгән, дип, кинжалларга күрсәттем. Алар шундук аңлап алдылар, һәрберсе кинжалларын тотып тикшереп карадылар. Блиндажга керү белән һәрберебез берәр немеска ташланырга тиешбез.

Ишекне ипләп кенә ачтык. Ут начар яктырта, күпме кеше барын болай ачык күрәп булмай. Вакыт та жук. Ишекне ачу белән эчкә ташландык. Ләкин, бәхетсезлеккә каршы, дүртебезгә өч кенә немес булып чыкты. Максименко белән икебезгә берне уртаклап казарга туры килде. Шулай итеп немеснең блиндажы белән эшне бетердек. Блиндажда эленеп торган полевой сумканы,

өстәлдә яткан кәгазьләрне тиз генә алып, тышка чыктык. Тышта ул-бу жук, безне сизмәгәннәр. Пулемет кырында калган ике солдат пулеметның жозагын алып жаталар ые. Шушында шакылдау ишетелеп, күрше блиндажда сүләшкән тавышлар килә башлады. Безгә ашыгырга кирәк. Югалтусыз тизрәк штабка кайтып керергә кирәк.

Эшне сизеп алдылар немесләр. Без үзөбезнең якка чыгып китә башлагач, пулеметтан ут ачтылар. Ләкин соң иде инде. Үзөбезнең яшерен юлдан кайтып китәргә була ые безгә. Без инде кайтып житәбез, дигәндә генә, мимнометтан ут ачып, Максименконы гына яраладылар. Аны иптәшләр күтәрделәр. Шул килеш кайтып життек штабка. Безне монда бик көткәннәр икән. Югалтусыз-нисез шундый уңышлы үткәрелгән операциягә бик шатландылар. Солдатлар, офицерлар – бар да рәхмәт укый, кулны кыса, разведчиклар гадәтенчә стопка сузалар. Максименконы медсанбатка жибәрделәр.

Без алып кайткан полевой сумканы һәм башка документларны штаб начальнигы капитан Дятельгә бирдек. Безнең алып кайткан документлар командование өчен бик кыйммәтле булып чыктылар. Житмәсә, документларны раслау өчен безнең ике «тел» дә бар. Без алып кайткан документларның һәм «телләр»нең күрсәтүе буенча командование өчен уңышлы һөжүмгә күчәргә мөмкинлек булды. Икенче көнне безнең чәстләр немескә каршы һөжүмгә башладылар, немесне оборонасыннан куып алып чыгып китеп, эчкә таба кысырыкладык. Шушы уңышлы үткәргән разведка операциясе өчен минем үземә Кызыл Байрак ордены бирделәр. Калган сугышчыларның унысына орденнар, икесенә «За отвагу» медале бирделәр.

*Шакиров Салих (37 яшь) сөйләве буенча язып алынды.
Шакиров Салих Бөек Ватан сугышын гвардия капитаны званиесендә тәмам
иткән. Хәзерге вакытта Такталачык а/с председетеле, Актаныш районы.
Язып алынды 10 июль, 1948 ел.
Н. Фәттахов.*

III

Днепрның сулягында ыек. Безгә немесне киң жиргә жәелдермәскә кирәк ие. Немес безгә таба кереп жәелергә тырыша. Шуны тоткарлап калырга кирәк ие. Без бер Украина авылында торабыз. Штабтагы посылнай взвод урнашкан йорттан безне килеп уятты. Комбатарея урнашкан йортка илттеләр. Үзөбезнең взвод белән бардык. Безгә комбатарея икенче бер полкка тапшырылуыбыз турында аңлатты. Безне комбатарея белән сөйләшкәндә, аерым машиналар көтеп торае. Без, шушы машиналарга төялеп, икенче бер полкка китәргә тиешбез. Төнлә килеп төштөк бу полкка. Үзөбезнең расетка тиешле пушкаларны кабул иттек. Ә таң ату белән авылдан ашыгыч чыгып та киттек.

Бездән фронт 25 километр иде. Машиналар белән передовой линиягә таң атыр алдынан, ике километр кала, юлда, без урнашкан участоктан яраланып чыгучы сугышчыларны очраттык. Сугышчылардан фронт хәлләрен сораштырдык. Алар немесләрнең көнгә берничә мәртәбә, үзләренең калган плацдармларын киңәйтү өчен зур-зур көчләр белән һөжүмгә килгәннәрен сөйләделәр.

Машиналар калкулык астында калдылар. Без пушкаларны тартып тауга алып менэргэ тиешбез. Тау башын безнекелэр кичэге көнне генэ алганнар икэн. Без пушканы маскировать итеп тартып алып менеп киттек. Бу вакытта инде яктыра башлаган иде. Немеснең бер батареясе безгэ ата башлады. Тирэ-якта кукуруз басуы. Үле немес гәүдэләре, безнең сул якта ватылган пулемет ята. Әле безнекелэр трофей жыйнарга да өлгөрмөгәннәр. Кичэ генэ булган ул операция. Снэрэдләр бик якын төшә башлады. Без барыбыз да пушкадан 4–5 метр читкэрәк, кукуруз арасына кереп яттык. Бездән ерак түгел генэ ярылган немес снэрәде үзебезнең иптәшне – Сталинград егетен каты яралады. Мин тиз генэ бер иптәшем белән шуышып аның кырына барып аягын бәйләдем. Аны плащ-палаткага салып машинага илтеп куйдык. Бик әйбәт жегет ие, аерылышу кыен булды.

Безгэ тизрәк пушканы огневой позициягэ илтергэ кирәк. Кукуруз сабаклары арасыннан үзебезнең пушка кырыена юнәлдек. Мин, командир орудие кырында тораем. Ул пушканы кукуруз эченә эчкэрерәк алып кереп урнаштырырга кирәк турында әйтте. Бу вакытта тәмам яктырган иде. Без бер шуышып, бер тезләнеп пушканы сөйрәп киттек, кайсысы арттан этә. Көн якты булгач бик саклык белән пушканы жайлап урнаштырырга кирәк ие. Пушканы урнаштырдык. Бу вакытта бездән уң яктан куаклык арасыннан безнең танклар наступать итә иде. Боларны без күзәтеп кенә торабыз. Безнең танклар наступление уңышлы чыкмады. Немесләр нык торалар ие. Бу наступлениедән соң безнең полк командованиесе ала хәбәр – безнең участоктан танковый наступление көтелә. Безнең полк противотанковый истребительный полк булганлыктан танк һөжүмәнән куркыныч булган участокка урнаштырылган иде. Безгэ бик ныклы хәзерлек белән торырга кирәклек турында комбатарея әйтеп чыкты. Расчетыбыздагы егетләр һәрберебез дә актыкка чаклы нык торырга, бер немес танкысын да жибәрмәскә сүз куештык.

Шул вакыт ерак түгел урыннан беренче немес танкысы ял урыннан (балка) күренде. Без түземсезлек белән беренче снэрәдне жибәрергэ хәзер торабыз. Командир батарея беренче немес танкысына төбәп атарга приказ бирде. Беренче жибәрелгән подкалибрный снэрэд немес танкысына тиде. Танк туктады. Мин беренче мәртәбә наводчик булып аткан снэрэд ие бу. Мин бу беренче уңыштан соң, үзем эсселе-суыклы булып киттем. Тагын да ныграк жан керде. Туктаган танктан немец солдатлары төшөп тирэ-якка чәчелделәр. Танктан пулемет ата башлады. Моны ничек тә бетерергэ кирәк. Мин икенче снэрэд жибәрдем. Танкта ут күренде. Ут күренү белән мин, бу танк белән эш бетте дип куйдым. Монысы белән күнел тынычланды. Ләкин әле танклар күп. Аларны да жибертергэ кирәк. Теләк бер генэ – бер танкны да үзебезнең якка жибәрмәскә, дөмектерергэ бөтенесен дә. Мин тагын бер снэрэд жибәрдем – тимәде. Танк һаман килә. Мин бөтен күнел белән танкист мине күргәндер, миңа киләдер дип уйлыйм. Ләкин немес танкысы миңа төбәп атмады. Миңа бик зур мөмкинлек туган кебек булды. Ныгытып төбәп икенче снэрэд жибәрдем, танкта ут күренде. Ут күренү белән немесләр төшөп йөгәрә башладылар. Бездән бер 100–150 метрлар чамасы алда урнашкан пехота аларга каршы ут ачты. Танк белән эшне бетергәч, үземдә немеснең бу тимер жен машинасы белән көрәшергэ көч барлыкны сиздем.

Орудиеның башка нумерлары да үз эшләрен житез башкарып торалар ые. Сугыш кырын төтен, тузан каплады. Немесләр артилириясе үз танкларына нык ярдәм итә. Хәзер немеснең танклары күзгә артканнан арта күрәнә башлады. Шушы вакытта безнең расчөтөтә бары өч кенә кеше калды, өч иптәш яраланды. Өченче танкка ата башладым. Беренче атудан тегенең гусеницасы өзелде. Ләкин танк пушкадан атуында дәвам итә. Шул вакытта мин бер осколочный снәрәд жибереп калам немес пехотасына. Бу вакытта инде танклар безгә якынлашып киләләр. Кисәк кенә тәнөмдә кызулык сиздем. Бик каты удар булды. Уштан яздым. Аңыма килсәм, яраланганымны сиздем. Шул вакытта минем иптәш Калашенко – украин егете – өченче танкны да тончыктырган. Мин ныгытып ушыма килгәндә безнең пехота һәм танклар наступлениегә күчкәннәр иде. һавадан авиация ярдәм итә. Берәздән мине санчәстка алып киттеләр. Санбатта полк командиры килеп минем Кызыл Байрак ордены белән бүләкләнүем турында белдерде һәм рәхмәт әйтеп кулымны кысты. Ул миңа безнең гаскәрләренең наступлениегә күчкәннән соң, немесләрне куып ике авыл алганлыкларын әйтте.

*Ибраһимов Мирза (23 яшь) сөйләве буюнча язып алынды.
Сугышта рядовой булган. Хәзерге вакытта Чалманарат авылында
колхоз счөтөводы булып эшли.
Язып алынды 13 июль, 1948 ел.
Н. Фәттахов.*

Майданек лагөрында

Мин 1942 елның декабрь азагында Старая Русса шөһәре тирәсөндә бик каты яраландым. Ике аяк ранен булды минем пирвай разрывной пулө белән. Уң кул ике жиреннән ранен булды. Ранен булгач, ушсыз мин 5 сәгатьлөп кар өстендә ятканмын. Исөмә килеп, күземне ачсам, нимесләр килеп житкәннәр. Өч нимес солдаты килде минем кырга. Торырлык хәлдә түгел бит мин. Ике нимес солдаты таяк белән кыйный башлады. Өченчөсө нәрсәдер кушты да, мине тегеләр кыйнаудан туктадылар. Шул өч нимөстән соң тагын бик күп булдылар болар. Жиңелрәк ранен солдатларга күтәртеп безне каядыр алып киткәннөрен сиздем. Миннән башка да раненлар күп икөн. Безне автомашинага илтеп салдылар. Шуннан соң, бер авылга туктатып, анда сьер лапасына ябып куйдылар. Бик күп кенә иек без анда. Берәз тыштан хәл монда (жылырак). Безгә бер бидрә бозлы су китереп бирделәр, аннан соң берәз туң борчак. Жиңел раненләр суны эчтеләр. Миңа хәрәкәт итәргә бер жай да юк. Аннан соң безне алып киттеләр. Китереп салдылар бер такта лапас кебек жирдә. Аның өчөндә кар, берәз салам.

Азрак жөриәлгән кешеләр шул саламны тагын жылыттылар. Безнең хәлне белүче дө-нитүче дө юк әле.

Алып киттеләр моннан, тагын безне машина белән кая алып баралар, кая барабыз – без белмибез инде. Пересельный пункттан безне багунга төяделәр. Багун эче шөп-шөрә, коры идөн. Салкын. Бик күп тугырдылар безне монда. Халык өстендә халык. Сине ранин дип тормыйлар анда. Кая барганны әле дө

белмибез эле без. Пуез белән Пороховага барып төштөк. Пуездан төшергәч тә безне мунча керттеләр. Шунан соң госпитальгә керттеләр. Палатада безнең халык бик күп ие. Минем шунда аякны кистеләр болар. Эч китә башлады, бит гел ачыган кәбестә суы, черек бәрәңге ашаталар монда. Икенче палатага күчерделәр. Монда суык, пычрак, туендыру жук. Бөтен тәндә, өс киёмәндә бет, сыпырып төшерәбез.

Халык көн үлә, төн үлә монда. Үлекләрне алмыйлар, шулар белән бергә ятабыз. Безгә көненә 200 грамм опилка әпие бирәләр, 700 грамм кәбестә суы. Мин шундый хәлдә биш ай яттым. Бу вакыт эчендә минем тире белән сөяк кенә калды тәндә. Безгә анда нимесләр һәрбер кешегә номер тактылар, фанир тактага язган. Әгәр шул номерыңны муеныңа такмасаң, алып чыгып кыйныйлар ые уштан язганчы, жә хәлең беткәнче жаңакка чапкалыйлар. Безне моннан Эстониягә күчерделәр. Киндерхос дигән лагерьда ятык. Анда да безгә черегән кортлы сыр бирәләр 200 әр грамм һәм кычыткан суы. Агуланып кешеләр үлдә шуннан.

Ноябрьдә безне Швециягә озаттылар. Мунча керттеләр баргач та. Аннан соң ике аяксызларны утын төягән кебек, берничә арбага төяп каядыр жибәрделәр. Арбаны авыр булмаган ранин солдатлар алып бара. Бер ачкыларны алдан жәяү жибәрделәр. Алар баралмай башлагач, безнең өскә атып атып бәрәләр, әрдәнә кебек. Халык кычкырыша. Уштан язучылар да күп булды. «Китер пычак, үземне үтерәм» дип кычкыралар. Ә нимесләргә кызык – көлешәләр безгә карап. Бер километр чамасы тартып алып бардылар безне. Баракка илтәп ташладылар. Көзгә салкын. Бараклар озын, тактадан. Астан да буран керә, өстән дә буран керә. Монда төрле халыклар бар лагерьда. Дөнжадагы бер милләт тә калмаган. Катын-кызлар күп, ирләр дә, картлар, бала-чагалар да. палаталарга кешеләрне суртлап тутыралар. Кайсысына каты раниннар, кайсысына жинелләр. Палата өч кат нардан тора. Ул нарларга утырып торып булмый, ятып кына торасың. Бер нарда бишәр кеше. Палатаның уртасыннан озын мич салынган. Аңа жату жук инде. Көненә өчәр-дүртәр мәртәбә нимесләр проверка ясылар. Ул килгәндә муеныңнан номерыңны чыгарып күрсәтеп торасың инде. Нимес сине кат-кат карап китә. Әгәр ул карап йөргәндә берәрсе башын кирәк кадәрледән артыграк чыгарып торса, нимес килә дә камчы белән мич өстенә яткызып кыйнай башлай. Көненә болар бер мәртәбә 300 грамм чамасы әпи, 200–300 грамм чамасы баланда (аш) бирәләр. Я аның урынына ярты литр кипиток.

Монда бер ай яткызгач, озаттылар безне Люблинга, Пулшәгә. Мунча керттеләр, үзебездә булган киёмнәрне алып бетереп, бич (весь) берсен дә калдырмаенчы, трусик белән майка бирделәр. Кышкы салкында шул көе мунчадан чыккач, кар өстендә калдырдылар. Халык бик күп чирләп үлдә. Баракка илткәч тә бик күп халык кырылды. Монда да барак суык, аста-өстә юк, бөрчә күп. Бөрчәнәң зарары юк дип, аны бетерү турында уйлап та карамый нимесләр. Төн жокысы жук инде ул. Без барып кергәч, безгә кадәр 48 мең иптәшләрне яндырганнар дип әйттеләр карматоридә. Безгә тәрәзәдән карматори күренеп торадырые. Моржалары бик хәтәр, күккә тиярлек булып тора.

Мин монда бик ябыктым, үлем чигендә калдым. Безне үлчәп тораларые. 38 килограммга калганыем. Сугышка кадәр 66 кило. Киевкә килгәч коткарылып, өйгә кайтканда 64 килограмм.

Комиссия булае, чирлеләрне аерым палатага илтеп куялар. Анда кеше чыдамай, барган һәркем үлеп кенә тора, тереләй чыгучы жук. Минем арадагы иптәшләр дә шул туберклезный палатада күп кенә үлделәр. Мин сугышка кадәр бик тазаем, шуңа да үлемнән калганмындыр инде.

Үзезнекеләр килеп коткарганда шул Майданек лагерында булдым. Кызыл Армиянең килүен нимесләр әйтмиләр, шулай да охрән нимесләрден аңлап калдык. Алар «рус килеп житә, рус килеп житә» дип сүләнәләр ие. Үзезнекеләр килеп алдыннан бер көн, мин күрәп тордым, безнең палата белән рәдем булган ничә йөзләп кер жуучы хатын-кызларны крематориягә алып китеп жандырдылар. Нимес шуннан соң төнлә качты. 22 (23) июньдә төнлә, 1944 елны үзезнекеләр безне коткардылар (ослабждать иттеләр). Шуннан соң безне туган илгә кайтардылар. Киевкә килеп төштөк.

*Шәймәрдәнов Хәниф (38 яшь) сөйләве буенча язып алынды.
Элеккеге рядовой. Инвалид. Колхозчы. Калинин районы Сикия авылы.
Язып алынды 24 июнь 1948 ел.
Н. Фәттахов.*

Дәүләтов Баян турында истәлек

Ул үзе фәкыйрь семьядан. Анасыннан 2–3 яшьләрендә, атасыннан 10 яшьтә калды. 1924 елны туган. Атасы үлгәч, Анасы (үги?) кияүгә китте. моны тәрбиягә ала күрше-күлән. Мин дә инде аңа бияләе булмаганда бәяләй бирдем, башка әйбере булмаса, башканы. Ашау-эчү минеке түгел ие. Укыттык. Мин 1914 елгы империалистик сугышта катнашып, күрсәткән геройлыкларым өчен «Георгиевский крест» алдым. Шулу ук сугышта мин бер аякны калдырып, инвалид булып кайттым. Баян бу хәлләр белән кызыксына ие. Ул миннән сорый ие «Ничек-ничек алдың моны?» дип. Мин әйтер ием: «Сугышлар була ул, бу азаккы сугышлар гына түгел әле, суга керергә кушсалар – суга кер, утка керергә кушсалар – утка кер. Разведкалар була, дошманнарны алдан барып белешеп кайтасың, кайда алар торалар. Мин шушыларга алдым», ди торган ыем. Шуларны кызыксынып миннән сорар ые.

Минем аның белән бер яшьтә Тимершәех исемле балам бар ые. Аның белән уйнарлар ые алар. Икесенә ике мылтык ясап бирдем. Аннан берсенә берсе әйтерләр ие. Мин аларга солдат уеннары өйрәтә ием, балалар уеннары өйрәтә ием. Алар шулай берсе аклар булып, берсе кызыллар булып берсенә берсе каршы чыгалар ые. Чыгып китәләр ие пычраклар аркылы, минем малай пычракларга керми ие, ә ул керә ие. Малай бик герой була ие. Аның үгәй анасы бик каты тиргәр ие. Аның кебек вакытта аның күлмәк-ыштаннарның үземнең корткага юдырып ием. Мин аны инде күп тәрбияләдем. Ул, тормыш авыр булуга карамастан, 7 классны бетереп, шуннан соң инде ФЗОга китә, Дербышкага. Ул 3–4 яшендә вакытта атасы белән Дербышкада торды. Шунда рус телен өйрәнде, рус телен бик яхшы сөйләр ие.

Хэзер көннөрдән бер көнне китэләр минем балалар жуага. Анда була үзәк киртә. Шул киртә эчендә бер кәзә бәрәннәп жата икән. Минем улым кайта, балалар да кайта. Шуннан минем улым Баянга сөйли «Менә без бүре баласы күрдөк» дип. Бу жөрәгенә чыдый алмый «Давай китәбез!» ди. Балалар риза түгел, «Бүре ашар» диләр. Мин әйтәм: «Бар, Баян». Агачтан ясалган мылтыкны ала да китә бу. Бу мылтыкны мин ясап биргән ием балаларга. Малайлар тегенең артыннан баралар. Балалар чын бүре дип баралар инде, ә үзләре күрөп, куркып кайтканнар. Бу инде агач мылтык белән герой булып бара. Шуннан барсак, кәзә бәрәннәре жата. Бу кайта. Шуннан соң инде балалар көлөшәләр. Баян әйтә: «Сез бернәрсә дә булдыра алмыйсыз» ди.

Ул армиягә бик шатланып китте. Шул вакытта ул миннән сорашып, мин аңарга күчтәнәчләр биреп жибереп, шулай итеп китте ул. Ул иркен кеше баласы түгел иде. ФЗОдан кайткач, минем төрле үнәр өйрәнәсе килә дип, минем белән төрле тәгәрмәчләр эшләргә үрәнде, шуны эшләр ие ул, үрәнер ие. Колхозга эшли ие. Мин әйтер ием: «Бу колхозга эшлэгәнгә миңа хезмәт көне язлар бит» дия идем. Ә ул: «Миңа көн кирәкми, миңа үрәнү кирәк» ди ие.

Армиягә киткәч миңа хатлар язды «Шулай-шулай, мин геройлыклар күрсәттем» дип. Мин аңарга җавап яза ием «Шулай яхшы эшлә, мин син кайтырга матур кызлар хәзерләп куярмын» дип. Ул сүзне бик тыңлаучан ие, ни кушсалар да, каршы әйтмәде.

ФЗОдан кайтып армиягә киткәнгә кадәр колхозда кибән кую һәм башка шуның кебек эшләрдә эшләде.

Мин үзем 1892 елны туган. 1913 елны солдатка алындым. 1914 елны сугышка киттем, ефрейтор булып. Сугыш вакытында наступление каты булгач, без бара алмадык, акуп казып яттык. Бер вакытны төннә сорыйлар «Кем разведкага бара?» дип. Кемгә булса да барырга кирәк бит инде илне сакларга. Мин китәргә булдым инде, шиста (шест) алып киттем елганың тирәнлеген үлчәргә. Күпернең эченә кереп бер салдым, ике салдым, тирәнлеген белеп булмый. Өченче салуда ата башладылар. Арттан да, алдан да аткан шикелле. Инде без артка чиктек. Иптәшләр качып бетәләр инде. Барып утырдым бер бакча буена. Мин утырган вакытта лыш-лыш килгән бер тавыш ишетелә, карасам кеше икән. Ул кеше миңа «Давай утыр, давай плен калыйк» ди. Мин әйтәм, булмый дим. Шуннан без киттек, кай якка барганбыздыр инде. Без кайта торган юлда бер раненый ята. Моннан пропуска сорыйбыз. Бу әйтә: рус халкы ди. Шуннан без моны, мылтыгын алып, жилкәгә киеп, кулга кулны тотып, бу кешене күтәрәп, жилгә каршы үзөбезнең юнөлеш белән кайта башладык. Кайта-кайта тагын шәүлә күренә, пытыр-пытыр килә. Кайда барырга да белмибез, ни булса булыр дип, киттек. Болар тагын үзөбезнекеләр булып чыктылар. Барыбыз уника кеше бергә жыелдык. Ауруны алып кайттык үзөбез белән. Елганың тирәнлеген белә алмадык.

*Актаныш районы Татар Әжбие авылында Ханнан Маликовтан
язып алынган. 1935 елдан колхозчы. II группа инвалид.*

14 июль 1948 ел.

Язып алучы Халидә Гатина.

Фәйзулла ага бәете

Бисмиллаһи вә билләһи, житте Корбан гаете,
Без әйтәбез, сез тыңлагыз, Фәйзулланың бәетен.

Өйдән чыгып киткән чакта үләремне мин белдем,
Барлык халык ирке өчен сугышканда жан бирдем.

Минем үлгән хәбәремне иптәшләрем белсеннәр,
Ирек өчен көрәшкәндә корбан булды дисеннәр.

Быел чәчкән икмәкләрне кайтып ашый алмадым,
Иркен Совет илләрендә озак яши алмадым.

Кавалеристлар чабып йөри яхшы атка атланып,
Дошманнарны жиңеп, илгә кайта алмыйм шатланып.

Казармага кергән чакта мылтыгымны сөядем,
Туган-үскән илләремә кайта алмады сөягем.

Казармада торган чакта яхшы ашлар ашадым,
Гөлчәчәктәй яшьлегемне Герман явыз ашады.

Һич уйламаган чагында Герман сугыш башлады,
Су сөлегә кебек идем, башларымны ашады.

Һич туктаусыз йөзәр-меңәр йөри монда машина,
Явыз герман дошман житте минем газиз башыма.

Дошман Герман гранат атты уң як колак янына,
Кара жирләр кызыл булды, минем аккан каныма.

Гранат тигәч, якты дөнья төтен булды күземә,
Өстемдәге киёмнәрем кәфен булды үземә.

Тамакларым сусаганда, сулар эчтем елгадан,
Яшәр идем дөньяларда һич туймадым мин аннан.

Сабый чакларымда үлсәм, бу көннәрне күрмәсием,
Герман сугыш башламаса, мин вакытсыз үлмәсием.

Чабып бара, кешнәп куя, безнең Совет атлары,
Герман дигән мур кырганның калмасын затлары.

Герман дигән ач этләрнең сорамагыз хәлләрен,
Утта янсын сөякләре, эт ашасын тәннәрен.

Ядро тиеп егылгач та, сестралар килделэр,
Аһ, ярасы авыр икэн, үлэр мескен, диделэр.

Хэлкэйларем авыр булды гранат килеп тигэндэ,
Читен булды, дуслар килеп, аһ, Абдуллин, дигэндэ.

Ядро килеп тию белэн янга дуслар килделэр,
Хуш, иптэшкэй, бэхил бул, дип, миңа куллар бирделэр.

Гранат тигеч күзалларым караңгыланып китте,
Сыңар кулым өзелсэ дэ, уфтанмасыем бу тикле.

Яраларым жиңел булса, госпитальдэ ятырыем,
Исэн булсам, кайчан да бер туган илгэ кайтырыем.

Герман явыз ач этлэргэ ачуымнан ни эйтим,
Жәмәгатем, газиз балам, калдыгыз инде ятим.

Газиз балам, сине кабат, күрәлмәдем бер генэ,
Суыңган кан һич елынмый, мин кайталмам мәңгегә.

Актык кабат сезгә хатлар яза алмадым инде,
Үз кулларым белән сезне үстерә алмадым инде.

Жәмәгатем, васыятем шул, жаным чыккан чагында,
Фрузияне зинһар какма, тормышларга чыксаң да.

Жәмәгатем, газиз балам калды сиңа карарга,
Шат йөз белән генэ карап, йомшак эндәш аңарга.

Кыш суыкта, жэй көннәрдә эсселәргә пешермә,
Начар карап, каты эндәшеп күңелләрен төшермә.

Үзем кайтып күрә алмадым, күрешергә язмагач,
Үз кулларым белән карап үстерергә язмагач.

Ялгыз карап үстерүе авыр булыр сиңа да,
Авыр чакта эчең рәнжеп, рәнжемә син миңа да.

Илемә кайтып эчә алмадым салкын чишмә суларын,
Фрузиянең күрә алмадым матур зифа буфларын.

Авылдашлар, мин кайталмам, бэхил булыгыз инде,
Фатыйхагыздан ташламый, дога кылыгыз инде.

Күтәрәнке рух белән рәхәт гомер итегез,
Рәнжеткән чакларым булса, зинһар гафу итегез.

Минем калган бер баламны жәтим итеп какмагыз,
Кайда гына очраса да, караңгы йөз катмагыз.

Барып керсә, каршы алыгыз ачык якты йөз белән,
Елаганда юатыгыз, тәмле татлы сүз белән.

Жәмәгатем, минем өчен бик кайгырма, боекма,
Ялгыз калдым ничек яшим диеп каты борчылма.

Ташламаслар, ярдәм кулын сиңа Туган ил сузар,
Минем кайгы озак бармас, гомерең шатлыкта узар.

Минем калган киемнәрне кирәкми дип сатмагыз,
Бәлки сагынып бер карарсыз, төсем итеп саклагыз.

Герман фашист котырынып безнең илгә ташлана,
Әнкәй сиңа васыятем шул – фатихаңнан ташлама.

Жисәмәгез, жыламагыз, сызылып таңнар атканда,
Фәйзуллагыз вафат булды иртән таңнар атканда.

Минем үлгән хәбәр килгәч, бәлки үксеп жыларсыз,
Туганнарым, жәмәгатем, әнкәй, ничек чыдарсыз.

Кара туфракны кызартып акты минем каннарым,
Бәхилләшергә булмады янымда туганнарым.

Бездән калган яшь буыннар бу сугышны күрмәсен,
Телә, әнкәй, башка балаң сугышларда үлмәсен.

Әнкәй мине сагынырсың, агач яфрак ярганда,
Мине уйларсың һәм еларсың, минем өйгә барганда.

Язлар житкәч, мине уйларсың, каз канатын какканда,
Борчылырсың, сугыш беткәч барлык кеше кайтканда.

Күпме кан-яшь түксәгез дә, мине күрә алмассыз,
Үлгән кеше артларыннан куып житә алмассың.

Исән калган балаларың, әнкәй, кайтып жыелыр,
Шул чакларда мин булмагач, күзеңнән яшь коелыр.

Жыельшларда утырганда, бэлки мине сөйләрсез,
Өзелер шунда эчләрөгез, ничек итеп түзәрсез.

Аклы ситса күлмәгемнең бизәкләре беткәндер,
Кызылармеец улым кайтыр дип, әнкәем көткәндер.

Әнкәй, пешкән ашларыңны кабат ашый алмадым,
Их, туганнар, сезнең белән бергә яши алмадым.

Мине бик тиз онытмагыз, бергә утырганнарым,
Бергә тигез, рәхәт тормыш итегез туганнарым.

Туганнарым, актык кабат күрешкән идек, хуш инде,
Сезнең белән мәңгелеккә аерылулар шул инде.

*Бәет Уразмәт авылы колхозчысы Солтанова Хәтимә тарафыннан язылган.
Хәзерге вакытта сизез яшьлек кызы белән тора. Ире сугышта үлгән.
Июль, 1948 ел.
Ш. Максудова язып алган.*

Автор турында белешмә: Закирова Илсәяр Гамил кызы – филология фәннәре докторы, баш фәнни хезмәткәр, халык ижаты бүлеге, Татарстан Фәннәр академиясенең Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты (420111, К. Маркс ур., 12, Казан, Россия Федерациясе); ilzakirova@mail.ru

Редакциягә керде 02.03.2021

Кабул ителде 22.03.2021

Басылды 21.04.2021

MEMORIES ARE AN ECHO OF WAR

I.G. Zakirova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ilzakirova@mail.ru*

Reminiscences and a bait of the war years recorded in 1948 during a folklore expedition which was organized by scholars of the Institute of Language, Literature and History Hamid Yarmi and Khalida Gatina, are offered to readers' attention. The expedition visited Aktanyshsky, Kalininsky, Muslyumovsky and Menzelinsky districts of Tatarstan. The expedition was attended by a third-year student of Kazan State University Nurikhan Fattakhov, who later became the author of historical novels.

During the post-war expeditions, most of the informants were the Great Patriotic War veterans, front-line soldiers. They share memories of the Great Patriotic War, talk about the battles in which they participated, and about their military comrades.

The first memory was recorded based on the story of Mukhammatziya Valiev. Valiev was a scout on the Leningrad and Stalingrad fronts for three years, and was wounded four times. According to the memoirs of a corporal intelligence officer, he spent one day in reconnaissance on the Stalingrad front. Salikh Shakirov ended the Great Patriotic War with the rank of Guard Captain, for display of courage he was awarded the Order of the Red Banner and the Medal For Courage. Salikh Shakirov was the commander of the reconnaissance department and recalls the events that took place during the military campaign to the German rear. Mirza Ibragimov tells about fierce battles in Ukraine, on the banks of the Dnieper. The memoirs describe how the soldiers resisted to the last, blew up German tanks, and carried out the wounded. Khanif Shaimardanov describes the tragedy of captivity.

No edits were introduced into the texts. This gives you an opportunity to feel the live speech of the informants. The documents are kept in the funds of the Center for Written and Musical Heritage “Miraskhane” of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (collection No. 34, folder No. 4).

Keywords: reminiscences, the Great Patriotic War, folklore expeditions, the Institute of Language, Literature and History

For citation: Zakirova I.G. Istäleklärdä – sugysh kaytavazy [Memories are an Echo of War]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 151–170. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.151-170>

About the author: Ilsiyyar G. Zakirova, Doctor Sc. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12 K. Marx St., Kazan 420111, Russian Federation); ilzakirova@mail.ru

Received March 02, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

ВОСПОМИНАНИЯ – ЭХО ВОЙНЫ

И.Г. Закирова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

ilzakirova@mail.ru

Вниманию читателей предлагаются воспоминания и баит военных лет, записанные в 1948 г. во время фольклорной экспедиции, организованной учеными

Института языка, литературы и истории Хамидом Ярми и Халидой Гатиной. Экспедиция посетила Актанышский, Калининский, Муслюмовский и Мензелинский районы Татарстана. В экспедиции принимал участие студент третьего курса Казанского государственного университета Нурихан Фаттахов, в будущем автор исторических романов.

Во время послевоенных экспедиций большинство информантов были участниками Великой Отечественной войны, фронтовиками. Они делятся воспоминаниями о Великой Отечественной войне, рассказывают о боях, в которых они участвовали, и о боевых друзьях.

Первое воспоминание записано по рассказу Мухамматзии Валиева. Валиев три года был разведчиком на Ленинградском и Сталинградском фронтах, четырежды был ранен. В воспоминаниях разведчика-ефрейтора рассказывается об одном дне, проведенном в разведке на Сталинградском фронте. Салих Шакиров закончил Великую Отечественную войну в звании гвардии капитана, за проявленное мужество был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». Салих Шакиров был командиром разведывательного отдела и вспоминает события, произошедшие во время похода в немецкий тыл. Мирза Ибрагимов рассказывает о жестоких боях в Украине, на берегу Днепра. В воспоминаниях говорится о том, как воины до последнего сопротивлялись, взрывали немецкие танки, выносили раненых. Ханиф Шаймарданов описывает трагедию плена.

Правки в тексты не вносились. Это позволяет почувствовать живую речь информантов. Документы хранятся в фондах Центра письменного и музыкального наследия «Мирасханэ» Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (коллекция № 34, папка № 4).

Ключевые слова: воспоминания, Великая Отечественная война, фольклорные экспедиции, Институт языка, литературы и истории

Для цитирования: Закирова И.Г. Истәлекләрдә – сугыш кайтавазы // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 151–170. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.151-170>

Сведения об авторе: Закирова Ильсеяр Гамиловна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. К. Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); ilzakirova@mail.ru

Поступила 02.03.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

ТӘФКИЛ АГА БИКЧЭНТӘЕВ ИСТӘЛЕКЛӘРЕ

Л.Ш. Дәүләтшина

*Татарстан Фәннәр академиясенең
Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты
Казан, Россия Федерациясе
tafkilevna@mail.ru*

Язмада 1943–1944 елларда Бөек Ватан сугышында булган Тәфкил Бикчән-тәевның сугыш көннәре турында истәлекләре тәкъдим ителә. Истәлекләр Жинүнең 60 еллыгы унаеннан һәм мәктәп балаларына атап язылган. Истәлекләрдә ниндидер нечкәлекләр, хис-тойгылар бик чагылмый; автор, киресенчә, иң төп, үзе бик мөһим дип санаган моментларны гына яктырта.

Язманың структурасы да уйланган: кереш өлешендә автор бөек сугышта жинүнең кыйммәтен, татар халкының жинүгә керткән өлешен зурлап искә ала. Язманың бу өлеше өндәмә теле белән язылган. Аннан автор армиягә алынуы, Суслонгер лагерында булуы, Икенче Балтыйк фронтында сугышка керүе турында яза. Язманың бу өлешендә инде аның үзәгенә үткән вакыйгалар искә алына.

Язмалар гади татар авылы баласының сугыш афәтен күрүе, шулай булуга карамастан, ныклы тормыш коруы турында баян итә.

Төп төшенчәләр: Бөек Ватан сугышы, истәлекләр, Суслонгер лагеры, Тәфкил Бикчән-тәев

Сылтама ясау өчен: Дәүләтшина Л.Ш. Тәфкил ага Бикчән-тәев истәлекләре // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 171–176. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.171-176>

Тәфкил Дәүләтша улы Бикчән-тәев (1925–2014), эти ягыннан минем бабай, Бөек Ватан сугышына кагылышлы истәлекләрен 2005 ел башында, Жинүнең 60 еллыгы якынлашкан көннәрдә яза. Сәбәбе – мәктәптә укучылар белән очрашу көтелә. Шул очрашуга эзерлек йөзеннән ул истәлекләрен теркәп куя. Истәлекләр гади дәфтәргә язылган, теле төзек, диалекталь сүз-формалар юк диярлек. Дәфтәр минем гаилә архивында саклана.

Тәфкил ага Бикчән-тәев Яшел Үзән районының Айдар авылында туып, үсеп, укып, гомер буге шунда хезмәт куйган кеше. Атасы Дәүләтша авылда мулла булып тора; Тәфкил үзе счетовод, бухгалтер булып эшли. Аның авылдан чыгып китүе дә сугышка алыну белән генә бәйле.

Сугыш бетеп 60 ел узгач язылганга, бу истәлекләрдә ниндидер нечкәлекләр, хис-тойгылар бик чагылмый; автор, киресенчә, иң төп, үзе бик мөһим дип санаган моментларны гына яктырта.

Язманың структурасы да уйланган: кереш өлешендә Тәфкил ага, пафоска бирелеп, бөек сугышта жинүнең кыйммәтен, татар халкының

жиңүгә керткән өлөшөн зурлап искә ала. Язманың бу өлөшө өндәмә теле белән язылган. Аннан автор армиягә алынуы, Суслонгер лагерында булуы, сугышка керүе турында яза. Язманың бу өлөшөндә инде аның үзәгенә үткән вакыйгалар искә алына.

Язмалар гади татар авылы баласының сугыш афәтен күрүе, шулай булуга карамастан, ныклы тормыш коруы турында бәян итә.

Совет халкы һәм аның кораллы көчләренең 1941–1945 елларда Бөек Ватан сугышында жиңүенең 60 еллыгы яқынлаша. Фашист армиясен тармар иткән һәм күп илләргә азатлык алып килгән Совет солдатларының куркусыз батырлыгы мәрмәрдә һәм дә бронзада мәңгеләштерелгән. Немец-фашист басып алучыларына каршы Бөек Ватан сугышында совет халкының жиңеп чыгуы кешелек тарихының мәңгә онытылмас сәхифәләрәннән берсе. Бу сугышта яңа жәмгыять төзелеше тарафыннан тудырылган совет кешесенең какшамас ныклығы, бөек патриотик хисе ачык күренде. Ватаныбызга бөтен дөнья алдында дан китергән бу тарихи жиңү, илебез халыкларының фронтта һәм тылда күрсәткән батырлыгы нәтижесендә яулап алынды. Күп милләтле илебезнең башка халыклары белән берлектә татар халкы да үз Ватанының азатлығы һәм бәйсезлеге өчен көрәшүчеләр сафына басты. Дошманны жиңүгә үзеннән керткән өлөш белән татар халкының чыннан да горуранлырга хакы бар. Хәтер китапларында һәм дә һәйкәлләр арасында, кешеләр күңелендә һәлак булган совет сугышчылары турында сүнмәс хәтер аерым урын алып тора.

Мактау һәм дан аларга!

Менә шушы 1941–1945 елларда 1418 көн дәвам иткән кан коюлы сугышта минем дә өлөшем булды. Әлбәттә, сезне минем, сугыш ветеранының, ватан сугышында булуы узыксындыра. Мин үзем Бикчәнтәев Тәфкил Дәүләтша улы 1925 елның 31 июлендә Айдар авылында туган. 1940 елда Күгеш сугышчылык мәктәбен тәмамладым, аннан соң колхозда эшләдем. 1943 елның 6 гыйнварында безне хәрби хезмәткә алдылар. Ул вакытта Татарстан хәрби комиссариаты берничә жиргә бүленгән иде, мәсәлән, Буада, Бөгелмәдә, Минзәләдә һәм Әгерҗедә. Менә безне инде Буага алып киттеләр, анда 12 көн булдык. Бу чорда инде, әлбәттә, тик кенә яткырмадылар, хәрби хезмәткә өйрәттеләр.

Шуннан соң эшкелеге белән бөтен Советлар Союзына мәгълүм булган күрше Мари республикасының Суслонгер лагерена алып бардылар. Без Айдардан өч кеше: мин, Абзалов Габдулла, Хәлилов Әхмәдулла; Тугайдан Мөхтәрәв Галиәхмәт булдык. Күпчелек Апас, Чүпрәле районы егетләре иде. Менә шунда безгә искереп, таушалып беткән жыртык хәрби киёмнәр кидереп 133 нче запастагы полк, танкка каршы атарга өйрәтү ротасына урнаштырдылар.

Бу Сулонгер-Сурук бригадасының командиры полковник Кальный. Безнең полк командиры подполковник Петенко, штаб начальнигы капитан Парловоский, батальон командиры лейтенант Дунаевский, замы лейтенант Тропинов, политчасть буенча зам старший лейтенант Евланов. Днепров, Абрамов, Щербинин взвод командирлары. Бу рота урнашкан иде бүрәнәдән корып эшләнгән зур землянкада. Яту урыннары ике катлы такта сәндерәләр булып, каен чыбыгыннан үрелгән маталар, бер мөндәр, бер одеядан гыйбарәт иде. Өскә ябыну һәм аска жәю өчен шул одеял һәм өстәге шинель булды, башка нәрсә юк. Мич урынына землянканың ике башына ике 200 литрлы мичкә куелган, ул бертуктаусыз яна иде. Әле аның офицерлар бүлмәсе һәм кызыл почмагы да бар иде. Менә шунда без 1943 елның 14 февралендә хәрби ант бирдек. Аннан соң монда менә Күгеш авылыннан Хужин Гусман башка ротага килде һәм ул снайперга укырга китте. Күгештән Хәсәнов Габдрахман маршовый ротага чыгарылган иде сугышка киту өчен.

Бу Сулонгерда без иртән зарядкага торгач, ягарга һәм землянкалар корырга күтәрәп бүрәнә ташый идек. Аннан соң 6 км дагы стрельбищега жәяү барып кайткач, тагын агач ташу эшен башкара идек. Кысырык крышалы булмаган түбәсе бар иде. Столовойда ашаттылар. Көнгә чиле-пешле 600 г икмәк бирделәр, консерва савытларыннан жыеп ясалган савытларда аш бирәләр иде. Ашта 3–4 бөртектә йомры бодай, 2–3 [кисәк] турлаган бәрәңгә, 1–2 кисәк туралган яшел помидор була иде. Азрак ашта май булса да, аның итен без күрмәдек. Бу калай аш савытларын Апас авылыныкы Нәсретдинов Хәйретдин ясап утыра иде. Менә шунда инде бик күп кешеләр авырды, ачтан үлделәр, кайсыберләре мылтык мае щелчә эчеп һәм башкача үлделәр.

Әле март аенда ботинка биргәннәр иде, апрель аенда аны алыштырып янадан киез итеклар бирделәр, аны кич мичкәдән эшләнгән мичләрдә алмашка төне бие киптерә идек. Бу нәкъ немецларның концлагерына охшашлы бер хәрби часть иде. Солдатка тиешле продукцияне ашатмыйча боздырып, черетеп бетергәннәр. Анда бездән соң оборона министрлыгыннан комиссия килеп, бик күп житәкчеләрне хәрби трибунал хөкем иткән булса кирәк. Без анда 3 ай артыграк булдык. Бу вакыт эчендә безгә ашарга авылдан 2 мәртәбә ризыклар алып килделәр. Авылдан ашарга алып килмәсләр, безгә дә, белмим, нәрсә булган булыр иде.

Менә шуннан инде апрель ахырларыннан Иваново өлкәсенә Гороховец лагерыннан килгән бер Киселев фамилияле майор безне стройга тездереп үзе сайлап алып китте. Бу 52 стрелковый учебный полк иде. Барып житкәч, безне мунчалар кертәп яңа киёмнәр кидерделәр, бер-беребезне танымас булдык. Биредә казармаларда бик яхшы аерым койкалар һәм ашау да бик яхшы иде. Бу Гороховецта 6 ай укыганнан соңында сержант званиясы биреп, башка частька жиберделәр. Монда мин 85 нче гвардия дивизиясенә 253 нче укчы полкында отделение командиры булып хезмәт иттем. Ә инде 1944 елның гыйнвар аенда без сугышка кердек. Бу вакытта

мин рота командирының жэяүле элемтэче идем. Бу ротада күбесе олы кешелэр һәм сугышка икенче-өченче мәртэбә керүчелэр иде. Бу фронт Икенче Балтыйк буе фронты булып, командующий армия генералы Еременко иде.

Дивизия командиры калмык милләтеннән генерал-майор Городовиков, полк командиры подполковник Гришин, комбат старший лейтенант Сергеенко, рота командиры старший лейтенант Колбасин иде. 1944 елның 16 гыйнварында телефон кабеле өзелгәч, аны ялгарга ике солдатны жибәрделәр, алар икесе дә һәлак булды. Аннан соң, мин жэяүле элемтэче булсам да, комрота тагын бер солдат белән мине жибәрде. Шулай да без кабельне ялгадык, минем иптәш үлде, снайперлар аткан булса кирәк. Шуннан кайткач мине «За боевые заслуги» медале белән бүләкләгәннәр иде.

Аннан соң взвод командиры һәлак булгач, 29 гыйнварда миңа лейтенант чины биреп, 2 нче взвод командиры итеп билгеләделәр.

Псков өлкәсенәң Великие Лукидан киткәч Алешкино, Скопино дигән авыллар өчен каты сугышлар булды. Мин шунда 1944 елның 2 февралендә авыр жәрәхәтләндем, сул кулым ике жирдән һәм дә аягым жәрәхәтләнде. Һәм мине Кызыл йолдыз ордены беләк бүләкләгәннәр иде. Ләкин бу орден-медалне мин алмаган. Бу сугышта ике взвод командиры һәлак булганын ишеттем. Командир роты да жәрәхәтләнеп, безнең госпитальгә кайтты, һәм полк командиры Гришин да жәрәхәтләнгән иде. Аларны ат белән алып кайттылар. Комрота бүләкләү документларын замполитка калдырырга дигән иде, эзләтергә жибәреп караган идем, Подольскийга жибәрегез диеп жавап килде. Шуннан соң бер жиргә дә язмаган.

Минем белән Апас районының Олы Күккүз авылыннан Шәфигуллин Габдулла исемле егет тә жәрәхәтләнде. Аның жилкәсенә осколок тигән, хәле авыр иде. Без беребезгә беребез булышкалап, кыр госпиталенә кайтып егылдык. Безгә сугыш кырында Миловидов фамилияле санинструктор беренче ярдәм күрсәтте. Моннан палаткаларда урнашкан полковой госпитальгә килдек. Анда коралларны тапшырып, жәрәхәтләрне яхшылап чистартып бәйләп, тылдарак булган госпитальгә озаттылар. Аннан соң күп госпитальләрдә булып, соңыннан Ярославль өлкәсенәң Тутаев районы Константиновка бистәсендәгә 3 этажлы 4926 номерлы эвакогоспитальгә килеп життек. Бу госпитальдә 4 айга якин дәваланып, соңында хәрби хезмәткә яраксыз булып авылга кайттым.

Кайткач, Күгештә селпо бар иде, шунда эшкә урнаштым. Бер үк вакытта Айдар башлангыч мәктәбендә военрук булып эшләдем. Бу вакытта военкомат линиясе буенча Күгештә оештырылган штабта шушы күрше алты авылның солдатка китәр вакыты житкән яшьләрне хәрби-патриотик өйрәтеп, армиягә озата идек. Анда 1927–1928 елда туган яшьләр иде, мин взвод командиры булдым. Мине военкомат хезмәткәре итеп хисаплап, башка хәрби хезмәткә алмадылар.

Шуннан соң сугышлар туктады. Мине 1948 елда Айдар авылына «Игенче» колхозына бухгалтер итеп алдылар, колхозлар берләшкәч тә 22 ел буе баш бухгалтер булып эшләдем.

Фронтта бергә жәрәхәтләнган Апас егете Шәфигуллин белән очрашып йөрдек, ул Яшел Үзән шәһәрәндә ЦСУ инспекторы булып эшләде һәм 2002 елда вафат булды.

Хәләл жефетем Әминә белән 1949 елның ноябрь аенда өйләнешкән, 56 ел яшибез. 4 кыз, 1 ир бала тәрбияләп үстергән. 6 онык, 2 оныкчык бар.

Автор турында белешмә: Дәүләтшина Лилия Шамил кызы – өлкән фәнни хезмәткәр, Татарстан Фәннәр академиясенең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты (420015, Пушкин ур., 56, Казан, Россия Федерациясе); tafkilevna@mail.ru

Редакциягә керде 02.03.2021

Кабул ителде 22.03.2021

Басылды 21.04.2021

MEMORIES OF TAFKIL BIKCHANTAEV

L.Sh. Davletshina

*Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
tafkilevna@mail.ru*

The article presents the memoirs of Tafkil Bikchantaev, who took part in the Great Patriotic War in 1943–1944. His memoirs were recorded at a much later date in honor of the 60th anniversary of the Victory and were directed to schoolchildren. Therefore, T. Bikchantaev is not carried away by details, emotions, on the contrary, he covers only the moments of the war that he considers the most important.

The text is well-structured: in the introductory part, the front-line soldier recalls the value of Victory in the Great War, the contribution of the Tatar people to the Victory. This part is written in slogan language. Then the war veteran recalls how he was drafted into the army, was in the Suslonger training camp, about the famine, about participation in battles on the second Baltic front and about his injury. In this part of the narrative, long-remembered events are mentioned that deeply touched the author of the memoirs.

In general, the recording of memoirs tells how a simple Tatar village guy saw the war, and how he perceived it.

Keywords: the Great Patriotic War, memories, Suslonger training camp, Tafkil Bikchantaev

For citation: Davletshina L.Sh. Täfkiil aга Bikchäntäev istälekläre [Memories of Tafkil Bikchantaev]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 171–176. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.171-176>

About the author: Lilia Sh. Davletshina, Senior Research Fellow, Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (56 Pushkin St., Kazan 420015, Russian Federation); tafkilevna@mail.ru

Received March 02, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

ВОСПОМИНАНИЯ ТАФКИЛЯ БИКЧАНТАЕВА

Л.Ш. Давлетшина

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

tafkilevna@mail.ru

В статье представлены воспоминания Тафкиля Бикчантаева, в 1943–1944 гг. принимавшего участие в Великой Отечественной войне. Т. Бикчантаев записал свои воспоминания по прошествии значительного времени, в честь 60-летия Победы, и адресовал их школьникам. Поэтому он не увлекается подробностями, эмоциями, напротив, освещает только самые главные, важные, на его взгляд, моменты.

Продумана и структура текста: во вступительной части фронтовик напоминает о ценности Победы в Великой войне, о вкладе в нее татарского народа. Эта часть написана лозунговым языком. Затем участник войны вспоминает, как он был призван в армию, находился в учебном лагере Суслонгер, о голоде, об участии в боях на втором Балтийском фронте и о полученном ранении. В этой части повествования упоминаются надолго запомнившиеся события, глубоко задевшие автора воспоминаний.

В целом запись воспоминаний повествует о том, как простой татарский деревенский парень увидел войну и как он ее воспринимал.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспоминания, учебный лагерь Суслонгер, Тафкиль Бикчантаев

Для цитирования: Дәүләтшина Л.Ш. Тәфкиль ага Бикчәнтәев истәлекләре // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 171–176. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.171-176>

Сведения об авторе: Давлетшина Лилия Шамилевна – старший научный сотрудник, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (420015, ул. Пушкина, 56, Казань, Российская Федерация); tafkilevna@mail.ru

Поступила 02.03.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

НОВЫЕ КНИГИ

УДК 304.2

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О.В. ВАСИЛЬЕВОЙ «ЭТНИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ» (ЯКУТСК, 2020)

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Статья посвящена анализу новой книги – монографии О.В. Васильевой «Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ», опубликованной в 2020 г. в Якутске. Ее достоинством является новый оригинальный подход к изучению процесса конструирования этничности в условиях развития капиталистических отношений и современных глобальных экономических потоков. Рецензент приводит некоторые параллели в социальном развитии якутов и татар на различных исторических этапах. Это появление буржуазии и политических организаций в начале XX в., специфическое маркирование под влиянием конституционных актов Советской республики и переписных кампаний постсоветского времени, «приобретение республик» в условиях советской практики национального районирования территорий и т.д. Все такие факты высвечивают как много общего было среди народов тюркского мира российской империи, СССР и РФ. Монография О.В. Васильевой стимулирует к новым изысканиям в области социальных аспектов функционирования этничности тюркского мира.

Ключевые слова: якуты, татары, этничность, социальные аспекты, капитализм

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф. Рецензия на монографию О.В. Васильевой «Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ» (Якутск, 2020) // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 177–182. <https://doi.org/10.22378/ie.2021-6-1.177-182>

Рецензируемая монография посвящена вопросу маркирования социального пространства этническими категориями в условиях формирования капиталистических отношений. Несмотря на сосредоточенность автора на отдельном регионе – Республике Саха (Якутия), указанная проблема имеет большое значение для этнологической науки. Оно проявляется в том, что

приводимый в книге научно-аналитический материал показывает, как много общего у представителей разных национальностей Российской империи, СССР и РФ, и к каким близким результатам в их развитии привели общественные трансформации.

Получение знаний о сути и логике социальной стороны этничности возможно в рамках разнообразных методологических приемов. В современной отечественной академической среде весьма популярна конструктивистская и полипарадигмальная парадигма. Исследователи сосредотачиваются на вопросах разнообразных идентичностей этнических групп, проблемах воспроизводства этнического самосознания и межэтнических отношений. Но вопрос о том, как этничность и созданные социальными инженерами продукты вписываются в глобальные экономические потоки, остается пока мало разработанным, хотя в региональных научных школах за последние два с половиной десятилетия накоплен богатый исторический, этнологический и этносоциологический материал. Монография О.В. Васильевой, по нашему мнению, выводит на обобщающие фундаментальные выводы. В качестве их иллюстрации приведем несколько параллелей в развитии якутов и татар.

XIX век – время формирования капиталистических отношений и буржуазии в среде многих народов Российской империи. У них начинают развиваться товарно-денежные и социально-классовые отношения. Появившиеся национальные элиты стремятся выйти не только на арену экономических, но политических и социальных процессов. Эту ситуацию стимулировала практика производства этнического неравенства, в том числе в отношении формирующейся якутской буржуазии (Васильева 2020: 20) и татар. В условиях дискриминационной имперской политики у последних на рубеже XIX–XX вв. появляется мощный отряд буржуазии, активно занимавшийся строительством мечетей, благотворительностью для поддержки малоимущих, спонсированием печати татарских газет и журналов, театрального и художественного искусства татарского народа. И если у якутов в начале XX в. была осуществлена первая попытка создания политической организации по этническому принципу – «Союз якутов», которая объединила, прежде всего, тойонат, крупных торговцев, домовладельцев и интеллигенцию – наиболее образованную часть общества (Васильева 2020: 21), то у татар в таком качестве выступил политический кружок, организованный в 1895 году группой учащихся русско-татарской учительской школы в Казани (Усманова: 75). Одинаковым в то время являлось и стремление якутов и татар к членству в Государственной Думе, а также социально-экономические характеристики национальных элит. Так, у якутов формировалась «элита, построившая свой капитал на торговле и транспортных услугах. Происходит дальнейшая интеграция якутов в имперское социокультурное пространство, в т.ч. через систему образования» (Васильева 2020: 20). Все это наблюдалось и у татар, осваивавших в это время русский язык и рынки Средней Азии и казахстанских степей.

Поднятая О.В. Васильевой проблема развития этничности в условиях капиталистических отношений при ее выведении на сравнительный уровень, безусловно, требует учета социально-экономических и этнокультурных специфик нерусских народов Российской империи. Климатические условия, тип традиционного хозяйствования, религия – все это задавало разнообразные модели жизнедеятельности народов страны, но которые, тем не менее, судя по тексту рецензируемой монографии, вписывались в общую логику этничности. Ее определяли первые конституционные акты Советской республики, заложившие «основание современных представлений об этнической структуре общества, имевших далеко идущие последствия для институциональной архитектуры, идеологии и бытового самосознания населения будущего СССР» (Васильева 2020: 22).

Трудно не согласиться с автором в том, что последовавшие в первые годы советской власти национальное районирование территорий (Васильева 2020: 23) и переписные кампании политически закрепили этническое маркирование социального пространства СССР. Такие спорадически возникающие обращения этнических предпринимателей к этничности как к основе для категоризации населения фиксируются и в других исторических условиях. Так, О.В. Васильева весьма любопытно описывает процесс приписывания и навязывания этнических маркеров народам современной Республике Саха (Якутия). Причем его возникновение ею убедительно доказывается причинами экономических интересов Российской империи и представлений ее власти об эволюционном развитии инородческих народов. Наши наблюдения за процессом возникновения научных и общественных дискуссий об единстве/дифференциации татарского народа, появившихся в преддверии последних двух Всероссийских переписей населения и ожидаемой в сентябре 2021 г. очередной переписи, расширяют список социальных инженеров этничности за счет включения в него и других пассионариев, стремящихся завоевать на кампании разнообразные дивиденды.

Последовавшая после районирования территории Российской империи активная индустриализация СССР, в том числе республик, обретение ими нового статуса в начале 1990-х гг. простимулировали национальную мобилизацию и рост национализма (по Э.Геллнеру) у многих народов страны. Последовало стремление российской политической элиты к формированию общероссийской идентичности. О.В. Васильева дает ей следующую оценку: «Несмотря на то, что термин «нация» в новом гражданском и политическом значении, который пытались внедрить в общественное сознание, так и не нашел понимания» (Васильева О.В. Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. Якутск, 2020. С. 167). Далее автор спрашивает: «Но можно ли это объяснить только тем, что «этничность», формируемая неравенством, оказалась настолько глубоко укоренена в сознании граждан, институтах общества, что путем простой смены значений слов, которая происходит сейчас в сфере национальной политики, изменить ее невозможно». Может быть, следуя методологической логике автора, здесь стоит

поразмышлять о роли замедленных постиндустриальных преобразований в российском обществе, которые тормозят формирование национально-гражданской идентичности в российском обществе?

Перспективное расширение рамок поставленной автором проблемы видится в пространственном и территориальном аспекте. Обозначая основания методологической рамки исследования, О.В. Васильева указывает на то, что «формирование российского государства ... происходило в качестве одной из полупериферийных стран, а ее особенностью стало соединение периферийного развития капитализма с формированием сильного самостоятельного государства, ставшего важным элементом в системе европейских империй» (Васильева 2020: 6). В этом проглядывается некоторая обуженность исследования этносоциальных процессов у народов России. Для Северной Евразии, Дальнего Востока, Центральной Азии и казахстанских степей Российская империя являлась частью другой, неевропейской мир-системы с собственной, культурно обусловленной логикой развития капиталистических отношений. В их воспроизводстве российские народы на разных этапах выполняли посредническую роль в продвижении интересов государства на Восток, Азию и Арктику, участвовали в расширении его границ, развитии экономики страны и национальной буржуазии за счет ресурсов сопредельных северных, восточных и южных территорий. Был бы интересен авторский взгляд и на процесс огосударствления этничности субъектами РФ, упомянутый лишь вскользь (Васильева 2020: 167). Для выведения интересующих нас параллелей в развитии разных народов страны было бы интересно узнать, как Республика Саха (Якутия) строила собственную политику этнической идентичности в отношении якутов и как она менялась под влиянием интересов федерального Центра, встраивалась в предлагаемые им акценты общегосударственной национальной политики.

Связанным с обозначенным аспектом выступает актуализируемый автором вопрос о локальных идентичностях. О.В. Васильева отмечает, «что в языковой картине мира современных якутов (саха) произошел существенный сдвиг в представлениях о границах родной земли, которая сегодня чаще ассоциируется с территорией существующих административных улусов (районов), а также Республики Саха в целом» (Васильева 2020: 77). Жаль, что в работе этот сюжет не получил объяснения. По нашим наблюдениям, локальные идентичности – весьма распространенное явление среди тюркских народов. Среди алтайцев сохраняются устойчивые и массовые представления о *сёоках* (родах). У татар память о родах и местах рода не сохранилась совсем, хотя очень велика связь с деревней, откуда происходит семья, родственник круг.

Обозначенные дискуссионные вопросы – это темы для будущих сравнительных исследований. Представляется, что монография О.В. Васильевой дает для них хороший импульс. Исследователь задал много интересных вопросов, стимулирующих к новым научным изысканиям. Книга

Габдрахманова Г.Ф. Рецензия на монографию О.В. Васильевой «Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ»

содержит достаточно новый, не очень популярный в российской науке подход, но весьма оригинальный, а порой и смелый, нестандартный взгляд автора на некоторые устоявшиеся представления об этничности. Поэтому рецензируемый труд заслуживает пристального внимания со стороны представителей этнологической науки.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Васильева О.В. Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. Якутск, 2020. <http://igi.yasn.ru/files/publicasii/etichnost.pdf> (Дата обращения 18.01.2021).

Усманова Д. Контакты татар с общероссийскими политическими партиями и образование первых мусульманских (татарских) политических организаций // История татар с древнейших времен. Т. VII. Казань, 2013. С. 75–78.

Сведения об авторе: Габдрахманова Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); medi54375@mail.ru

Поступила 20.01.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY O.V. VASILYEVA “ETHNICITY AND SOCIETY IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): SOCIOLOGICAL ANALYSIS” (YAKUTSK, 2020)

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of a new book – a monograph by O.V. Vasilyeva “Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis”, published in 2020 in Yakutsk. Its advantage is a new original approach to studying the process of constructing ethnicity in the context of the development of capitalist relations and modern global economic flows. The reviewer gives some parallels in the social development of the Yakuts and Tatars at different historical stages. This is the emergence of the bourgeoisie and political organizations at the beginning of the 20th century, specific labeling under the influence of the Soviet Republic constitutional acts and post-Soviet census campaigns, the “acquisition of republics” in the conditions of the Soviet practice of national zoning of territories, etc. All such facts highlight how much

the peoples of the Turkic world of the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation had in common. The monograph by O.V. Vasi-lyeva encourages new research in the field of social aspects of the the Turkic world ethnicity functioning.

Keywords: Yakuts, Tatars, ethnicity, social aspects, capitalism

For citation: Gabdrakhmanova G.F Retsenziya na monografiyu O.V. Vasil'evoy «Etnichnost' i obshchestvo v Respublike Sakha (Yakutiya): sotsiologicheskii analiz» (Yakutsk, 2020) [Review of the monograph by O.V. Vasilyeva “Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis” (Yakutsk, 2020)]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 177–182. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.177-182>

REFERENCES

Usmanova D. Kontakty tatar s obshcherossiyskimi politicheskimi partijami i obra-zovanie pervykh musul'manskikh (tatarskikh) politicheskikh organizatsiy [Contacts of Tatars with all-Russian Political Parties and the Formation of the First Muslim (Tatar) Political Organizations]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen*. T. VII. Kazan, 2013. P. 75–78. (In Russian)

Vasil'eva O.V. *Etnichnost' i obshchestvo v Respublike Sakha (Yakutiya): sotsiologicheskii analiz* [Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis]. Yakutsk, 2020. (In Russian) Available at: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/etichnost.pdf> (Accessed 18.01.2021).

About the author: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); medi54375@mail.ru

Received January 20, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021

2021

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ И НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТУГАН ТЕЛЛӘР ҖӘМ ХАЛЫКЛАР БЕРДӘМЛЕГЕ ЕЛЫ

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2020–2023 годы)»

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.

Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

The preparation and publication of the journal were carried out within
the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2023)”

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2021. Том 6, № 1
HISTORICAL ETHNOLOGY, 2021, vol. 6, no. 1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, Л.Ш. Давлетшина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 16.04.2021 г. Дата выхода в свет 21.04.2021 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,5 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71,
231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru